

Евгений Алехин

ТРЕТЬЯ ШТАНИНА

Ил-music
карантин-карман
2017

Содержание

Границы первого уровня · 5

335 · 151

Третья штанина · 195

ГРАНИЦЫ ПЕРВОГО УРОВНЯ

Ипохондрия (ипохондрический синдром) – чрезмерно заботливое отношение человека к своему телу с тревожным наблюдением за собой и страхом за своё здоровье, с мучительными домыслами на эту тему.

Ипохондрические опасения относятся чаще всего к сердцу, желудочно-кишечному тракту, половым органам и головному мозгу.

Википедия

1.

Мне больше не нравилось в собственной комнате, поэтому у нас дома не осталось ни одного места, где я мог бы почувствовать себя как дома. Раньше, особенно если прибраться, было уютно сидеть у себя и что-нибудь читать, или печатать на компьютере. А если говорить о том моменте, когда прибрался только-только, то тогда я мог просто целый час сидеть или лежать да думать о всяком. Хотя один раз два года назад у меня завелись такие маленькие мошки, из-за того, что я оставил грязную посуду на несколько дней. Это была какая-то необычная разновидность, чрезвычайно коварная и кровожадная – когда мошки съели остатки пищи в тарелках, они начали кусать меня. Я тогда очень сердился, пока не убил всех до последней мухи, жестоко убивал их свернутой в трубку газетой, – ох и поединок это был! И даже тогда, хоть уюта тоже было немного, мне было нормально.

Сейчас здесь стало плохо. Пусть из-за очередной попытки расстаться с отчим домом, меня не было всего-то пару месяцев, но что-то изменилось, к тому же отсюда убрали журнальный столик, на котором раньше стоял монитор. Теперь монитор стоял на полу. Когда я, приехав, включил компьютер, помню, очень волновался, а заработает ли это изваяние? Компьютер заработал, но ненадолго. Признаться, я только и успел пересмотреть заново фотографии голых женщин, сохраненные в памяти – по которым, как оказалось, сильно соскучился – как монитор погас и начал издавать смертоносные звуки, будто загадочный псих поселился внутри во время моего отсутствия, а теперь лупит с обратной стороны по кинескопу, пытаясь прогнать меня. Как будто ничего больше тут не принадлежит мне, ни эти голые женщины, ни само пространство. Тогда я испуганно выключил компьютер из розетки и больше его не включал, благо в зале теперь стоял новый, мощный, с процессором в три тысячи двести мегагерц.

Переставлять предметы с места на место в комнате мне не захотелось, хотя можно было попробовать как-то снова подчинить себе свой угол. Но я решил, что не нужно этого, что если мне будет не так уютно здесь, может, я быстрее куда-нибудь уеду, и тем быстрее в моей жизни начнет что-нибудь происходить. А так я занимался только тем, что играл на новом компьютере ночи напролет, хотя не только играл, а напололам с этим осваивал программу десятипальцевого метода печати на клавиатуре, изредка пытался придумать рассказ (но мне не хватало мужества даже на одну страницу) и ездил к урологу. У меня были какие-то неполадки с простатой из-за перенесенного немногим раньше венерического заболевания, с которым я проходил дольше, чем следовало. Родители (отец и мачеха) не сильно намекали на мое безделье, и отец давал мне деньги, чтобы я лечился. Но я старался покупать газету и пытался найти работу, все

высматривал что-то. Не только для успокоения совести – я всерьез полагал поработать несколько месяцев и заработать чуть денег перед тем, как опять уехать в Москву.

Только почему-то я не мог уверенно говорить, и, когда звонил по телефону, спрашивал о наличии свободной вакансии, то чувствовал непонятное унижение и еще больше – растерянность. Например, я хотел устроиться оператором фотопечати, когда увидел, что они требуются туда-то и туда-то. Это, должно быть, несложная работа, подумал я. Хотя за нее и платят немного. Я позвонил по первому номеру. После вопроса об образовании и возрасте женщина спросила у меня:

– Вы умеете пользоваться компьютером?

– Конечно, – говорю.

– А обращаться с фоторедакторами?

– Могу работать на фотошопе, – приврал я.

– Вы печатали когда-нибудь на фотопринтере?

– Да, – соврал я, – у меня дома есть такой, – злостно обманул я женщину непонятно зачем.

– Какой модели?

– Сейчас скажу, какой. Только подойду к нему.

И я положил трубку. Мне почему-то стало очень неловко перед этой женщиной, очень уж она была деловой, а я тут врал ей, как будто не выучил уроки в школе. Я все представлял, как она удивилась неожиданным коротким гудкам, презрительно скривилась, глядя на трубку, и положила ее на телефон. Она поняла, кто я такой. Самозванец, ни разу в глаза не видевший фотопринтера, вот кто. Или же она раскусила меня еще во время разговора? Наверно, она поняла, что я всего лишь жаждущий халявной работы некомпетентный врун, с моих первых слов. С моего «здравствуйте».

Неважно, к моменту звонка по второму номеру я был уже сильно уязвлен, но я на всякий случай позвонил во второе место, хотя уже и не думал, что оператор фотопечати –

такая уж хорошая работа. Опять со мной говорила женщина, только эта шла по другому пути, то есть сначала, конечно, тоже спросила о возрасте и тому подобной ерунде, а потом:

– А где вы работали до этого?

За неделю с лишним до этого мы с моим другом Тимофеем закончили сажать кедровые. Это и была моя последняя и единственная за долгое время работа, да и то длилась она недолго. Поэтому я попытался припомнить что-нибудь поприличней.

– Продавал бытовую технику. Чайники, там.

– Как долго?

– Два месяца, – соврал я. Два дня! Да и когда это было.

– Интересно...

– Да нет, не очень, – говорю.

– И почему перестали?

Тут я смутился, чуть замешкал и ответил:

– Потом я решил, что это работа не совсем для меня, – но я тут же понял, еще до того, как она начала говорить, что я не угадал ответ. Надо было сказать, что я боялся непонятно откуда свалившейся на мою голову недостачи товара, что боялся, что недостача вдруг станет больше самой зарплаты. И это было почти правдой, вернее так я оправдывал себя, когда с утра не хотел туда идти. Но все это было уже два с половиной года назад. А еще правильным ответом было бы сказать, что я работал на частного предпринимателя, частное предприятие которого закрылось, и я начал искать другую работу! Это было бы еще лучше. Вот они, лежат хорошие ответы, но я!

– А почему вы думаете, что эта работа вам подойдет?

Мне показалось, что тут еще можно было легко выкрутиться, я начал:

– Нет, что вы. Просто там, понимаете, чайники, люди которым надо объяснять, как ими пользоваться, ты один стоишь....

То, что я стал говорить, тут же вызвало у меня такое отращение, что я на середине своего оправдания нажал на кнопку, чтобы оборвать этот идиотский разговор. Неужели я так плох, неужели для меня совсем нет нормальной работы? Неужели я могу быть только грузчиком или, там, подсобным рабочим? Что со мной, почему я не могу убедить их, что нужен им? Наверняка я прочел куда больше хороших книг, чем она, я же довольно сообразителен. Есть что-то во мне? Или нет? Я сидел в своей комнате и смотрел на телефон и на газету «Работа» и, ей-богу, ненавидел и первый, и вторую так сильно, как мало что ненавидел в жизни.

Да ведь правда я ни на что не способен. Мы с Тимофеем несколько дней сажали кедры, пока от наших услуг не отказались! Мне наш бригадир так и сказал, что мы плохо это делаем, хуже всех остальных! Всего-то вставлял саженцы через каждые полтора метра! Но ведь я не виноват. Я просто вставлял саженцы, это Тимофей штыком их фиксировал в почве, и то, что он это делал плохо – его вина. Тимофей виноват? А не я, значит? Не надо только катить бочку!

– Извини, – сказал Юра, так звали бригадира, – я позвонил сказать, что мне придется отказаться от ваших услуг.

– Как это отказаться?! – спросил я удивленно. В ту секунду все неосуществленные, но запланированные покупки летели в мусоропровод моего сознания.

Юра сказал:

– Вы это делаете слишком херово.

Я не знал, что сказать. И тут он как будто стал оправдываться:

– Я прошел по целому ряду и у вас все саженцы легко вытаскать. Вы с Тимофеем завтра не поедете, скажи ему тоже, – он был очень расстроен и обижен на нас. Он говорил, так, будто я не оправдал его доверия.

А я был зол на него, хотя он был довольно вежлив. Вообще он был интеллигентный мужик. И он несколько раз

говорил нам, чтобы мы их лучше фиксировали. Но ответил я, конечно, по-другому:

– Отлично, – полсекунды прицеливался и выстрелил, – ну вас в жопу с этими кедрами! Только это был не наш ряд! Мы нормально сажали!

Но отцу я сказал, что работы осталось мало, что Юра будет доделывать оставшийся участок с постоянной бригадой. Того, что я заработал на кедрах, едва хватило на новые штаны.

И вот теперь я остался со своей, не родной мне больше, комнатой. Компьютерными играми, программой слепого десятипальцевого метода печати и нерешительными попытками устроиться на работу. Я ездил даже на биржу труда, там переписывал номера пару раз, их у меня было много записано, но звонил я далеко не по каждому. И даже туда, где я договорился о собеседовании, я не ходил. Эти дела были одним из основных переживаний, я ощущал себя ребенком, пытаюсь найти работу. И еще меня выводил курс машинописи, который я уже проклинал, но продолжал осваивать. Если ты привык печатать, используя по три пальца каждой руки, а тут пытаешься использовать все десять, это выводит. Но мне хотелось это уметь. Случайно я обнаружил эту программу и упрямо мучился с ней. Я мечтал о том, как приду к кому-нибудь в гости, сяду за компьютер и покажу им всем жизни. Сяду за компьютер у Тимофея, например, возьму первую попавшуюся книгу и, глядя в нее, но не на экран, забарабаню по клавишам. Первые два дня я занимался на этой программе по десять часов, но потом упражнения стали такими сложными, что прыти моей поубавилось. Я пытался все делать правильно, не глядя и быстро, но ошибался, программа говорила мне «ой!», и я начинал заново, психовал, ругался, домашние мне говорили, чтобы я был тише, и что я дурной. Один раз я разорался,

швырнул стул, и мы поругались с мачехой. Несколько раз я выходил на крыльцо со сжатыми кулаками после какой-нибудь тридцатой попытки выполнить упражнение, смотрел на прохожих за оградой нашего дома, мечтая перестрелять всех их, особенно тех, которые знают, что надо делать в жизни, куда идти и как быть в той или иной ситуации, как стать счастливыми. Я ударял в стену нашего дома кулаком, становилось дико больно, я успокаивался и шел дальше бороться с этой программой. Но потом я делал перерывы все больше и просто играл в игры.

И еще мы выпивали с Тимофеем, оба без работы, он уже два с лишним месяца как окончил университет на биолога – худший диплом года по оценкам. Я – три раза учился на первом курсе... Выпивали мы огромные количества алкоголя.

Но потом мне прописали двадцать дней уколов и никакого пьянства. Сначала врач взял у меня кровь, взял мазок на флору, поставил один укол – провокацию. Сказал, сегодня выпей, а потом будем брать у тебя еще три дня мазки. И еще направил на УЗИ простаты. Я ночевал тогда у Тимофея, позвонил отцу и сказал:

– Я останусь у Тимофея сегодня, а завтра мне будут делать УЗИ!

– УЗИ чего? – спросил он.

– Простаты! Засунут мне адскую машинку в зад и лишат меня невинности! Так что я сегодня выпью, а если завтра я не вернусь, знайте, что со мной случилось!

– Не ты первый, не ты последний, – ответил мой отец и заметил, что я уже выпил.

Мне очень понравился его ответ, и я почувствовал, что он мне родной человек, хоть мне и было обидно, что у него в сорок шесть нет подобных проблем. Я ему сказал как-то – эх ты, ведь тебе скоро полтинник, а у тебя нет таких

проблем! На что он сказал: да не надо кушать водочку такими количествами и спать с кем попало, и все в порядке будет и до, и после пятидесяти. И вот он я, уже чувствую себя как старый дед: давление прыгает, с простатой нелады.

Так на следующий день я оказался в диагностическом центре.

Но кабинет урологического УЗИ не работал, и сначала я думал, что дефлорация отменяется, уже было обрадовался, но тут мне сказали, что все-таки можно пройти через эту унижительную процедуру в кабинете исследования брюшной полости. Туда я и пошел. Там я сидел в очереди и переживал. Потом я зашел в кабинет и на свое удивление обнаружил двух женщин. Одна молодая – за компьютером, вторая старше, но еще довольно красивая. Та, что старше, выяснив мой возраст, предложила мне разуться, но, узнав, что у меня нет полотенца, отправила на первый этаж купить пеленку. Я вернулся с пеленкой, и она опять предложила мне разуться, потом постелить пеленку на кушетку и лечь на бок. Потом подогнуть колени к подбородку и оголить зад.

– Ну и работенка у вас, – сказал я неловко.

– Ничего, справляемся, – ответила она, уже надев специальный презерватив для УЗИ на такую пластмассовую штуку, подключенную к аппаратуре. С этими словами она меня дефлорировала. Ничего страшного, только у меня было чувство, что я опростаюсь прям на кушетке – я думал, что мой кишечник недостаточно пуст. И мне было очень стыдно, пока я не понял, что это чувство желания пойти в туалет мучит меня из-за ощущения постороннего предмета в себе, и что чувство это мнимое. Тогда я вдруг подумал с этой штукой в заднице: меня вылечат. Я буду здоров, сейчас я вылечу простату и женюсь на хорошей девушке, не буду ей изменять, не будет больше венерических болезней, начну заниматься спортом, у меня прекратятся проблемы с давлением,

и я буду совсем здоров. И если я буду здоров, то, возможно, я буду счастлив. Да, наверное, я даже найду работу, которая мне будет нравиться, у меня опять будут получаться хорошие рассказы. Я еще не сильно наломал дров, можно все вернуть, и понять себя, и стать цельным человеком. У меня вынули эту штуку из зада, я встал и надел штаны. Настанет день прощения всех пьяниц, думал я, настанет, и им будет дан новый шанс!

И к тому же, вскоре анализы показали, что у меня не осталось инфекций в организме, но вот кровообращение в простате нужно восстановить. Мне прописали курс уколов на двадцать дней, как я уже говорил, и еще врач посоветовал начать ходить на массаж простаты. Для меня это было дорого, поэтому я делал всякие страшные процедуры самостоятельно. Моя мачеха нашла где-то тоненькую книжечку о простате, после чего я пришел в аптечный супермаркет. Я ходил и не мог найти клизму, которая мне нужна была, как говорилось в книжке, зато наткнулся на интимный отдел и впервые в жизни увидел все эти пугающие самотыки и прочие хитрые приспособления. Потом я все-таки подошел к девушке-консультанту и сказал:

– Мне бы найти, где у вас тут клизмы.

– Спринцовки? – спросила она. Я раньше и слова-то такого не слышал.

– Клизма нужна мне. Клиз-ма.

– Спринцовка, – сказала она, – а клизму вы себе сами делаете.

И крикнула другой девушке, чтобы та показала мне спринцовки. Какого размера мне нужна, спросила меня вторая. Я сначала не понял, а когда она открыла какой-то огромный ящик, я понял, почему она спросила. Их было много разных размеров и цветов, и взял я себе красивую, зеленую, средних размеров клизму. Оказалось, что теперь наука далеко ушла в производстве оных, и клизмы теперь

совсем не такие, как те, из которых мы брызгались в детстве, а намного эстетичней. И еще я купил лепестки ромашки.

Но опять одиночество наваливалось на меня, когда я все бился с десятипальцевым методом, с машинописью и простатой. И теперь не мог печатать ни по старому – потому что разучился, ни по-новому – потому что еще не научился. Потом, ближе к ночи, когда родители и мой младший брат уже спали, я делал кое-какие упражнения из книги о простате, которая, кстати, называлась «Второе сердце мужчины». Я вставал на четвереньки и задира л ноги по очереди. Еще сжимал анус: три подхода по тридцать, спасительная якобы для кровотока манипуляция. А на десерт ждала процедура, из-за которой я чувствовал себя наиболее несчастным и одиноким, которая в сотни раз уменьшала меня, а мир делала больше в тысячи.

Сначала просто очистительная клизма, полежать на боку пять минут, сдерживая теплую воду в себе. Когда все, что в тебе было, со свистом выйдет в унитаз,

вторая клизма – из отвара ромашки, и надо ходить с полным кишечником этого отвара в течение пятнадцати минут.

Гидромассаж простаты. Простаты. Гидромассаж. И я ходил по коридору ночью, подходил к зеркалу, ба, ну и тип, будто в штаны наделал, иногда выходил на крыльцо, закуривал и проходил до калитки и обратно. Такие дурацкие ночные упражнения, я хожу под звездами как пингвин, весь напряженный, а потом сил у меня не остается, и я бегу в туалет. И уже нет во мне этого оптимизма, нет всех этих замечательных мыслей о дне прощения всех пьяниц.

Да, и еще я в некоторые вечера гулял с девушкой, и от этого всего не стоило ждать ничего, кроме непонятно чего. Собственно, я сказал ей, что люблю ее и собираюсь на ней жениться. Такие впечатления от сентября.

Миша обещал подвезти немного плана. Честно говоря, я в жизни не стал бы его об этом просить, я совершенно равнодушен к таким вещам, и не стал бы заранее планировать покурить. Хотя и не отказывался никогда, у меня не было потребности накуриваться, пусть мне теперь и нельзя было алкоголь.

Просто меня попросила Алиса.

Она сказала, что хочет покурить, что давно этого не делала. Я сказал, что спрошу у Миши, если у него сейчас есть, он подвезет. Миша подъехал ко мне на своей раздроченной Волге семьдесят седьмого года выпуска. Я сказал ему:

– Привет. Поехали к Алисе.

Нужно было только объехать парк, совсем близко.

Миша спросил:

– А чего это вы решили с ней покурить? Ты что, с ней общаешься?

– Я с ней теперь встречаюсь, – ответил я.

Миша удивился.

– А я уже два года ее не видел. И как у нее дела?

– Да ничего вроде, сам и спросишь.

И вот мы уже подъехали к повороту на ее улицу. Я продиктовал Мише ее номер, он позвонил с мобильного и сказал:

– Мы стоим тут, возле поворота... нет, к дому мы не подъедем, мы боимся твоей мамы... давай, подходи сама...

После одного случая мы действительно боялись Алисиной мамы.

Через пять минут Алиса села в машину.

– Привет, – сказала она.

Я перелез к ней на заднее сидение и попытался ее расцеловать. Мы поехали, но Алиса вместо того, чтобы целоваться со мной, пыталась спросить, как дела у Миши, и всю эту подобную вежливую ерунду.

- Эй, вашу мать, я твой будущий муж, а не он, – сказал я.
- А может быть, он, – сказала она.
- Хер вам на ворот, – сказал я.

Мы приехали на берег, красота, тучи, желтые листья, река внизу; Миша достал из бардачка баночку Спрайта, с заготовленными необходимыми отверстиями. Он отломил кусочек от башика плана, кусочек на одну хапку, повернулся, передал Алисе баночку, она взяла, как это следует брать, изящно поднесла к лицу, Миша положил кусочек, поджег. Она глубоко втянула и задержала дым в себе. Миша отломил кусочек для меня, чуть побольше.

– Не жмись, не жмись, отцу нужно больше, – сказал я, – в любви и в курении наркотиков мне нет равных.

Алиса закашлялась, выпустила дым, а я сделал хапку. Миша отломил себе кусочек – совсем небольшой.

– Я сегодня уже курил, – сказал он в свое оправдание.

Потом мы с Алисой повторили процедуру еще по два или три раза, а Миша сказал, что ему хватит. Его всегда быстро уносило с плана. Я же, как и Тимофей, мог скурить его целую тучу.

Вот я почувствовал легкость и головокружение, было приятно, меня отпустило ощущение, что в мой мозг впивается прищепка – ведь я уже полгода или больше, месяцев восемь, жил с постоянной головной болью. Пьяному или накуренному легче с этим справляться. Алиса вылезла из машины, встала в нескольких метрах впереди капота. Она смотрела на реку, осенний пейзаж, все дела, мы были на краю обрыва, а внизу – река. Алиса смотрела, любовалась, сливалась с природой, потом стала фотографировать на телефон вид на реку.

– Она похудела, – сказал Миша, – хорошо выглядит.

– Ага. Хорошо выглядит, она же чуть не умерла. Хотела с собой покончить.

– Я слышал. А когда это? – спросил Миша.

– Да еще год назад было.

Миша включил музыку. Я сделал еще хапку, и тут же закурил сигарету.

– Скажи лучше мне, – говорю, – ты помнишь, о чем она тебе рассказывала тогда?

– Что еще рассказывала? – спросил он. Хотя мне показалось, что он и так понял, о чем я. Я все же пояснил:

– Еще два года назад или больше, когда мы лазили все вместе, она рассказала тебе, а мне не стала? Я так понял, что ее изнасиловали?

Миша посмотрел на меня и посмотрел на Алису через стекло. Она все еще стояла снаружи, все стояла себе и смотрела в сторону горизонта, я не знаю, может, поняла, что отсюда, из машины, она будет выглядеть очень красивой и печальной, и очень интересной, и нежной, если будет так стоять над рекой и смотреть вдаль. Миша собирался мне сказать что-то, прикидывал в голове, я вдруг понял, что меня немного повело, и даже не то чтобы немного, но Миша не успел ничего сказать. Потому что Алиса вдруг пошла к нам, насмотрелась, натосковалась по другим мирам, городам и странам, видимо. Я тут же вылез, поцеловал ее и встал как солдатик-подхалим, придерживая для нее дверь.

Мы еще минут двадцать посидели в машине, поболтали, покурили сигареты, и Алиса сказала, что теперь пора отвезти ее домой.

Мы еще проехались вдоль реки, проехались вдоль парка, и у меня случился внеплановый приступ словесного поноса. Я сказал Алисе, что нам срочно надо подать заявления в ЗАГС, и за тот месяц, пока они будут лежать в ЗАГСе, я заработаю немного денег, и пусть она тоже подумает, где можно их взять, может попросить займы у кого-нибудь, что-то такое. Ведь деньги пригодятся нам на первое время в Москве, мы ведь распишемся и уедем отсюда, нам нужно

куда-то поближе к миру, поближе к Европам, нужно развиваться, нужна ДВИЖУХА. Только нужно немного денег на первое время. Потом-то, понятное дело, я разбогатею. Мое изобретение – очки для куннилингуса – принесет мне много денег. Я буду стучаться во все двери разных компаний, кто выпускает молодежную одежду, наверное, не знаю, разберемся, в общем, я буду предлагать эту фишку, и сначала, конечно, у всех будет шок. Но потом дело пойдет. «Очки для куннилингуса», мир стал другим, люди больше не стесняются говорить и думать о письках, мужчины не стесняются нырять в пилотку, женщины не стесняются заглатывать колбасу, «Доставляйте друг другу удовольствие», а сам я стану лицом товара, это принесет мне, то есть нашей молодой семье, денег. Обычные черные очки, они ни чем не отличаются от любых других очков. Только очень стильные, и, если отогнуть дужку, с обратной стороны написано мелким Comic Sans Ms или каким-то подобным шрифтом:

«Очки для куннилингуса».

И все будут завидовать Алисе, что я – изобретатель очков для куннилингуса, креативный директор проекта, или кто там, какая к черту разница, идеолог-самоучка, мастак в этом деле, титан любовных утех – принадлежу ей как муж и только ей демонстрирую свое мастерство. Все это не будет, тем не менее, отвлекать меня от романа: пять страниц в день, я буду работать упорительно и неистово. Да, я напишу роман, небольшой роман. Может быть, двести пятьдесят тысяч символов или даже немного меньше, пусть даже двести двадцать, но там кое-что будет, в нем будет взрывная начинка: немного для умников, и для нонконформистов, и много для ценителей классики, я напишу его, и это, конечно, будет «Букер», или премия «Национальный бестселлер», и дела у нас пойдут в гору. Его переведут на все европейские языки.

Потом я попробую снять фильм, у меня есть идея сценария, а мой фильм – это Канны, естественно, я не собираюсь всю жизнь топтаться на месте... да, и конечно, для моей любимой жены найдется роль в моей картине. Жена-красавица, я ни на секунду не забуду о ней...

Я гладил Алису по руке, она усмехалась иногда, отвечала что-то, но мысли ее были заняты другими вещами, она находилась на другом берегу; я пел ей песню о новой жизни, но она не слушала меня, не верила в эту сказку. Миша сказал, что я пожадничал с планом, это план поет песни, а не я; и мы подъехали к тому месту, где Алиса час с лишним назад села в машину. Она выбралась из Волги, и я вылез за ней. Я обнял ее и сказал:

– Я правда очень хочу быть с тобой.

Серьезно сказал, поцеловал, и она сказала:

– Да я верю. Верю.

Я еще раз поцеловал в губы, потом поцеловал в щеку, поцеловал в другую щеку. Мне захотелось зарыдать из-за глубины этого момента, но Алиса сказала:

– Ладно. Я пойду, – и пошла.

– Пока, – выдохнул я.

Я сел на переднее сидение. Миша развернул машину, мы поехали в сторону его дома. И тут он сказал:

– Ты меня спрашивал...

– Ну и? – говорю.

– Не изнасиловали ее. А пустили по кругу в одной компании.

– А, – ответил я, – понятно.

Мне уже было не до разговоров – я слышал пульсацию в голове. Я слишком возбудился. Может из-за плана, а может из-за своей речи. Вообще-то я всегда отличался тем, что могу скурить плана сколько угодно, так что, может быть, больше из-за любви. Мы хотели еще поторчать в машине возле Мишиного дома, придумать, чем заниматься дальше,

как скоротать вечер и ночь. Поехали к нему во двор, но на полпути я почувствовал, как поднимается давление. Система накрывалась, из труб вдруг пошел пар, все датчики стали зашкаливать, видимо, я все-таки перекурил или переборщил с болтовней, или еще чем-то не угодил существующему порядку вещей.

– Аааа, блядь, – сказал я.

– Что с тобой?

– Быстрее, отвези меня домой.

Миша посмотрел на меня, испугался, сказал:

– Ты только не сдохни!

И повернул Волгу к моему дому.

– Да не сдохну, мне просто нужны таблетки.

Миша вцепился в руль, и если я издавал звук, он снова поворачивал голову ко мне и говорил:

– Ты только не сдохни...

– Просто принять таблетки, не сдохну.

Этот его испуг был мне неприятен, честно сказать. Он на меня смотрел как на безнадежного. Я держался за голову и мычал от боли, мне всего-то и нужно было, э-э-э, только приподнять крышку черепной коробки, чтобы пар вышел наружу. Мои мозги просто кипели, вот и все. Я слишком много мечтал, слишком много хотел, и теперь этот суп в моей голове закипел, вот что, всего-навсего, произошло.

Миша резко тормознул возле моей калитки:

– Давай, позвони потом, – сказал он.

И, только я вылез, он сорвался прочь отсюда, понятно, он ведь тоже курил, может, ему нужно было скорее скрыться от проблемы, чтобы она перестала существовать.

Вот калитка, дорожка к дому, давление сто пятьдесят, прикинул я, крыльцо, нажимаю звонок, давление сто шестьдесят. Еще раз дожимаю звонок, открывает мой отец, он, наверно, уже спал возле телевизора или кивал ему головой, когда мачеха послала его открыть мне дверь. У отца такая

манера: вместо того, чтобы пойти спать, залипать перед телеком. Так, у меня все в порядке, вытягиваюсь по струнке, «привет» – «привет». Я захожу в свою комнату, нахожу андипал, выхожу на кухню, выпиваю две таблетки, кладу под язык две таблетки коринфара, возвращаюсь в комнату, ищу тонометр, ложусь на кровать. Измеряю давление, все верно, я угадал – почти сто шестьдесят. Черт, что такое, я молод, я должен предаваться развлечениям, а не жрать таблетки, мне ведь всего лишь двадцать, меня должны переполнять силы, мой организм должен справляться с любой гадостью.

Ладно, успокойся, осторожно, скоро лекарства подействуют, нужно только успокоиться. И не курить больше, вообще лучше бросить курить, даже сигареты.

– 1

Годом раньше я учился на кафедре РЛТ, или режиссура любительский театра. Я как будто упал с неба прямо в институт культуры на вступительные экзамены и зачем-то сдал их. В жизни я не видел ни одного спектакля, но тут из меня якобы собирались сделать театрального режиссера. Из шести учебных дней у нас четыре раза в неделю было мастерство, на котором нас заставляли делать непонятные вещи. Наш преподаватель по мастерству, он же куратор, Басалаев, со своим конским хвостом волос, бородой и бородавкой на носу сидел в центре аудитории и говорил нам: почувствуйте круги внимания...

Внутренний круг внимания, вслушайтесь в себя...

Услышьте, как работает ваше тело, как работает ваш организм, как циркулирует кровь, почувствуйте каждую клеточку вашего тела...

Это вы.

А теперь обратите внимание на то, что происходит вокруг, попытайтесь понять происхождение каждого звука,

даже самого тихого скрипа из коридора, наделите каждый звук, цвет, неуловимый запах своей историей. Вслушайтесь во внешний круг внимания. В голос города за пределами института. Услышьте его, почувствуйте, пропустите его через себя, пропустите через себя весь окружающий мир.

Басалаеву было тридцать три – бывший наркоман, который теперь ничего не употреблял, даже сигарет, спиртного и кофе. Он ходил в горы каждое лето вместе с женой и дочерью и слегка сошел с ума от своего любительского театра, теперь это было главным и заслоняло все.

– Для меня то, чем мы тут будем заниматься, – сказал он, – главное в жизни. Если вы поймете, что для вас это не так, нам придется расстаться.

Может быть, это значило, что он хороший преподаватель? И он говорил, что не будет сравнивать нас со студентами других курсов, а только с актерами и режиссерами мирового уровня. Я немного смущался всего этого, видимо, я не достаточно любил себя в искусстве и искусство в себе. Пока еще не нашел себя, не знал, чем мне предстоит заняться в жизни, на все смотрел через пелену в своей голове, ожидая чего-то настоящего и удивительного.

– Я слышу, – говорит наш староста, – как гудит город. Слышу атмосферу города и людских забот.

– Я слышу, – говорит Ксюша, – что деревья устали. Началась осень. Природа готовится к спячке.

Да ничего я не слышу. Я слышу только, как несколько людей просто бросают вам то, чего вам хочется от них получить, вместо того, чтобы сказать, что это все бред. Я конечно не против этого всего, если бы они говорили правду. Но это не правда.

– Он собрался ломать стереотипы, – сказала Вероника, наш второй преподаватель по мастерству. По-моему, я ей понравился.

На это я правой рукой указал на полмира справа от себя и сказал:

– Зрю в корень.

Левой рукой указал на полмира слева от себя и сказал:

– Ломаю стереотипы.

Никому это не показалось смешным. Мы на занятиях ходили по аудитории в черных одеждах. Тренинги. Все закрывали глаза и ходили, и ходили. Нас Басалаев учил ходить, чтобы не больно было врезаться друг в друга. Идите от центра. Расслабьтесь. Вы должны стать ансамблем, вы должны стать одним целым. Скоро вы поймете, что к чему. Упражнения и этюды, этюды и упражнения, нужно всегда заниматься Творчеством, чтобы быть в форме.

После института мы выпивали по бутылке пива с моим одноклассником Женей Лахановым и ехали по домам.

А потом у нас появился еще один внеплановый предмет. Занятия по свободному танцу. Под конец второй недели учебы Басалаев привел ушастого парня и сказал:

– Это Андрей. Он преподает в Институте Свободного Танца в Москве. До конца сентября он у нас в городе.

И, о чудо, этот удивительный человек, давний друг Басалаева, согласился ввести нас в суть Свободного Танца.

К чему и приступили на следующей неделе.

И началось. Андрею (я прозвал его Ушастым Самозванцем) было лет двадцать пять. После мастерства мы оставались еще на два часа в принудительном порядке и попадали прямиком в его липкие лапы.

Ушастый Самозванец надевал униформу свободного танцора: черные лосины, поверх черных лосин надевал спортивные шорты, еще растянутая футболка, плюс счастливое лицо человека-который-ничего-к-чертям-не-слышит, и давал жару. Мы разбивались на пары и делали непристойные вещи. Моей дамой была симпатичная девочка Вика,

поэтому у меня постоянно стоял. Например, такое упражнение: водит она меня по аудитории, у меня закрыты глаза, она держит меня за живот и за пояс – управляет мной. Ведет меня, предостерегает, чтобы я ни в кого не врезался, ведь все остальные сейчас тоже играют в эту игру, отводит меня от препятствий. Не знаю, я тут же начинал чувствовать пульсацию крови во всем своем теле. Сам я мог спокойно ее водить, но стоило мне закрыть глаза, как становилось сложно терпеть на себе прикосновение красивой девушки.

Еще было упражнение – «плавающая точка». Сначала Вика ложилась на пол, а я терся об нее. Якобы я должен был ИССЛЕДОВАТЬ ВСЕ ЕЕ ТЕЛО. Это заговор. Это выглядело так: Вика лежит на полу, а я кладу руку ей на живот. Сначала кисть, а потом веду руку, как бы пытаюсь размазать Викин живот по всей своей руке, живот должен попасть мне на предплечье, на плечо. Потом спиной трюсь об ее живот, чтобы живот попал и на спину. Потом я должен аккуратно перелезть через Вику – ни на миг не теряя точки соприкосновения – и пошла вторая рука. И так пока все мое тело не ощутит Викиного живота. А потом мы меняемся.

Я ложился на пол, а Вика делала все то же самое, что я делал только что. У меня в штанах был огромный сигнализирующий маяк. Вика это должна была заметить и заметила, конечно, это я понял, по тому, как она смущенно хихикнула. Мне казалось, что все на меня смотрят. Я закрыл глаза, чтобы спрятаться от позора.

Когда мы переодевались, ко мне подошел одноклассник Путилов и сообщил:

– Я видел, как ты лежал со своей трубой посреди аудитории.

– Все дело в семейных трусах, из-за них сложно скрыть, – объяснил я, – и еще в Вике.

Путилов кивнул своей похотливой рожей. Согласен он был насчет Вики, это уж точно.

После этих занятий, выбирая виртуальных любовниц для вечернего онанизма, я стал останавливать выбор на Вике. И вообще думать о ней, наделять ее положительными человеческими качествами, которые бы проявились в нашей с ней совместной жизни. Правда, мозгов у нее было немного, но это ничего, думал я. Главное, чтобы человек был хороший.

Сама Вика была из области: город в семьдесят пять тысяч человек. У нее было место в общежитии, но пока она жила у бабушки, за семью замками, скрытая от скользких похотливых рук – но это тоже было недалеко от института. Пару остановок на автобусе, а можно было пройти и пешком. Я даже напросился проводить ее после одного совместного занятия и поцеловал на прощание. Она ответила мне, только так робко, что я определил в ней девственницу, и вообще решил, что она – луч света. Я ждал с нетерпением, когда же она переедет в общежитие, чтобы я смог пробираться к ней через вахту, придумывая хитрые способы, лишь бы побыть с моей прекрасной Викторией наедине.

Потом было воскресенье, и я поехал до спортивного магазина, купить теннисный мячик и скакалку. И еще нужно было зайти в парикмахерскую. Мячик и скакалка были нужны для занятий по сценической речи. Кидаешь партнеру мячик и произносишь скороговорку. Скачешь на скакалке и читаешь стихи. Учишься контролировать дыхание. И речь у тебя становится как у заправского оратора. Я зашел в спортивный магазин, купил мячик. Скакалку не нашел. Я подошел к парикмахерской «Тайга», но она была на ремонте. Я не припомнил, где еще поблизости есть парикмахерская. Неподалеку жил мой друг Игорь. Я решил заглянуть к нему в гости, может, вытянуть его прогуляться. Игорь сказал, что можно выпить

чуть пива, поболтать, только недолго – через час ему нужно было на собеседование. Он искал работу. Мы выпили две полуторалитровые бутылки пива во дворе. Я вспомнил о городах и странах.

– Нужно отсюда сваливать, – сказал я Игорю, – я для себя все решил. Летом поеду поступать в Москву или Питер.

– Я с тобой, – тут же сказал он.

– Только не зассы, – говорю, – давай хоть в Литературный попробуем. Или не знаю куда.

Он сказал – конечно, нужно сваливать. Этот город воняет хуже сортира.

Был еще запас времени, и мы решили, что успеем выпить еще по пол-литра пива. Конечно, Игорь не поехал ни на какую встречу. Мы купили две бутылки водки и пошли к нему домой.

– Мальчики, зачем вам столько водки? – спросила мама Игоря. Она выпила за компанию рюмку, сказала мне, что я отличный человек и поэт отличный, с виду я такой же трагичный, как Маяковский, – и оставила нас. У нее было хорошее настроение.

Мы выпили одну бутылку. Тогда я позвонил папе и сказал, чтобы дома не ждали меня ночевать. Отсюда и пойду на занятия.

– Ты сходил в парикмахерскую? – спросил он.

– Да, – соврал я.

– Ты купил мячик? – спросил он.

– Да, – сказал я, на этот раз правду.

Пятьдесят процентов правды и пятьдесят процентов лжи. Поэтому я положил на чашу весов еще один ломоть правды, чтобы частично очистить свою совесть:

– Только скакалку не купил, к сожалению. Но это ладно. Не к спеху.

– Много не пейте, – напутствовал мой папа.

Я положил трубку, и Игорь мне сказал:

– Таня придет с работы, и мы попросим, чтобы подстригла тебя.

Таня работала барменом в зале игровых автоматов в ночь.

– Это хорошо. Нужна любая стрижка, лишь бы походило на работу парикмахера, – говорю.

– Справится. Она меня один раз стригла.

Мы принялись за вторую бутылку. Я опять не заметил, как Игорь выудил неизвестно откуда свою метафизическую машинку, с помощью которой он периодически вынимал мой мозг. В таких случаях я всегда терялся и просто тупо кивал.

– Она не понимает, что я такой, какой есть. Что она от меня хочет? Чтоб я много зарабатывал?

Я кивал.

– Если ты скажешь, что нуждаешься в поддержке, и мне придется выбирать между тобой и Таней, я выберу тебя. И так же выберу Сашу Кулакова, потому что вы мои друзья. Таня должна это понимать.

Я кивал.

– Ведь это и есть моя жизнь. Я живу так. И я должен быть таким, какой я есть. Я живу этим, я просыпаюсь, чищу зубы, ем завтрак, и мне нужно вспомнить, как мы говорили с тобой. Как мы шутили с Сашей Кулаковым про говно. Тогда я счастлив.

Игорь поставил музыку, под музыку мы немного всплакнули, а когда я проснулся, он еще спал. Я лежал на его кровати, а он на полу. Я перешагнул через нежелание вставать, перешагнул через Игоря и вышел в коридор. Ведь я решил не прогуливать учебу, попробовать задать себе ритм, ходить на все пары, даже если у меня похмелье. Мне достаточно было уже двух неудачных попыток учиться на филфаке, двух отчислений с первого курса, пора было взять себя в руки и попробовать задержаться

в нынешнем институте. На кухне сидели мама Игоря и Таня. Я поприветствовал их из коридора своей виноватой улыбкой. Ответной улыбки не получив, сказал:

– Доброе утро, Ирина Витальевна. Доброе утро, Таня.

– Доброе утро, – сказала мама Игоря.

– Привет, – сказала Таня. Вид у нее был усталый, она только что пришла с работы.

У мамы Игоря было уже не такое хорошее настроение, горели синим пламенем моя трагичность и сходство с Маяковским. А Таня никогда меня особо не любила, понятия не имею, за что. Может, ревновала. Само собой, не было никакого смысла просить Таню подстричь меня. Даже Филечка, маленькая тупая собака Игоря, полюбила меня, перестала на меня лаять, а Таня держалась.

– А можно мне супа, если есть? – спросил я.

– Садись, – сказала мама Игоря.

Я зашел в уборную, почистил зубы пальцем. Вышел на кухню и сел на стул. Мама Игоря и Таня на меня настороженно поглядывали, пока суп грелся на плите. Они как будто о чем-то разговаривали, пока меня тут не было, а при мне им резко расхотелось говорить. Я съел суп и пошел в институт. Игоря будить не стал.

Я отсидел одну половину пары по истории изобразительного искусства. После встреч с Игорем у меня часто бывало лирическое настроение. Ребятки с отделения режиссуры театрализованных представлений и празднеств (у нас в городе на этом отделении испокон веков учились только голубые и алкаши, со вторыми я был в дружеских отношениях) предложили мне посетить ближайший бар, и я не стал отказываться. Поскольку еще не было и десяти, а после первой пары следовал перерыв с пол-одиннадцатого до полвторого, я решил, что даже если и выпью, к мастерству успею оклематься. Мы употребили в очень интенсивном

ритме и скорее, чем через час, я уже был готовчик.

Потом помню, как стоял во дворе на лавочке и читал лекцию о том, что такое женщина и в чем смысл отношений с противоположным полом, двум развесившим уши идиотам. Мне казалось, что я очень подготовлен, но хоть сведения, которые я извергал, и казались мне неоспоримым истинами, возможности их проверить (как и желания) у меня не было. Сначала я, не краснея, плагиатил Хармса, дескать, «женщина – это станок любви, она устроена так, что она вся мягкая и влажная», даром что аудитория в плагиате меня не уличила, а потом пошло-поехало. Какую-то ерунду насчет того, что для самки оргазм – лишь побочный эффект, что женщине непростительна измена, потому что смысл ее жизни – выносить семя подходящего мужчины, а у мужчины, напротив, – оплодотворить как можно больше самок. Потом я чего-то там о половом созревании женщины им еще наговорил. Я говорил все, что приходило в голову, это алкоголь пел. Они слушали этот бред с восторгом, я был рад, что нашел эти четыре уха, да и сам я не мог нарадоваться своему красноречию, и мне вся эта ситуация казалась остроумной.

– Он гений, – сказал один идиот другому идиоту, – похоже, он правда писатель.

– Писатель правды, – поправил я.

Потом мы все допили, и слушать меня без алкоголя уже никто не хотел, и все разошлись, и я один остался, пьяный и жаждущий стать еще пьянее. Я пошел к институту, надеясь поймать собутельника там. До мастерства все еще оставалось два часа, я сел возле первого корпуса в беседке, предназначенной для курения. Посидел так, но в мое поле зрения не попал никто из тех, с кем бы можно было выпить. И тогда я обнаружил, что очень одинок и несчастен. Это нормальное ощущение во время недогона, но тут оно достигло особенного размаха. Я даже думал пойти и наложить на себя руки, представляя с наслаждением, что два или три

человека по-настоящему будут шокированы моей смертью, и для них это будет тяжелым потрясением, и как минимум человек десять будут какое-то время испытывать чувство вины, как бывает со многими знакомыми самоубийц.

И хотя я знал, что, как обычно, духу мне на такой поступок не хватит, да и совесть не позволит, я с каким-то неистовым, мучительным удовольствием представлял жизнь людей без меня в тех ситуациях, когда обо мне можно будет вспомнить с болью. Я курил и даже чуть плакал над своей смертью какое-то время, а потом выдумывал себе другие разные беды, и как бы я их переживал. Я побывал круглым сиротой, инвалидом, у меня умер друг в автокатастрофе, я лишился любимой девушки. На перемене я зашел в столовую института, одолжил у одной второкурсницы пятьдесят рублей и пошел к Вике. По дороге выпил еще бутылку пива. И зажевал жвачку. Я так понял, что Вика не стала торчать в институте во время столь долгого перерыва.

Вика была дома, и ее бабушка была дома. И Вике не очень-то понравилось, что я пришел сейчас к ней и вообще был слегка не в себе. Но я пришел, пьяный и несчастный, она меня завела к себе в комнату, сказала садиться и ждать, а она сейчас соберется. У нее в комнате стоял телевизор. Там шла передача о кино-новинках по каналу Муз-ТВ.

– Я принес тебе теннисный мячик, – и достал его из кармана ветровки.

Вика взяла мячик, но этот мой подарок – хоть он был ей нужен для сценречи не меньше, чем мне – не вызвал у нее особого восторга. И начала собираться, чтобы мы поскорее пошли отсюда, потому что я ставил ее в неудобное перед бабушкой положение.

Я посмотрел в телевизор. Там анонсировали японский фильм ужасов. Показали одну сценку из. Страшные синие японцы-зомби убивали людей. Я попросил Вику

переключить канал. Она переключила, я говорил ей, извини, что я к тебе так пришел, одним глазом глядя на Вику, другим – на девушек, ласкающих грудь парня, побрызгавшегося дезодорантом Акс. Извини, просто мне очень грустно и одиноко, у меня беда, и мне очень нужно поговорить с кем-то адекватным.

– Конечно, что случилось? – ей даже стало неловко, что она была не рада моему приходу поначалу. И Вика села на кровать, где сидел я, а я положил ей голову на колени, и рассказал, что мне очень тяжело.

Рассказал о том, как я сильно любил одну девушку, а ее увезли с месяц назад лечиться в другой город, и сейчас обрили наголо, и неизвестно, выживет ли она. Вика гладила меня по голове, а я нес этот бред, и верил каждому своему слову, мне действительно стало очень жалко свою любимую несуществующую девушку и очень жалко себя. (Видел бы мою игру Басалаев). Смерть все время нас поджидает, и все мы умрем, и, боже мой, я и не знаю, что с этим поделать. Неужели все люди тоже постоянно помнят об этом, мучаются, и может она, Вика, тоже этим мучается и понимает меня?

– Может, все будет хорошо, я не знаю, что сказать, – сказала Вика.

Мы еще так посидели, и она предложила пойти прогуляться по улице. Она мне велела ехать домой. Я согласился. Вика отвела меня на остановку, попросила не переживать так сильно, и сама пошла на учебу.

На улице было как-то неприятно, хмуро и грязно. Я обманул Вику, не поехал домой. Домой я попал только послезавтра. Я еще пил в двух компаниях, по ходу чего окончательно вжился в драматическую роль и поверил в эту свою байку о больной любимой девушке, крышу у меня немного своротило от выдуманной драмы.

И я рассказал эту печальную историю еще двоим знакомым. Меня жалели.

Не помню, как мне в итоге удалось как-то слезть с карусели бреда. Я сидел дома за компьютером, когда, вернувшись с работы, ко мне в комнату зашел отец. Он сказал:

– Встань.

Я встал. Он брезгливо оглядел меня. На самом деле я уже успел помыться, но он смотрел на меня так, будто я был весь измазан дерьмом и даже вроде сморщил нос, почуяв запах этого дерьма. Естественно, я так и не подстригся. Он хотел что-то сказать, но не нашел нужных слов и через несколько секунд вышел.

Ночью я долго ворочался в поисках спасения своего рассудка. Не мог понять, как я умудрился выдумать и рассказать Вике всю эту чушь, и зачем так приятно быть жалким. Отвращение к себе и чувство вины. Самое страшное в похмелье – чувство вины, которое может свести с ума. А это всего лишь один из симптомов похмелья. Я знаю, что это надо просто перетерпеть, но это знание никак не работает. Заперли в делириуме. Я встал с кровати, все бесполезно, включил компьютер, пытался почитать с монитора. Очень хотелось в туалет, но страшно было идти в темный коридор. Мне просто было страшно одному. И еще я вдруг вспомнил фрагмент фильма ужасов, увиденный у Вики. Я боялся синих японцев-зомби, по-настоящему боялся их, был уверен, что если я выйду из комнаты, они меня будут убивать в темноте коридора всеми мучительными способами. Я долго терпел, потом вытащил из-под кровати пустую бутылку из-под минералки. Помочился в бутылку. Как-то удалось добраться до утра. Как-то удалось добраться до института.

Басалаев сказал:

– У вас осталось два предупреждения.

– Понятно, – ответил я.

– Может, мне еще не поздно взять кого-то другого на ваше место?

– У меня осталось два предупреждения.

– Я бы посоветовал вам растянуть их на весь семестр. Есть люди, которые поступают к нам по несколько раз.

– Мне хватит двух предупреждений на весь семестр, – говорю, – этого больше не повторится.

Идите от центра. Расслабьтесь. И вы поймете, что к чему. Этюды и упражнения. После занятий мы выпивали по одной или по две бутылки пива с моим одноклассником Женей Лахановым и ехали по домам.

Ничего не ломалось. Все мои делирии поселялись в углах моей и без того тесной комнаты, и я уже не знал, как от них отбиваться. Нужно было уезжать отсюда, жить в чужом городе без гроша в кармане, чтобы впустить в себя целый мир. Саша Кулаков пообещал подарить мне печатную машинку. Только для этого ему нужно было сходить в гараж.

К собственному удивлению, в последующие два месяца я стал довольно неплохо учиться. Зато с Викой ничего у нас не вышло. Я-то думал, что как только она заселится в общагу, то попадет в мои лапы безвозвратно. Да, скоро Вика переехала в общагу, ведь мы так часто задерживались допоздна в институте, и ей было гораздо удобнее жить в общежитии, коль уж была такая возможность. И я даже пытался забраться к ней ночью на второй этаж по трубе. Я тогда тоже хорошенько выпил после двухнедельного перерыва, и все признаки цивилизации, за эти две недели мной приобретенные, моментально исчезли. Полез к Вике по водосточной трубе, и, говорят, что я уже почти добрался до цели, даже ухватился за подоконник, но потом вместе с трубой улетел вниз. Вика с соседкой по комнате звали меня, я же какое-то время валялся без сознания и с оторванной трубой в объятиях. Потом пришел в себя (с того момента, как очнулся, я

уже сам помню события), и они даже немного разочаровались, что со мной ничего не случилось. Я же долго говорил Вике снизу о своих намерениях быть ее рыцарем и о том, что она должна придумать способ забрать меня к себе. Но она сказала, что собирается спать, а мне следует пойти домой, или уж куда я там пойду, и закрыла окно, хотя я просил этого не делать и звал ее – вот такое предательство. После этого я решил, что наши отношения закончились. А потом до кучи увидел Вику с третьекурсником, уступавшим мне по всем параметрам, и решил больше вообще о ней не думать.

Было немного больно осознавать, что по сути я всего лишь неудачник, раз не могу добиться желаемого. Бывало, я даже думал, что мне никогда не найти девушку. Единственная, с которой я встречался по-настоящему, давно бросила меня. И мне очень хотелось, чтобы у меня снова были отношения. Два случайных секса весной, четыре за лето и один за осень. И ни одна из девушек, с которыми я занимался любовью, даже отдаленно не напоминала девушку мечты – во всяком случае, девушку моей мечты. Да и от того, чтобы называться «занятиями любовью», эти акты тоже были далеки.

Всего лишь один секс за текущий год произошел, когда я и девушка были трезвы.

Еще весной, да.

Я хорошо помнил тот вечер. С одной стороны, я жалел, что не стал после встречаться с Оленькой, а с другой – меня что-то от нее оттолкнуло. Она сама предложила мне секс. Что уже было непривычно. Я пару раз говорил с ней по телефону, и вот она мне сказала, что согласна со мной этим заниматься. Я дождался, когда дома никого не будет: у нее тоже были с проблемы с «где», и первым освободилось мое помещение. Оленька приехала ко мне. У нас было полтора часа до приезда родителей и моего младшего брата. Я завел ее к себе в комнату, быстро раздел, и поцеловал в губы. Не

стал целовать ее между ног или хотя бы грудь, а почти сразу разделся сам. И собрался воткнуть член. Я потрогал ее только за входное отверстие (к моему удивлению Оленька уже была мокрой), но тут она вдруг меня прервала.

– Что такое? – спросил я.

Решил, что она заставит меня надевать презерватив. А я не хотел этого. Вдруг я испытал раздражение. Такое глупое раздражение. Что, типа, вот, я тут главный, но я не хочу натягивать презерватив. Не хочу сейчас, такой мой каприз, хоть я и не противник презиков. Просто мне зачем-то хотелось думать, что она тут ничего не решает. Странно, что только воспроизводя в голове этот случай, я удивился этому своему раздражению и не смог хорошо его понять и проанализировать. И даже не смог найти его причину. Видимо, причина в том, что я еще ребенок.

Но Оленька достала не презервативы, а упаковку таблеток с дыркой посередине.

– Что это?

– Это фарматекс, – сказала она.

И дала таблетку мне. Неужели я должен его съесть – тупая мысль, но я не смог нащупать никакой другой догадки.

– И что? – спросил я в недоумении.

Она направила мою руку, чтобы я установил таблетку там, где ей место. Я слегка смутился своей оплошности. Оленька велела ждать восемь минут, пока таблетка растворился в ней, а пока стала целоваться со мной. А я мысленно считал минуты, испытывая апатию ко всему. И я смотрел на все это, как со стороны, но член и без меня сработал, попал куда надо и уткнулся в дно раньше времени, уткнулся в новое ощущение. Короткая, подумал я. Одно мимолетное удивление. Короткая, и поехали.

«Короткая», – эта странная мысль прозвучала как закадровый голос, поясняющий происходящее в мультипликационной сказке. Я был глупым нарисованным персонажем,

и голос бабушки объяснил мне, что просто она короткая, и я тут же это принял и пошел по мультяшным своим простым делам. Все получалось технично. Но я не мог справиться с чувством собственной отстраненности. Что-то было не так – технически всё выглядело очень неплохо, но внутреннее не соответствовало внешнему. Я просто наблюдал, просто смотрел и прикидывал, что где-то треть члена работает вхолостую, что девушке со мной, похоже, хорошо, а мне – никак. Оленька вроде действительно несколько раз подряд кончила, оказавшись необычной в этом плане сверхженщиной. Вот кончил и я: вынул, выстрелил в угол комнаты, но тут же поставил обратно. Почувствовал ее благодарность за это, но не испытал подъема, а просто продолжил, чуть расслабился, потом поднажал, увеличил темп и второй раз спустил уже вовнутрь. Она лежала, и я вытекал обратно на кресло-кровать. И в то же время сидел рядом и просто ждал. Ничего, даже не догадался предложить салфетку или сказать что-нибудь, просто ждал. Она подтерлась краем простыни. Мы бы успели еще раз, и Оленька этого хотела, тут сто процентов, готов дать голову на отсечение, но я просто тупо дождался, пока она стала собираться.

И потом она ушла. А я остался.

Но вспоминал о ней, и жалел, что не впустил Оленьку в себя. Но теперь уже поздно, да и как бы я это сделал? Она сделала это – а я нет, не знаю, почему так вышло. У нее появился парень, неважно.

И потом были только несколько случаев, но я был пьян. А это не идет в зачет.

* * *

Теперь я отказался от Вики; нет, конечно, скорее это она отказалась от меня. И ладно – к тому моменту мне уже начинала нравиться Васильева, тоже девочка из моей группы.

У маленькой Васильевой были большие умные широко посаженные глаза.

Но вся штука была в том, как она могла ради прикола сесть ко мне на колени и подышать в ухо «ежиком». Быстро-быстро дышать в мое ухо сквозь зубы, с приятным щекочущим звуком, ежики действительно, думаю, издают похожий звук, когда дышат. Только Васильева делала это так, что вибрации проходили от уха до нёба, потом до сердца, затем до желудка, до простаты и до ануса, и уходили в пятки. Я разделялся на две части тогда: с одной стороны был настоящим большим человеком, у которого сидит Васильева на коленях и дышит ему в ухо, с другой стороны я – маленький игрушечный человечек – летел на парашюте по волнам вибраций, создаваемых Васильевой внутри у самого себя, только большого.

– Перестань, – тут же говорил я, слишком это было волнительно, – я не могу терпеть такое! Я же мальчик, а ты девочка!

А она на это отвечала:

– Станный человек. Не может терпеть, когда ему делают ежика в ухо.

Я решил дать ей почитать свои стихи и рассказы, и они пришлись ей по душе.

Васильева показывала интересные этюды. И вообще, довольно органично смотрелась на сцене. Видимо, таких людей и называют талантливыми. Плюс у Васильевой был дар ежика, тут Вика, как говорится, и рядом не валялась.

Если бы не пришло письмо, наверное, что-то началось бы у нас с Васильевой. Но письмо пришло, и все изменилось. Я и Васильева отправились на задворки праздника жизни, я даже забыл о ней на некоторое время.

Иногда, может, раз в неделю, или даже реже, когда не было пары в институте или не хотелось идти на пару, я заходил к

отцу на работу, чтобы немного посидеть в интернете.

Я прошел через охрану, отец впустил меня к себе.

– Думал, уже не придешь, – сказал он, – все сам знаешь: садись, буду через час.

На нем уже были шорты и футболка. Он обычно закрывал меня на ключ, а сам уходил на весь обеденный перерыв – но не есть, а играть в настольный теннис. У них в конторе достаточно внимания уделялось корпоративному спорту, и отец был рад этому: за три года в Регионгазе он начал на раз делать даже некоторых мастеров спорта.

Я же сел за компьютер и первым делом проверил самиздат на lib.ru. Помимо самиздата и почты, в общем-то, и нечем было заниматься в интернете. На lib.ru висели мои стихи, девять рассказов и небольшая повесть (что-то около шестидесяти тысяч символов) – вот почти все, что было мной написано на тот момент. Новых отзывов я не получил. У меня было не очень-то много читателей, а постоянных вообще всего штук десять. Ничего нового. Тогда я открыл почту. Мне мало кто писал. Но на этот раз было-таки два непрочитанных письма. Последнее письмо было из Америки – от знакомой, которая теперь там училась; собственно, она-то и была единственным человеком, с которым я вел постоянную переписку. Зато первое письмо было из Москвы – от координатора литературной премии. ПЕРВОЕ ПИСЬМО БЫЛО ИЗ МОСКВЫ – ОТ КООРДИНАТОРА ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ.

Я прочел это письмо раз сто.

Потом встал, прошелся по кабинету, сел, ответил на письмо девушке в Америку, и опять перечитал письмо из Москвы.

Вот что в нем было:

– я стал финалистом литературной Премии для молодых литераторов (до двадцати пяти лет) в номинации «Малая проза». В этом году было прислано более сорока четырех тысяч подборок.

– в первых числах декабря я должен приехать в Москву. Премия оплачивает билет в купейном вагоне в оба конца и проживание – сначала в гостинице, потом в подмосковном пансионате «Липки», где будут проводиться мастер-классы (нас научат жить именитые литераторы) и обсуждаться наши работы.

– я должен к тому времени попытаться прочесть тексты других финалистов во всех номинациях («Крупная проза», «Малая проза», «Поэзия», «Драматургия», «Критика»), эти тексты прилагаются к письму.

– желательно, чтобы я отправил им в письме еще какие-то биографические сведения о себе плюс речь, которую я буду читать в Пушкинском музее в случае, если стану победителем в своей номинации. Победителя будет определять жюри: Чингиз Айтматов, Ассар Эппель, Сергей Гандлевский, Александр Галин и Сергей Костырко.

Ладно, я знал из жюри только Айтматова, но и его не читал.

(Вот в чем парадокс, хе-хе, между нами будет сказано, не для интервью... в том, что Чингиз Айтматов отобрал меня в финалисты, и ему, видимо, пришлось прочесть мои рассказы... а я его – можно сказать классического автора – не читал... это, согласитесь, приятный момент...)

Несколько месяцев назад я отправил на конкурс по мылу несколько рассказов. Реклама шла по ОРТ, денег победителю обещали целых две тысячи долларов, – все это выглядело заманчиво. С одной стороны, я был уверен, что меня никто даже не прочтет, но с другой стороны – был уверен, что меня обязательно позовут на финал и дадут две штуки. Позвали.

Я несколько раз попытался позвонить Игорю, но у него был занят телефон, – наверное, Игорь тоже сидел в интернете – через модем, вот и занято. Я позвонил Сперанскому, но он был в универе. Больше у меня и не было знакомых,

которые бы настолько разделяли мои литературные переживания, чтобы оценить это событие в моей жизни.

Мне оставалось еще сорок минут сидеть закрытым в кабинете. Я скачал тексты моих соперников, чтобы пока немного почитать. Но я был слишком возбужден, ничего не воспринимал, ясно было только, что они и в подметки мне не годятся! Хотя нет, несомненно, в «Малой прозе» были удивительные авторы... Это самая сильная номинация... задали мы жару, задали... да, мне приятно было находиться в обществе таких сильных и смелых писателей, дорогие друзья, да, спасибо, каждый из моих оппонентов достоин этой Премии не меньше, чем я, это всего лишь случай так распорядился... спасибо Чингизу, спасибо отцу, который тоже хорошо отзывался о моей прозе...

Наконец отец вернулся. Я уже уйму раз прокрутил этот момент в голове. Я услышал его, еще когда он был в коридоре, и уже встал возле стула. Когда отец зашел, я уже стоял, корчил гримасу счастливого человека из рекламы зубной пасты и пальцем показывал на монитор.

– Что с тобой?

– Посмотри-ка сюда.

– Сейчас, – говорит он.

И не к компьютеру, а к шкафу, фу, стянул шорты, стянул футболку, стянул трусы, махнул папа своим мерзким членом всем моим литературным переживаниям. Быстро облачился во все чистое: трусы, носки, рубашка, костюм, напялил очки. И вот он, уже прожженный работник офиса, спросил:

– Что?

– Вот, – говорю, – пока ты членом машешь, твой сын стал писателем.

И жестом предложил ему сесть. Он подошел, но не сел, а, стоя, заглянул в компьютер и так прочитал письмо. И сказал:

– Позорище!

Так он порадовался за своего сына. Вместо того чтобы

сказать о том, как он гордится, впервые в жизни гордится сыном, вместо этого он мне сказал:

– Ты же нажрешься опять как свинья и опозоришься.

И вышел из кабинета. Хотя в этом был какой-то стиль.

Я стоял и думал, что бы все это могло значить? Потом присел. Вообще-то отцу вроде нравилось то, что я писал – я всегда давал ему читать. Это последние три года отец работал в Газпроме – из-за денег, а не для собственного удовольствия, – до этого он двадцать лет был журналистом, и у него были даже очень интересные, на мой взгляд, газетные материалы, то есть он имел ко всему этому отношение, плюс был филологом по образованию. А еще это была одна из возможностей сблизиться с ним, вот почему я всегда давал ему свою писанину. Через пять минут отец вернулся и сказал:

– Я сейчас звонил Ольге, редактору.

– Зачем?

– Похвастаться хотел. Дашь интервью им в «Кузбасс», – это было скорее утверждение, чем вопрос.

– Ладно, дам.

(Гм... Интересный вопрос. Знаете ли... благодаря писательству ты как бы можешь делать с миром все, что тебе хочется, все, что тебе угодно. Это своего рода Игра. Ты можешь играть со всем сущим, как ребенок играет с утятами в ванной. Вот, что это такое...)

* * *

В аэропорту пиво стоило дорого, но я купил-таки баночку «Сибирской короны», чтобы освежиться. Считай, все равно изначально я должен был ехать в купе, поездом, а тогда бы уж точно пропил тысячерублевую купюру (и помимо нее несколько сотенных), которую дал мне с собой отец, за двое с лишним суток пути. Но получилось так, что я летел

на самолете. Самолетом билет до Москвы и обратно стоил семь тысяч с лишним, а на поезде в купе около двенадцати. Вот и вся математика, поэтому премия, конечно, согласилась оплатить самолет.

Я немного подустал праздновать. Присел, поставил сумку, глотнул пива. Ожидание. Я не летал с детства, один раз только пяти лет был на Черном море.

Рейс задерживали, все походило на взрослую жизнь. Зал ожидания, ожидание полета в другой город, усталость от праздника, ожидание еще большего праздника, ожидание новой жизни. Я как бы официально теперь стал писателем, во всяком случае, для самого себя.

Последняя неделя вертелась у меня в голове осколками мозаики. Сначала мы выпили прямо в институте с Женей Лахановым, и я прищемил палец дверью туалета. Потом пошел на мастерство, мы разминались, ходили по аудитории, махали руками, разогревая мышцы, боль была невыносимая, ноготь мой потемнел. Я остановился и пошел к двери. Басалаев спросил, куда это я собрался? Я показал ему средний палец. Палец был неестественно изогнут, прищемил я его, дай бог. Басалаев чуть язык не проглотил, он сперва подумал, что я просто показываю ему жест, посылаю его вот так запросто, а не демонстрирую ему увечье. Потом я долго в туалете поливал палец холодной водой. Потом мы еще пили с Женей в гостях у его друга, но я сквозь опьянение все равно чувствовал боль, и мне казалось, что я теряю сознание от этой боли. Когда мы ночью шли в травмпункт, от нас чего-то хотели гопники, но как только увидели мой палец, решили, что мне достаточно страданий и без них, стрельнули пару сигарет и отвалили. Врач только сделал одно движение, хрустнув пальцем, и вернул кость на место. Потом проткнул ноготь иголкой, надавил, выпустил кровь из-под ногтя, и боль чуть-чуть отпустила.

Я курил, когда наконец-то объявили рейс на Москву. Все люди стали подходить к выходу. Подъехал специальный автобус, который довозит до самолета. Действительно, все совсем как настоящее.

Я бросил окурок, взял сумку поудобнее, сдвинулся с места, а Игорь так и остался стоять, лежать, прыгать где-то у себя в маленьком и безумном мире – он мой главный литературный друг, можно сказать. Мне было семнадцать, а ему девятнадцать, когда мы собирались начать борьбу со всеми местными Союзами Писателей, с этими стариками поэтами, правящими у нас в области, собирались посылать их в жопу и показывать, что мы пришли, что мы лучше. Мы мечтали писать стихи – бросать бомбы, завоевывать женщин, создавать литературный процесс, только я не очень представлял себе, как это будет происходить, честно говоря. Так и прошло два года.

Несколько дней назад мы со Сперанским пришли к Игорю. Решили остаться у него на ночь, посидеть, поболтать о сексе и литературе, выпить, раз тут такое дело. Игорь говорил, что я должен запечатлеть все это, наш с ним персональный поэтический Задрищенск, – да, соглашался я, должен и сделаю, и все шло нормально, пока у нас не закончилась выпивка и деньги. А потом Игорь пошел просить на пиво у своей мамы и Тани. Потом вернулся, сказал:

– Денег, говорят, нет.

– Да ладно, не надо уже, – сказал Сперанский.

– Успокойся, – добавил я, – перестань, так посидим, сигареты еще есть.

Но Игорь сказал:

– Нет. Слушай. Я сказал: сейчас все будет, – и вышел.

Мы сидели со Сперанским у Игоря в комнате, смотрели друг на друга, чувствуя приближение конца света, начала извержения вулкана. У меня было чувство, что я и Сперанский

сидим на этом самом вулкане-унитазе, и он начинает пульсировать, дерьмом уже запахло, и вот-вот ударит бахчисарайский фонтан. Надо было удирать с горящего корабля. Но было уже поздно, ночь, транспорт не ходит, и вот раздалось.

Игорь заорал в соседней комнате:

– Таня! Где твоя сумочка! Я знаю, что ты получила стипендию! Говори, где твоя сумочка?!

Какой-то непонятный шум.

Борьба?

– Я же тебе все верну!

Крик Игоря и лай Филечки, мы со Сперанским, ясное дело, чувствовали себя не очень-то комфортно. Зашла мама Игоря, и сказала:

– Вы что не понимаете, что вам надо уйти?!

Но, когда мы пытались пробраться к выходу, Игорь за-талкивал нас обратно в комнату:

– Они никуда не пойдут, они пришли ко мне! – кричал он.

И мне действительно было страшно, я боялся его, из его глаз сумасшествие лилось прямо в мою голову, но это ведь мой друг, ничего не попишешь. Он закрывал нас в своей комнате, мы боялись пошевелиться. А из-за двери доноси-лось:

– Блядь, где эта сумочка?!

Он, скотина, кричал на мать, кричал на Таню, и эта его вы-ходка делала меня – свидетеля – еще более нежелательным гостем в их доме. Его маме и Тане я (а не он!) буду напоми-нать об этом бреде – если не казаться его причиной. Игорю Таня простит все что угодно, а мне она не простит ни одной его выходки – уж не знаю, почему так.

Потом Игорь затих. Только перепуганная Филечка еще лаяла. Игорь зашел в комнату со слезами на глазах. Мне было понятно, что теперь он устал, немного протрезвел

от собственного крика и эмоций, и теперь хочет, чтобы мы ушли, а он остался наедине со своей совестью. Он бы пострадал, потом бы извинился перед Таней, сказал бы, как сильно ее любит, они бы занялись сексом, до утра бы протрахались, и уснули бы счастливые; а мы со Сперанским пусть себе кадимся в ночь, как два ничтожества. Поэтому я пнул Игоря, было обидно – по его вине я стал участником приключения, в котором не хотел участвовать. Я бы еще с удовольствием вмазал Игорю по лицу, но Сперанский заслонил его собой, и стал выталкивать меня на выход. Когда мы вышли на свежий воздух, я успокоился.

Я сел возле иллюминатора, посмотрел через стекло, но еще почти ничего не было видно, темнота, – самолеты в Москву летят около семи утра. И пусть рейс задержался на пятнадцать или двадцать минут, все равно еще не рассвело. Возле прохода села девушка, довольно симпатичная, года двадцать четыре, мы друг другу улыбнулись. Место между нами осталось пустым. Самолет начал разгоняться по взлетной полосе. Стало хорошо, неприятные наваждения отпускали. Я подумал о вчерашнем дне, о Мише и Тимофее, о моих старых друзьях, о том, кого я знаю уже много лет. О том, что им действительно было радостно за меня, что они, может, гордятся мной. О том, как Мишина мама заглянула к нам уже во втором часу ночи и сказала:

– Писатель, ты собираешься домой?

Я пришел домой, немного поспал, и отец сказал мне, перед тем, как я сел в такси:

– Веди себя, как взрослый. Постарайся не нажираться.

Пришло время перейти на внешний круг. Маленький мир, который я покидал, снова стал милым, а большой, в который я отправлялся, был свежим и заманчивым.

Я знал, чего хочу: чтобы у меня получалось хорошо писать и быть хорошим человеком, и еще, конечно, хорошо

бы, чтобы все гондоны страдали или исправляли каждое содеянное зло тремя добрыми поступками. Чуть трянуло, когда самолет отрывал свое тяжелое туловище от земли, и мы поднялись в воздух. Я развернул конфетку «Взлетная».

2

Год назад я был всего лишь маленьким игрушечным солдатиком в компьютерной игре. Мне предстояло пройти долгий путь, пройти уровни различной сложности, и в финале меня ждало поражение – или слава писателя. Я держал в руках джойстик (с английского – «палка радости»). Я жал стрелочку вправо и шел вперед, жал вверх и перепрыгивал через барьеры, потом жал кнопку «А» – «о, этот солдатик может бухать!»; жал кнопку «В» – «о, этот солдатик может трахаться!»; жал кнопку «С» – и солдатик мог даже написать стихотворение или рассказ.

Однако все оказалось не так просто, как я ожидал. Солдатик оказался не таким крутым, потому что скоро его физическое и психическое здоровье иссякло, силы не восстанавливались, очки опыта – экспириенс – было сложно добывать. И теперь прошел всего лишь год, а я уже плавал в мутной луже, пытаюсь подкопить уровень жизненной силы, и неизвестно было, когда я снова решусь выйти на внешний круг. И решусь ли вообще. И только Алиса стала для меня несомненной королевой в этом мелком отстойнике.

Мне оставалось три дня до конца курса, когда она позвонила и, открыв второе дно во всем этом нашем романе, сказала:

– Если тебе что-то интересно, ты можешь спрашивать у меня, – чем-то Алиса была недовольна.

– О чем ты?

– О том, что ты расспрашивал насчет меня Герасимову. Она не могла понять, что ты от нее хочешь.

– Расспрашивал, – пришлось согласиться мне, – извини. До меня дошел грязный слух. Но поскольку это было давно и неправда...

Тут я немного замялся, потому что еще даже не закончил в уме свою мысль, а уже принялся ее излагать.

– Я могу тебе сама рассказать, если нужно, – заметила Алиса.

– Да не нужно.

По сути, для меня это уже действительно не было важно. Я был готов принять себе цыпу с грязным прошлым, меня интересовало только будущее, моя психика была настроена на Благие Дела и Любовь, и на Новую Жизнь. К тому же последнее время каждый вечер перед сном я с восторгом думал об Алисе. О том, что мы вместе с ней уедем отсюда, заживем вместе душа в душу и о том, что счастье совсем близко. Я не знаю, что на меня нашло. Я не уверен, что к ней это имело хоть какое-то отношение. Мы были знакомы несколько лет, а недавно я вынул ей весь мозг, убеждая, что теперь мы должны быть вместе.

Она еще сказала:

– Я должна тебе рассказать кое-что о себе. Даже если ты не хочешь, чтобы я это рассказывала.

– Это точно необходимо? – спросил я.

Далее следовала многозначительная пауза. Кто-то умер. Кто-то родился. Кто-то отобедал. Я замер с трубкой возле уха, но я гораздо лучше слышал звуки изнутри себя, нежели снаружи – слышал, как работает мой организм, как напряженно вертятся шестеренки, как удары сердца разгоняют кровь по всему телу.

Чувствовал напряжение в каждой клеточке.

Алиса спросила, сказать ли мне это по телефону или же лучше при встрече? И все это таким тоном, что мне стало

вовсе не по себе. Я поддался трусости и оттянул момент:

– При встрече, – сказал я, – я сейчас не готов.

Мы договорились встретиться, попрощались и положили трубки.

Благодаря курсу уколов впервые за долгое время я чувствовал себя почти здоровым. Вся штука в том, чтобы не пить и придумать себе распорядок дня и соблюдать его. Сначала было сложно, но на пятый–шестой день у меня стало получаться. А дню к пятнадцатому я уже окончательно приучил себя жить по этому графику.

1) Вставать в девять, ложиться в два.

2) Ставить уколы в десять утра и десять вечера.

3) Заниматься онанизмом после пробуждения, потом часа, примерно, в три дня и перед сном (три раза в день казалось мне оптимальным количеством эякуляций для половой системы человека моего возраста, и этот пункт был для меня обязательным в лечении простатита), а также полчаса уделять упражнениям из «второго сердца мужчины».

4) Заниматься машинописью и чтением хотя бы три часа в день, чтобы не деградировать от праздности.

Алиса позвонила около двенадцати, а встретиться мы должны были в пять часов. Занятия машинописью не шли, и я начал играть, чтобы отвлечься. У меня неплохо получалось, к тому же игру Need For Speed Underground я проходил уже третий раз. Речь о первой части игры, вторая куда не годится.

Я в основном ездил на Мазде: Мазда хоть и не очень быстрая, но ей удобнее всего управлять, во всяком случае, мне. Но где-то на восьмидесяти процентах прогресса карьеры мои оппоненты заметно прокачали свой уровень. Что же Алиса собралась мне рассказать? Неужели она успела мне изменить? Это вряд ли. Я сменил Мазду на Ниссан, мне удалось проехать несколько трасс, правда, не все – с первой

попытки. Теперь каждая ошибка стоила мне моей позиции. Дальше я все никак не мог победить – утратил навыки, что поделаться.

И пришлось сменить Hard на Medium.

Мы встретились на остановке, и я все ждал, когда она расскажет, о чем хотела рассказать. То есть думал – нет, не говори, мне это ни к чему. И она, видно, уже собиралась сказать, но тут подъехала наша маршрутка. Я согласился сегодня съездить с Алисой в поэтическую мастерскую «Аз», поучаствовать в обсуждении стихов (или прозы – иногда там читают и прозу), и даже думал сам что-нибудь прочесть. Я написал два стихотворения, которыми можно было, как мне казалось, заткнуть за пояс местных писак. Алиса села к окну, я расплатился с шофером, сел рядом и напомнил:

– Тебе ничего не нужно мне рассказывать. Я не собираюсь комплексовать по поводу того, что не имеет ко мне отношения.

Она чуть подумала над моими словами.

– Ты меня не понял, – сказала.

И, не глядя мне в глаза, пробормотала что-то насчет ответственности. Этической и уголовной. Мы ехали молча, я смотрел в окно, думая над ее словами. Какая ответственность? Что это значит? Этическая ответственность. А тем более – уголовная. Может, у нее ВИЧ? Почему нет? Немного больше года назад она пыталась покончить с собой. Она закрылась, что ли, где-то в доме своей бабушки, когда там никого не было, и стала есть таблетки, запивая их водой из трехлитровой банки. Ела таблетки и ела, пока не отключилась. Но на нее каким-то совсем непонятным способом напоролся кто-то из родственников, хотя этого по ее расчетам никак не должно было случиться. Вызвали скорую. (У меня было подозрение, что она как раз на это чудное спасение и рассчитывала, но я его ей не озвучивал). В больнице врачи,

как ей казалось, уже не надеялись на ее выздоровление (отсюда у нее такой странный шрам в форме креста, – у живых она такого не видела). Но она выжила, когда ей влили новую кровь, заменив всю или почти всю старую. В ее венах теперь кровь четырнадцати доноров. Она мне говорила о том, что благодаря всем процедурам и переливанию крови, она вышла из больницы без хламидиоза, от которого не могла избавиться долгое время. А вот про ВИЧ, видимо, сказать постеснялась.

– Мы выходим, – сказала Алиса.

Остановка «Магазин Кристалл». Я вышел на воздух, подал руку Алисе. А почему обязательно ВИЧ, может, гепатит? Вряд ли я заслужил ВИЧ, а вот гепатит я вполне заслужил, если суммировать мои грехи. Велика ли вероятность, что я заразился? Хотя мы только один раз занимались любовью. И теперь снова еще к этому не пришли. Я (хотя и она тоже) тогда был настолько пьян, что никак не получалось теперь вспомнить, что было, а чего не было. У меня возникали только отдельные кадры в голове, короткие вспышки, но я не смог бы сказать наверняка – было ли это на самом деле, или это – плод моего воображения. Со мной такого почти не происходило в жизни – чтобы помнить только о факте секса, но не помнить никаких деталей. Был ли анальный секс? – если был – это увеличивает заполучить ВИЧ или гепатит. Сколько месяцев надо, чтобы узнать, чист ли я? Мы присели на лавочку в парке «Антошка». Я дал прикурить Алисе, потом прикурил сам.

Она решила начать с разминки. Сказала что-то про четырнадцать доноров, кровь которых ей вливали.

– Это я знаю, – говорю немного резче, чем хотелось бы, – ВИЧ или гепатит?

Алиса удивленно смотрела на меня. Я ждал ответа. Мир замер – в этот момент Бог думал, как построить дальше сюжет моей жизни. Осторожней, я не имею права забрать свои

слова обратно. Я обещал жениться на ней, забрать ее с собой, если мне удастся уехать, я должен сдержать слово, каким бы ни был ее ответ. Но почему она не сказала раньше, еще до того как мы переспали? А вдруг она говорила, просто все это не сохранилось в моей пьяной тупой башке? Ведь, если она не была со мной честна, я теперь могу аннулировать все свои обещания по поводу женитьбы и долгой счастливой жизни? Не могу. Я не должен так делать.

– Гепатит, – донеслось издалека.

– Гепатит, – повторил я. Интересно, сколько раз я произносил это слово раньше? Наверняка я произносил его по-другому.

Пронесло и в то же время не пронесло. Нет, я надеялся, что она хочет сказать о чем-то совсем другом. Я до последнего планировал, что все будет по-другому, что она скажет что-то не имеющее отношения к моим опасениям. Какую-нибудь глупость. А оказалось, что я угадал.

– Ясно.

Я взял ее под руку. И пошел в направлении седьмого корпуса университета. Там и проводились встречи юных и неюных дарований.

– Успокойся немного, – сказала Алиса, – ничем ты не заразился. Просто я должна была тебе сказать.

Нет, я из тех людей, которые никогда не упускают даже малейшую возможность наступить в дерьмо. Что такое гепатит С? Я почти ничего о нем не знал. Только то, что очень многие наркоманы им болеют и то, что это не так страшно, как СПИД. Возможно ли излечение? Ассоциации у меня были только с соцрекламой, которую постоянно гоняли по телевизору: «Гепатит – это испытание, это – не приговор». И таким тоном, что жизнь больного виделась мне после этого не иначе как: таблетки, овсянка, пробежки, естественно, отсутствие алкоголя и курева и неминуемая смерть от цирроза печени лет этак в тридцать пять. Я довел

Алису до седьмого корпуса университета. Поцеловал в щеку.

– Только, пожалуйста, никому не рассказывай, – спохватилась она, – об этом никто не знает, только ты и Герасимова. Иначе меня будут сторониться...

Я махнул рукой. Сам я все-таки не пошел на еженедельную встречу этих чертовых графоманов, их стихи и так давно уже стояли у меня поперек горла.

–2

Я впервые был в Москве.

Наконец-то вручение премий и дипломов закончилось, наконец-то фуршет закончился. На меня алкоголь уже почти не действовал, а когда я оказался на улице, то протрезвел окончательно. Было свежо и хорошо. Я решил больше не пить этой ночью.

Мы спустились в метро, держась за руки, вышли из метро, держась за руки. И мне показалось, что, пока мы ехали в метро, стало еще холоднее. Надя сказала, что в этом году в Москве не было еще такого холода. Мы шли вдоль дороги и каждые несколько секунд целовались сквозь мороз. Надя тянула руку – пыталась поймать машину. Нужно было еще проехать на машине – было уже поздно, и автобусы не ходили. К тому же у нас был праздник жизни, и мы могли себе позволить поймать частника или даже такси.

Мы собирались ехать к Наде домой.

– Скажи, а твоя мама куда денется? – спросил я в очередном приступе паранойи.

– Она поедет к мачехе, – ответила Надя.

– К мачехе?

– Да. Она дружит с моей мачехой. Со второй папиной женой. Так что она согласилась поехать к ней сегодня.

– И это нормально? Может, нам все-таки стоило поехать ко мне в гостиницу?

– Не поедem мы ни в какую гостиницу, – сказала Надя.

И уже поймала частного.

Вот машина остановилась, Надя поговорила с водителем. Всего за сто рублей он нас довезет. Надя села спереди, чтобы объяснять дорогу. Я уселся сзади, положил на сидение Надину статуэтку (статуэтка – «Птица», свидетельствующая о том, что Надя лучшая молодая поэтесса года) и коробку с карманным компьютером – мой приз финалиста премии.

Я не был главным молодым писателем короткой прозы, но мне тоже перепала денежная премия – меня признали «голосом» моего «поколения». В ближайшие несколько дней мне на сберкнижку придет тысяча долларов. Двадцать семь тысяч рублей вроде должно получиться – или больше. Ну и еще я надеялся сбавить свой карманный компьютер за четыреста долларов. Надя, моя девушка, получит две тысячи. Я слетаю домой, все улажу и вернусь. Вот мы и заживем, на первое время хватит. Я чувствовал наступление будущего, приближение взрослой жизни писателя. Об этом я мечтал так же сильно, как в детстве мечтал заняться сексом.

Надя была счастлива, она говорила с водителем, как со своим хорошим знакомым. Сказала, что мы сейчас получили по литературной премии. Я вообще-то не люблю таких выходов, не люблю, когда кто-то так обращается к первому встречному. Но Надя, хоть и старше меня, была совсем как ребенок. У нее это выглядело вполне даже мило и естественно. К тому же я тоже был в хорошем настроении. Мы подъезжали, и Надя позвонила маме.

– Мы уже близко, – сказала она в мобильник и стала слушать, что там ей говорит мать, – хорошо, – выключила мобильник и сказала водителю:

– Вы сейчас подождете пять минут?

Ее мама должна была спуститься и тогда водитель под-

везет ее тоже. Мы остановились возле подъезда. Надя заплатила водителю. У меня с собой не было денег – те, что я получил с учредителей, копейка в копейку, показав авиабилет, остались в гостинице; я должен был отдать их отцу, но теперь я разбогател на двадцать семь штук, и мог позволить себе тратить отсюда.

Надя зашла в подъезд. Я остался стоять на улице, пока она не выйдет и не посадит маму в машину. Мы молча курили с водителем, я и не пытался с ним заговорить – как только Надя ушла, я и он стали теми, кем были: двумя незнакомыми людьми. Через пять минут вышли Надя и ее мама.

– Здравствуйте, Ксения Константиновна, – сказал я. Повторил приветствие плюс имя и отчество мысленно раз пятьсот, пока их ждал. «Ксения Константиновна», – только не забудь, – «здравствуйте, Ксения Константиновна»...

Надина мама оглядела меня с ног до головы.

– Он? – спросила она у Нади. Судя по тону, Надина мама была неизлечимой начальницей. Она спросила у меня:

– Мясо умеешь готовить?

Я на секунду задумался от неожиданного вопроса. Но решил сказать:

– Умею.

– Есть свинина, приготовь и накорми Надю. А то она не умеет готовить мясо.

– Конечно, – сказал я. Я почувствовал облегчение, что знакомство с мамой проходит так гладко.

Надина мама села в машину, Надя получила несколько напутствий, попрощалась и захлопнула дверцу машины.

– Мама смотрела сюжет по «Культуре». Там показали только короткий ролик, и в нем показали тебя, – сказала Надя, когда мы поднимались по лестнице.

– Ты выходил на сцену, мама сказала, что ей понравилось, как ты выходил, – сказала Надя, пока мы разувались и снимали куртки.

Надина мама тонко пошутила, скорее всего. От многодневного пьянства у меня уже ноги подкашивались и начались боли в кишечнике. Выходил на сцену я недостаточно опохмелившимся. Меня вызвали неожиданно самым первым. Я выкарабкался, пробормотал какую-то хреновину в микрофон, поблагодарил кого следовало и быстро ретировался.

Я зашел в туалет помыть руки. Надя все еще стояла в коридоре, хоть уже и разулась и сняла куртку. Она смотрела, как я мыл руки и смотрела так, как на меня еще никто не смотрел. Я вышел, по дороге поцеловал ее только чуть, она тоже зашла вымыть руки, а я прошел в единственную комнату, включил свет и огляделся.

– Тут беспорядок, – сказала Надя, уже очутившись рядом, – просто мы сейчас в основном живем не здесь.

Квартира была в состоянии перманентного ремонта. Вместо кровати на полу лежал огромный широкий матрас – с виду очень удобный. Гладильная доска, телевизор, пара стульев и куча хлама. А также упакованные в бумагу Надины поэтические книжки. Я достал книжечку из вскрытой пачки и принялся читать. Надя тем временем пошла ставить чайник на кухне и гремела чем-то. Стихи ее были хороши, насколько я могу судить о стихах.

– Сколько книжек я могу себе взять? Я же буду дарить всем и говорить, что это моей любимой невесты книга! – крикнул я.

Надя зашла в комнату и поцеловала меня. Мы легли на матрас, он действительно оказался очень удобным. Я раздел ее, у нее была большая, но красивая грудь. Я поцеловал ее губы и живот, опустился ниже, к самому центру вселенной. Окунулся в открытый космос, столкнул несколько планет с оси, шерудя там языком.

Она потянула меня на себя. Я встал и пошел за презервативами, которые лежали в куртке.

Летом я переспал с одной дурой по имени Жанна, и она пустила слух, что я заразил ее трихомониазом. Никаких признаков у меня не было, но я не хотел рисковать. Меньше всего мне хотелось заразить чем-то Надю.

Я затарился гондонами и вернулся, щелкнув выключателем в комнате по дороге. Но оставил свет гореть в коридоре и кухне – чтобы все было видно, но не было яркого света. Я не стеснялся при свете, конечно, – просто хотел поменьше яркого. У меня уже было нервное истощение, за неделю в Москве я проспал всего лишь часов двадцать, и от света я уставал.

Было хорошо. Когда мне показалось, что она кончила, я тоже поспешил. Давно я не занимался сексом в презервативе, и на этот раз мне даже понравилось, а не наоборот. Что-то в этом было – как будто это делало нас взрослыми. С одной стороны. И давало возможность находиться друг в друге, и не торопиться наружу, с другой стороны.

Мы отдышались немного, Надя сказала:

– В холодильнике есть сок.

И мы, голые, вышли на кухню.

– Смотри: синий, – сказала она. Я посмотрел вниз: я был в синем презервативе. Первым мне попался синий гондон из пачки Contex color. Меня тоже развеселило, как в нем выглядел член. Я выпил сока, выкинул презерватив и пошел в ванную подмыться.

Мы еще три раза занялись сексом, и под утро силы меня оставили. Я сказал Наде, что, как только проснусь, обязательно пожарю ей мясо. Сейчас недельная усталость навалилась на меня. Я уже лежал, не мог пошевелиться и еле ворочал языком, но из последних сил сказал Наде:

– Ты очень хорошая. Мне хорошо с тобой очень.

Надя обняла меня, но у меня даже не было сил ее обнять в ответ. Я услышал издали, как она сказала:

– Никуда ты не улетишь. Я тебя не отпущу.

Когда я проснулся, она уже сама приготовила поесть. Все у нее нормально получилось, я не знаю, чего там наговорила ее мать. Готовить она умела. Мы перекусили, занялись любовью, еще перекусили, я взял себе несколько ее книжек, и мы поехали в гостиницу. Время уже было далеко за полдень. Нужно было выписываться из гостиницы, встретиться со всеми другими писателями-финалистами, выпить с ними, попрощаться и собирать манатки. Нужно было возвращаться домой. У меня был билет на одиннадцать вечера.

В баре мы прощались с другими участниками премии и обменивались подарками. Безделушки, обмен шапками. Я отдал футболку, старую зачетную книжку, оставшуюся еще с филфака (не знаю, откуда она была при мне). Надя все это время не хотела меня отпускать, смотрела на меня, как еще никто не смотрел, как на чудо света. Меня это немного смущало, что же творилось у нее в голове? Я успокаивал ее и говорил, что скоро вернусь. Потом Надя поехала со мной в книжный на Тверской; я купил себе пару книг, которые у меня в городе не мог отыскать. Надя была со мной до Павелецкой. Я должен был сесть в электричку, доехать до аэропорта Домодедово и улететь домой. Закончить какие-то дурацкие дела, собрать вещи, закрыть сессию, попытаться получить военный билет и вернуться к ней через месяц. Она к тому времени устроится на работу, а если и не устроится, у нас будет три штуки долларов на двоих, хватит снять квартиру на первое время. Долларов за четыреста можно, объяснила мне Надя. Потом я устраюсь на работу, и нормально.

Может быть, мы поженимся.

Я купил билет на электричку, и мы дошли до турникетов. Я посмотрел на Надю. Я же мог остаться прямо сейчас, думаю, но вслух не сказал. Ток пошел от мозга к речевому

аппарату, но не достиг цели, сигнал пропал в зубу, и я не смог произнести романтическое заклинание веков – открыл рот как рыба, но ничего не сказал. Нужно было идти. Надя скрючила лицо в гримаску, боль и восторг сжали мое сердце. Успокойся, говорю, скоро я приеду. Смотрю на нее, как под водой, говорю с ней, как через скафандр, сил никаких не осталось в этой Москве. Поцеловались, и пошел. Вставил билет в отверстие, прошел, повернулся, она еще миг смотрела на меня, потом повернулась неуклюже и пошла в свою сторону. В электричке я не выдержал. Мест не было, голова кружилась. Я сидел на корточках в тамбуре, когда сопли и слезы потекли из носа и глаз. Я достал платок, который мне подарил главный писатель короткой прозы Забродин. Я был немного шокирован, что он получил премию. Мне казалось, он писал хуже всех в нашей номинации. Зато поборол меня на руках и даже предлагал помериться членами. Но я не стал, сказал, что не испытываю желания смотреть на чужой член. И я не струсил, мне было прекрасно известно, что у меня член немного больше среднего, но не большой. Я просто не видел в этом смысла. Забродин, похотывая, сказал, что нужно быть первым во всем. Пошел слух о небывалых размерах его шняги и богатырской силе. Крепкий, невысокого роста, большеносый Забродин пошутил мне, что ему дали премию, потому что все члены жюри были евреями, а он вполне мог согдиться за своего. Но это ничего не меняло: его проза была тухлой. Жюри отмечало «мастеровитость» и непохожесть рассказов одного на другой. Мастерски исполненные куски тухлятины – зато Забродин признавал меня, как писателя (и только, помимо себя) и подарил мне платок на прощание.

Я достал подаренный им платок, и платок быстро намок от моих слез и соплей. Я пережил все заново. Вот я сажусь в самолет в Москву, регистрируюсь в гостинице, пью с киевским писателем Васей, вот мы едем в подмосковный

пансионат «Липки», выпиваем, отсиживаем семинары, посвященные всем нам по отдельности; вот я танцую пьяный на столе в номере Чингиза Айтматова – потому что Чингиз заболел и не принимает участия в мероприятии, и организаторы премии номер-люкс Чингиза оборудовали под вечерние посиделки. Море дармовой выпивки (видимо, деньги, предназначенные на расходы Айтматова); разговоров о Чингизе было столько, что мне казалось, его призрак незримо присутствовал все пять дней нашего пребывания в пансионате. Я очень поздно ложился и просыпался раньше всех от переполнявшей меня энергии, опохмелялся и входил в тонус. Потом наш первый поцелуй с Надей. Вечер, когда она осталась у меня в номере, я уснул, а она просто сидела рядом. Она собиралась написать речь. Нас всех заставили написать речь: что бы мы хотели сказать, если Премия достанется нам, такая тупость. Я уснул, а Надя осталась у меня писать свою приблизительную речь. Ничего не было – секса, в смысле, я уснул, когда она держала меня за руку и прикидывала, как бы отписаться; но потом я проснулся, обнаружил, что ее нет, и случилось первое помешательство. Я слишком мало спал и был слишком перевозбужден. Я выбежал в коридор, мне хотелось разорвать первого встречного. В коридоре я бросился на стенку с кулаками, а потом забежал в номер и рыдал в подушку. У меня не было соседа – я был один в двухместном номере, я был одинок и плакал, как девочка. А потом Надя нашлась за завтраком, и стало легче. Еще был вечер в гостинице, вечер перед церемонией вручения, киевский писатель Вася спал, а я не мог, во мне было море, я чувствовал, что сердце выпрыгивает из меня, море крови выходило из берегов, хотелось успокоиться и к мамочке. Я вспомнил покойную маму, и, судя по самочувствию, был близок к тому, чтобы отправиться к ней. Я не знал, кому позвонить, и решил позвонить Басалаеву, потому что он любил раздавать советы, а я не придумал, у кого бы

еще справиться, как бороться с отходняком. Но я не смог сделать иногородний звонок, мне не хватило ума – нужно было знать комбинацию цифр, а выяснить комбинацию посредством разговора с этажеркой я не решился, потому что чувство вины и собственной неполноценности сводили с ума. Потом снова выпивка, вручение премии, речи, фуршет – там было столько народу, что мы, финалисты, еле отбили себе место у стола с водкой. И прощание с Надей, много всего.

Я взял себя в руки и вышел из электрички.

Я зашел в здание аэропорта, встал посреди зала, оглядеться и собраться с мыслями; нужно было делать решительный шаг – я собирался сдать билет.

* * *

Когда я проживу с Надей три месяца, а потом буду возвращаться домой в поезде (Надя на свои последние деньги купит мне билет в плацкартный вагон, чтобы я исчез из ее жизни), я буду сожалеть, что не решился остаться с ней. Зимой месяц я провел дома, и этот месяц отдалил меня от Нади. Все эти дела, которые мне нужно было решить, ничего не значили – я мог просто остаться. Ну сдал я сессию – зачем? Насчет военника меня кинули, я просто выкинул девять тысяч рублей в дыру. Мой благодетель пропал, а вопрос с армией остался открытым. Единственное – я проверился на трихомониаз, и его у меня не оказалось. Но зато у меня была венерическая болезнь с названием «биовары уреалитикум», которую, как выяснилось чуть позже, я привез Наде, и которую мы вместе лечили. В вопросах контрацепции мы довольно быстро эволюционировали от презервативов до фарматекса и от фарматекса до эякуляций наружу.

Возвращаясь домой, глядя в разбитое окно в тамбуре, я

буду пытаться вернуться назад. В тот момент, когда я стоял в декабре, как дурак, с сумкой, посреди терминала в Домодедово – и уверенность, что я смогу остаться, таяла. Очень часто, когда мне не хватает смелости, я кидаю монетку. Я знал, что будет сложно все объяснить отцу, что мой лимит мужества не позволит так запросто отвязать канаты, что так дела не делаются. Будет проще сначала вернуться домой. «Орел – возвращаюсь, – поставил я, – решка – сдаю билет на самолет и остаюсь».

И кинул двухрублевую монетку. Монетка с грохотом упала на пол в аэропорту. Игра была нечестной: у меня почти всегда выпадает орел. Это было трусостью. Я должен был поставить орла на «остаюсь с Надей».

* * *

Отцу надо было в командировку, и он предложил мне взять билет с ним в один день. Поэтому мы летели вместе. Мне было довольно плохо после стольких дней пьянства, к тому же я совсем не спал две последние ночи. Мне хотелось выпить, но не при отце же это делать. Он и так был уже от меня в шоке.

Я в последнее время слишком много себе позволял. Стал курить при нем, почти каждый вечер приходил пьяный. Я брал тысячу рублей на день, брал с собой приятеля и шел по кабакам. Этого хватало, чтобы посидеть немного в двух кабаках. И нажраться в два рывьника. Один раз мы напились с Тимофеем в кафе «Норд», сели в маршрутку до дома, но уснули.

И проснулись снова возле «Норда». Вышли из маршрутки и снова набухались. Я превращался в кашу.

Как-то я начал стонать во сне, об этом мне говорили и младший брат, и отец, и мачеха, каждый, конечно, со своей

колокольни. Все они проснулись. Когда отец понял, что это мои стоны, он встал. Он пришел ко мне в комнату и увидел, что я сплю, прижавшись к горячей батарее. (Пытаясь выиграть немного свободного пространства в своей маленькой комнате, я неудачно поставил кресло-кровать к батарее; зимой у нас батареи были очень горячими, но я постоянно был в таком угаре, что мне было не до перестановок.) Он заботливо отодвинул меня от батареи, ушел к себе и снова лег. Я снова застонал. Отец снова встал, пришел ко мне, снова отодвинул меня от батареи и накрыл батарею большим махровым полотенцем. Через какое-то время я еще раз застонал, уже не так сильно. И тогда отец уже не стал ко мне подходить. Утром мачеха сказала мне:

– Что, совсем она, матушка, тебя довела?

Я ее не понял. Она пояснила:

– Водка. Белая горячка уже началась?

Первый час я пытался заснуть, второй час делал вид, что пытаюсь заснуть, а потом мы все-таки разговорились с отцом. Только я-то знать не знал, что у него на уме. Мы все болтали о книгах, о жизни, пока летели. О жизни, о книгах, пока не приземлились. Сели в электричку, там тоже поболтали, пока не доехали до метро.

И вот, выходим из электрички, идем к Павелецкой: отец впереди на полкорпуса, он быстро ходит. Идем, а я и говорю:

– Меня же там должна встретить Надя.

– Я могу пройти вперед, – говорит он, повернулся ко мне.

И мы остановились.

– Не знаю, лучше нам вместе пойти или отдельно? – говорю.

– Решай, – говорит.

– Ну ладно, – говорю.

– Ну ладно, – говорит.

И так мы застыли на секунду. Я не знал, нужно ли пожимать руки нам или нужно обняться. И пока я думал, он развернулся и пошел. Как-то странно я себя чувствовал. Он идет, уходит, а я стою, одной ногой во взрослой жизни, только чувство у меня, что я в дерьмо наступил. Неправильно получилось. Сжалось ли у него все внутри?

Отец, кстати, сам первый раз женился в девятнадцать. Если верить ему, это произошло так: они гуляли с мамой, когда она сказала:

– Почему ты не делаешь мне предложение?

И он сделал.

«Я, – рассказывал он мне в полушутливом тоне, – в отличие от тебя, человек порядочный: проехал с девушкой в лифте – женюсь». А потом они ели арбуз с родителями отца, мама пинала папу ногой под столом и выразительно смотрела на него. Тогда папа собрался духом и сказал деду с бабушкой об их с мамой решении. Не знаю, дед, наверно, чуть не подавился этим арбузом.

Надя ждала меня, очень милая и трогательная. Я заметил, что она почти с меня ростом. Примерно прикинул, что она ниже всего на чуть-чуть, на несколько сантиметров, даже без каблучков. Для девушки довольно высокая. И она стоит и смотрит, я заметил ее через турникет, а она меня еще не видит и выискивает взглядом. Я чуть остановился, ну думаю, вот, смотри, эту женщину попробуй сделать счастливой, она тебя любит и будет тебе верна. И пошел.

Она была настолько рада, что это меня почему-то смутило. Мы поцеловались. Мне показалось, она почувствовала мое смущение. У меня еще крутило живот.

Надя была молодец. Пока я целый месяц был дома и занимался хер знает чем, она устроилась работать журналисткой на «Дом-2» и нашла нам квартиру. Неплохое место за четыреста долларов, третья станция от кольцевой

линии метро, – сказала она. Только оттуда хозяева должны вывезти коллекцию старых книг, поэтому они любезно предложили неделю пожить нам в другой квартире совершенно бесплатно. Ее вообще-то снимают другие жильцы, но сейчас они за границей. Квартира находится в центре, почти в центре, на станции Красносельской.

Я буду удивлен, насколько хороша эта квартира.

– Вот, – сказала Надя, отперев замок. Чувствовалось: она волнуется.

Я же не знал, куда себя деть. Вдруг она вот-вот поймет, что я – это всего лишь я? Что я не настоящий мужчина, который будет беречь ее, что я всего лишь пиздюк, пусть и с низким голосом.

– Ого, – сказал я, когда увидел квартиру.

– Снимать такую стоит не меньше тысячи в месяц, – сказала она.

Я разулся. Тут было очень хорошо. Одна просторная комната, соединенная с кухней, пол которой немного возвышался над остальным полом. Дорогая красивая мебель, необычной формы потолок, небольшие разноцветные лампочки, готовые в любой момент загореться разными цветами, мне здесь понравилось.

– Хоть бы они не смогли вывезти эти книги еще полгода, – заметил я, – а мы себе будем жить тут на халяву.

– Мне кажется, что здесь живут родственники Иоселиани, – сказала Надя.

– А кто это такой? – спросил я.

– Режиссер. Тут висит его портрет.

Она показала на его портрет.

– Ну, это еще не значит, что они его родственники.

– Они тоже грузины, – и чтобы у меня совсем не осталось сомнений, добавила, – и на полке лежат таблетки «Ретан». От головной боли такие принимают режиссеры.

Я сходил в душ один. Разделся, постоял минут пятнадцать

под теплой водой. У меня была мысль выйти, не одеваясь, голым и подойти к Наде. Но я вытерся и решил, что еще не время выходить голым. И я надел джинсы с футболкой. Надя стояла у плиты. Она на секунду повернулась, улыбнулась и продолжила помешивать лопаткой: она жарила рыбу. Чувствовалось напряжение. Я наконец-то решился и подошел сзади. Я обнял ее. Она тут же оставила лопатку, обняла меня и уткнулась своими губами мне в шею, с таким облегчением, как будто если б я ее не обнял, ей стало бы плохо. Ну да, все верно, зачем я тупил, мы же вместе, и я приехал к ней? Я выключил конфорку, и мы легли на диван. Теперь я понял, что должен делать.

Когда мы закончили, Надя провела рукой по моему лицу и сказала:

– Ты красивый.

– Ты ничего не путаешь? – помимо нее, наверно, так считала только моя покойная мама.

– Ничего. Такой весь ладненький.

Потом я лежал и пытался поспать, хотя бы в течение дня, я очень давно не выспался, но из этого ничего не выходило. Я вдруг очухивался и что-нибудь спрашивал у Нади. Или открывал глаза, чтобы посмотреть на обстановку этой квартиры.

Никак не спалось. Слишком много всего ждало меня.

Я встал, оделся, поцеловал Надю и пошел в магазин за пивом и сигаретами. Со мной произошла неприятная ситуация, в ходе которой я чуть не заплакал. Стоя с пакетом возле подъезда, я понял, что забыл номер квартиры. Я не помнил даже этаж, так бы мог посчитать. Ну вот, дурак, приехал на все готовое, как ты теперь спляшешь? Я набирал какие-то цифры, мне отвечали незнакомые голоса.

– Извините, ошибся, – говорил я.

Наконец вышел какой-то дедок. Я попытался протиснуться в открывшуюся дверь, брякнув пивом.

– Куда вы?

Доктор Совок не хотел меня пускать. Он стоял, весь сжался, чтобы походить на камень.

– Я это... Пустите.

Мне удалось оттолкнуть Совка, он что-то пробормотал, я ответил:

– Я забыл, где живу просто.

Нажал кнопку вызова лифта, двери распахнулись, я тут же зашел. Проверил шестой и седьмой этажи. На седьмом узнал нужную дверь. Это было спасение.

Мы еще занимались любовью, потом ели, а вечером Надя сопровождала меня в бар, где я хорошенько выпил с еще одним молодым писателем Стасом Ивановым.

Все-таки я перебарщивал с алкоголем, и следующим утром накрыло.

Надя разбудила меня, поцеловала и ушла на работу. Я закрыл за ней и снова лег. Меня мутило, и я решил освежиться пивом. Бутылочку я поставил в холодильник на утро. Я только открыл ее, сделал глоток, и как будто получил удар по затылку. Только удар пришелся вовнутрь, как будто черепа не было, боль шла изнутри, да такая специфическая, будто мне дали горячим утюгом. Ноги у меня подкосились, и я сел рядом с холодильником. Собравшись с силами, встал, вылил пиво в раковину и лег на кровать. Такой головной боли я не чувствовал никогда. Минут десять я просил прощения. Я не знал, у кого я прошу прощения, просто я бормотал в подушку, что больше не буду так делать, не буду пить и что буду стараться не делать ничего плохого, но это не помогало. Я выпил режиссерских таблеток, и полежал еще полчаса, но это тоже не помогло.

Тогда я пошел в аптеку. Аптекарь посоветовала мне купить Солпадеин и Нурофен. Я пил по одной и по две таблетке, чередуя или смешивая имеющиеся в моем распоряжении

лекарства, но боль не проходила.

Ближе к вечеру пришла Надя. Она села ко мне на колени и положила ладони на виски. Так мы замерли на время, она хотела забрать у меня часть боли, помочь мне, разделить боль.

– Легче?

– Не знаю.

Несмотря на головную боль, я возбудился.

– Ты с ума сошел? – спросила она.

– Может, просто сперма бьет в голову и надо немного слить? – предположил я.

Часам к семи вечера я вдруг понял, что не могу больше терпеть. Боль стала такой сильной, что я не мог отпустить руки от головы: голова тут же раскололась бы на куски. Иногда даже стонал. Надя ходила вокруг меня, не знала, что и делать.

– Извини, что я так приехал и слег.

– Ну что ты говоришь?! Перестань.

Она вызвала «скорую». Мне казалось, что я умру раньше, чем карета доедет, но мы дождались. Вошли две молодые женщины, одна толстая, а одна – ничего. Надя налила им томатного сока и предложила конфеты. Женщины с удовольствием приняли угощение. Я все лежал на кровати, простонал напоминание о своем существовании, и мне измерили давление.

– Конечно, болит голова, сто пятьдесят, – сказала толстая.

Надя объяснила им, что я стал писателем и на радостях много пил.

– Такой молоденький, и пьешь. А наркотики не употреблял? – спросила толстая. Симпатичная вообще почти не говорила.

– Не употреблял, – пробурчал я.

Надя даже для убедительности показала толстухе журнал Time Out, в котором было интервью со мной. Все это

интервью человек взял у меня по электронной почте, честно говоря. Я ответил на его письмо с вопросами пьяный, так что мне не нравилось, что там было напечатано. Там я говорил, что не употребляю наркотиков, могу только что-то покурить, да и то очень редко. По-моему, мое интервью не заинтересовало медиков. Мне дали пару таблеток и велели ждать. Я встал, подошел к окну и закурил.

– Эй, тебе сейчас еще хуже станет, – сказала толстая.

– Да пусть себе курит, раз дурак, – сказала вдруг симпатичная, чтобы опять замолчать навеки..

Таблетки не помогли, мне сделали укол, но и укол не помог. Мы все загрузились в машину и поехали в больницу. Надя держала меня за руку. Я сказал, что постараюсь приехать с утра же.

Надя расплакалась, когда ей не позволили остаться со мной до утра. Я стал ее успокаивать, но нас разлучили, меня отвели в палату, вкололи мне что-то, и я уснул. Во сне голова у меня не болела – это я точно помню. Но, как только проснулся, почувствовал боль.

Я встал с кровати, держась за голову.

– Что, синька довела тебя? – подал голос бородатый алкаш, лежавший на соседней койке. Решил, что видит собрата по несчастью.

– Нет. Нервное, – ответил я.

Я вышел в коридор к кафедре регистратуры и спросил, когда придет врач и в чем будет заключаться лечение?

– Врача не будет до понедельника, – ответила мне бабка в халате.

Была суббота. Оставаться мне не хотелось. Поэтому, как только приехала Надя, я написал заявление, что отказываюсь от лечения и ответственность за свое здоровье беру на себя, и мы поехали домой. Мне стало немного легче, и я пообещал Наде не пить какое-то время.

Вечером в гости пришел мой приятель Антон. Я договорился с ним еще вчера, и раз мне полегчало, я решил, что пусть уж он заедет на часок. Расскажет, чем занимается в Москве. Я с ним учился на одном курсе филфака два года назад. Вернее, он учился в группе журналистов, вместе со Сперанским и моей первой девушкой, а я учился в обычной группе филологов. Он тоже бросил учебу и уже год жил в Москве. И еще он был голубым, но вроде бы активным (хотя мне кажется, что все гомосеки – универсалы) и не вызывал той неприятной жалости, какую часто вызывает их брат.

Он приехал, Надя налила ему выпить. И сама выпила бокал вина. Я-то пил сладкий чай. Антон рассказал, что работает пиар-менеджером. И вообще о том, как ему живется. Что ему удалось найти очень хороший вариант: квартиру в Москве всего за двести пятьдесят долларов. Потом он спросил меня, как мои дела? Я немного рассказал о себе, покуривая.

А потом мне снова стало хреново. Было уже одиннадцать вечера. Голова вдруг разболелась еще сильнее, чем вчера, я сказал, что надо что-то делать, а то мне конец. Мы втроем вышли на улицу, Надя поймала машину и велела водителю везти нас в клинику Бурденко. Мы с Антоном забрались на заднее сидение синей Оки, а Надя села спереди и указывала дорогу. Боль становилась все сильнее, а потом я как будто перестал ее чувствовать. Тепло разлилось по черепу и пошло дальше по телу. Я перестал чувствовать свои руки.

– Ебать, я рук не чувствую, – заорал я, – скоро мы приедем?!

– Уже скоро, не бойся – сказала Надя.

– Высаживайтесь, – бубнил испуганный водитель, – мне не надо, чтобы он здесь умер!

Водитель сильно засуетился и прибавил ходу. Он еще не раз говорил высаживаться, но при этом все-таки вел машину. Наконец мы добрались до Бурденко. Водила получил деньги и смылся.

Я уже совсем перестал соображать. Я стою, прислонившись к металлическому забору, не чувствуя своего тела, а Надя с Антоном просят охранника, чтобы нас пропустил. Охранник не хочет впускать. Надя просит, чтобы он вызвал врача. Через несколько минут врач впускает нас на территорию больницы. Меня ведут внутрь, тут тихо, в коридоре никого нет, Надя по дороге объясняет что-то врачу. Врач очень равнодушный мужик, ему все равно. Мне уже тоже все равно, я знаю, что сейчас умру. Все слишком долго, у врача нет желания меня спасти. Головная боль пульсирует, я то чувствую ее, то нет. На всякий случай держусь за голову, чтобы голова не разорвалась.

Меня кладут на томограмму. Какая-то женщина заводит в кабинет, укладывает меня, а сверху меня накрывает сканирующая панель. Только это уже крышка гроба для меня. Я уверен, что, когда процедура будет закончена, я уже буду мертв. Жаль, ведь я только что-то понял. У меня есть специальное знание, я понял, как жить, но я уже должен умереть. Теперь бы я все делал по-другому. Специальное важное знание, которое дается перед смертью. Вот о чем я думаю. Каждая секунда должна стать последней.

Но панель отъезжает, и женщина помогает мне встать.

– Не волнуйся, – говорит она, – главное, что рака нет.

А что же есть? Что у меня?

– Перестань трястись, – говорит врач, измеряя мне давление.

Сто шестьдесят на девяносто пять, говорит он. В этом дело. Я уверен, что дело не в давлении, не может быть так плохо человеку из-за давления. Врач со мной вообще не хочет разговаривать, он говорит только с Надей. Выписывает ей на клочке бумаги лекарства.

Он объясняет ей, что из-за пьянства у меня начался гипертонический криз, вот и все. Говорит:

– И нечего лепить из этого проблему.

Надя спрашивает, сколько денег ему дать? Врач пожимает плечами, Надя дает тысячу рублей. На выходе мы прощаемся с Антоном, метро уже вот-вот закроется, ему нужно спешить. Мы возвращаемся с Надей домой на машине, я-то в метро сейчас ни ногой, в этом грохочущем аду может стать совсем плохо.

Скоро я ложусь на диван, Надя садится рядом. Она обнимает меня, она очень устала, и я тоже. Надя гладит меня по голове. Через пару часов нам удастся заснуть.

Надя купила мне тонометр и лекарства. Она регулярно измеряла мне давление, а когда уходила на работу, звонила. Она дала мне свой старый мобильный, а себе на время взяла мобильник у мамы (пока у мамы есть рабочий) и звонила, когда уходила на «Дом-2», чтобы справиться о самочувствии и напомнить принять нужные таблетки. И через неделю мне стало немного легче, головная боль стала терпимее.

Но голова у меня теперь будет болеть постоянно.

А пока я проводил почти все время, сидя дома за Надным ноутбуком. Сидел в интернете, переписывался с отцом, врал ему, что у меня все хорошо, что мне предлагают работу, что скоро мои рассказы начнут печатать. На деле же у меня намечалась только одна публикация, и только в мае месяце, в старом толстом журнале «Октябрь». Обещанная публикация в журнале «Новый очевидец» отменилась в связи с преждевременной кончиной журнала или еще по какой-то причине. Вестей по этому поводу не было. А об этой публикации я как раз и мечтал: мне сказали, что там очень хорошо платят, до тысячи долларов за рассказ.

Пока не было Нади, я проводил время в унылой праздности. Закрыв страницу на lib.ru, открыл на rgoza.ru. Я читал сетевую литературу и пытался отыскать среди этого бреда нормальных писателей, чтобы пообщаться с ними в сети.

«Я на прозе случайно. Я совсем недавно открыла свою

страничку, но уже через несколько дней поняла, что не могу прожить без вас, дорогие читатели...»

Или:

«Вообще-то я спокойная, но иногда закрываю страницу:)...»

Или еще:

«Ура товарищи!!! Хой!!! почему миниатюры? потому что на телефоне тяжело набирать большие тексты! изображение наверху—мое внутреннее состояние...»

И вот:

«С Новым Годом Дина, Буран, Алеша Морковин! С Новым Годом все, все все! Желаю всем счастья, снежинок хоровод, вкусных мандаринов и детства, детства в душе. Всех люблю...»

Мне попался один бред.

Залазил на job.ru и на headhunter.ru, прикидывал, кем же я буду работать. Честно говоря, пока у нас еще было немного денег, мне вообще не хотелось ничего делать. И я понимал, что могу рассчитывать только на низкооплачиваемую работу.

* * *

Надя была на работе, а я позвал Забродина в гости. Я расспрашивал его, каково ему быть лучшим писателем короткой прозы и не кажется ли ему, что он такого титула не заслужил? Ему так не казалось. Я не хотел пить, но, как обычно бывает, дело пошло. Ладно, я ведь уже довольно хорошо себя чувствовал. Мы оперативно выпили две бутылки вина и бутылку водки, и Забродин сказал, что на стене висит портрет не Иоселиани, а Булата Окуджавы. И еще Забродин хвастался, что умеет подделывать автограф Окуджавы. Когда он ушел, я уснул. Проснулся оттого, что в дверь настойчиво звонили. На пороге стояла перепуганная Надя.

– Что случилось? – спросил я.

Она разулась и сказала, что звонила в дверь и на мобильник, но я не брал трубку и не открывал. Она звонила Забродину, но и Забродин не брал трубку. Она даже вышла на улицу и спрашивала у милиции, не попадался ли им я.

И вообще она решила, что мы сильно напились, и Забродин предложил мне снова помериться членами. Надя стояла под дверью, звонила в звонок и по мобильному, и ей представлялось, что один из нас, потерпевший поражение, отрезал другому половую шляпу.

Меня очень растрогало такая ее версия, и я разогрел ей поесть. Все-таки мне не удавалось быть хорошим человеком, я опять заставил ее волноваться.

Когда Надя уснула, я аккуратно стер автограф, который засранец Забродин оставил на портрете. Мне было все равно, чей это портрет, но нам вот-вот нужно было отсюда съезжать, а до нас на этом портрете не было поддельной росписи Окуджавы.

Я это знал еще в детстве, когда хуярил за Донателло. Я этого не мог сформулировать, но я это знал. Все законы жизни были известны мне уже тогда.

С хорошей бесплатной квартиры нам пришлось съехать, грузины вернулись в нее. С той квартирой, в которую мы должны были въехать, творились какие-то непонятки. Женщина, которая хотела ее сдать, никак не могла заставить своего отца вывезти драгоценную коллекцию книг. Поэтому какое-то время нам предстояло разбираться самим. Но Надин дедушка позволил нам жить у него. И скоро деньги все равно закончились, так что других вариантов не было. У Дедушки была свободная комната, вполне пригодная для проживания.

Когда мы пришли туда с Надей, я тут же получил тапки. Я, Надя и Дедушка прошли на кухню пить чай. Я смотрел на свои ноги в тапках, и не понимал, что эти тапки мне напоминают. Потом я получил чашку чая (чайника у дедушки не было, и мы заварили прямо в кружках), и чашка была точно такая же, как из набора у меня дома. Я цедил чай сквозь зубы, чтобы не наестся чаинков, и тут до меня дошло: ведь и тапки были точно такие же, как у моего отца. Не так-то много изменилось в моей жизни.

Все просто. Ты играешь за человечка, которого не выбираешь. Характеристики закладываются при рождении, неизвестно по каким причинам тебе достается в чем-то сильный, а в чем-то слабый персонаж. Или слабый по всем параметрам персонаж, тут уж как повезет. Сама игра неинтересна, но ты инстинктивно пытаешься проходить уровни, забираться выше по лестнице – желательно пройти игру, тогда в конце можно будет вообще ничего не делать, если ты станешь Королем Карты. Возможно, это еще хуже самой игры, но есть только один способ узнать, брат.

Но ты можешь пойти не в ту сторону, тебе будет казаться, что ты на полпути к победе – ведь столько скуки и глупости ты выдержал, столько бессмысленности переварил, что дальше уже некуда. Но вдруг тебе на глаза попадается кусочек текстуры из первого уровня. И ты понимаешь, что, возможно, ты в ловушке. Что, возможно, ты все еще в самом начале пути.

Ты никогда не знаешь, где границы первого уровня, где границы второго уровня, третьего и так далее. Это одна из главных проблем – понять, в какой точке ты находишься.

Я иду один по Москве. Иду от Серпуховской в сторону центра, смотрю по сторонам. Иногда сажусь на лавочку и курю. Долго сидеть холодно, я иду дальше, я же в Москве, и

до сих пор не видел достопримечательностей, хотя плевать на них хотел – в мавзолей бежать, что ли? Просто гуляю, захожу в магазины, греюсь. Надя на работе, а я гуляю, но ничего, скоро я тоже устроюсь на работу. Несколько неудачных собеседований, но это ничего. Я бы пошел работать грузчиком, но Надя говорит, что мне еще нельзя. Да, она права, головные боли еще не прошли. Каждый день голова болит, хотя я и привыкаю к этому. Но нервы я ей испортил, это точно. Я ворчу уже больше месяца, ничего не могу с собой поделывать, я невыносим. Надя носитя со мной, измеряет давление, кормит таблетками, а я только нервничаю. Просыпаюсь ночью от головной боли и прижимаюсь к ней. Только тогда ей, наверное, хорошо со мной.

Да и перед Дедушкой неудобно. Что он думает обо мне? Может, считает, что я альфонс? А может, ему вообще плевать. Станный он. Надя говорит, что он изобрел прибор, который «измеряет, есть ли жизнь на Марсе». Но прибор нужно запускать только раз в семь лет, когда земля находится на максимально близком от Марса расстоянии. Прибор уже был запущен, но неудачно, и теперь придется ждать семь лет. Еще Дедушка может сесть у себя в «кабинете», разложить на коленях карту мира и водить по ней пальцем: «путешествовать». Он знает английский, французский и испанский. И еще преподает, вроде бы, физику. Надя знает английский и немного японский, она больше года жила в Америке. А я не знаю ничего.

Ее Дедушка ничего. «Не ходите поздно, хулиганья полно». Меня раздражает только одно: когда Надя возвращается с работы, он, только слышав ключ в замке, встает в коридоре, чтобы поговорить с ней. Это затягивается на целый час или даже дольше. Ему всегда есть что сказать, он может извлечь мозг на ровном месте. Так что любая моя попытка встретиться Надю объятиями или поцелуем терпит поражение. Я пытался его опередить, но у меня не получается. Он

всегда побеждает в этой игре, и я, оплеванный, вынужден сидеть в комнате и ждать, пока у него закончится информация.

Я иду по мокрым улицам, скоро начнется весна. Я думал, что я приеду в Москву, и начнется что-то новое, что-то интересное. Кто-то из знакомых подсобит с работой, я напишу повесть, которую тут же опубликуют, или просто буду счастлив. А пока я сижу на шее у своей девушки, свесив ножки. Занимаюсь интернет-онанизмом и пишу полрассказа в неделю. Плюс получаю пенсию, это две тысячи рублей в месяц: формально я еще учусь в институте, и мне платят пенсию, потому что у меня нет матери. Кем я стану? Удастся ли мне стать писателем?

В чем секрет? Как мне изменить мир вокруг себя? Как найти лазейку?

Я уже даже соглашусь пойти работать на «Дом-2». Им сейчас требуется еще один человек, чтобы делать ту же работу, что и Надя. В принципе, это не тяжело, но и платят немного. Работать три или четыре раза в неделю, приезжать на съемочную площадку, писать материал на сайт о том, как проходят будни героев передачи. Сейчас Надя простит меня, и я поеду с ней, чтобы попробовать написать свой первый материал.

Надя почти не разговаривает со мной уже целые сутки. Вчера я рассказал, как изменил ей с Васильевой, когда ездил домой. Может, этого и не стоило рассказывать, но мне кажется, что нужно стараться быть честным, иначе все полетит в пропасть. Я целый месяц собирался, думал, стоит или не стоит рассказывать?

Ведь тогда я все-таки еще не был до конца уверен, что я — с Надей, и, возможно, это и не совсем измена. Нет, это измена.

Она даже заплакала, чего я совсем не ожидал. Я чувствовал себя каменным идиотом, когда она плакала.

Это случилось после экзамена по актерскому мастерству. Все мы получили пятерки – вся наша группа, даже я. Немного выпили прямо в аудитории и стали расходиться. Васильева подошла ко мне и сказала, что хочет, чтобы я пошел в общагу к ее подруге Лене. У Лены нет соседки, и можно провести там всю ночь. Я спросил: зачем? Васильева сказала, что, раз я скоро уезжаю, она хочет со мной переспать. Я не поверил, решил, что она так шутит. Все это было на нее не похоже. Ее подругу Лену я знал, она встречалась с моим одноклассником.

Мы с Васильевой подошли к общаге. Лена ждала нас на крыльце. Она отвлекла охранника, и мы прошли. На лестнице Васильева меня поцеловала. Вот уже мы втроем сидели у Лены в комнате и пили вино. Лена и Васильева целовали меня по очереди. Мне как-то было не очень удобно, все-таки Лена – девушка моего одноклассника. Но она сказала:

– Да он дурак. Знаешь, какой он мне подарок сделал на день рождения?

Они переглянулись и прыснули вместе с Васильевой.

Пока Лена отошла в ванну, Васильева попросила, чтобы я сначала поимел Лену. Я ничего не понимал, зачем ей это надо? Васильева объяснила, что ей самой «страшновато», что у нее был секс всего один раз в жизни и что ей было больно. А так ей будет легче.

Я не понимал логики. Но сказал, что попробую.

– Только у меня никогда не было девушки младше меня. Может не получится.

Ведь они обе были на два года младше. Это меня немного смущало.

Вино, а потом мы втроем валялись голые на полу, вернее, на одеяле, которое Лена бросила на пол, и они обе пытались возбудить меня, но все было тщетно. Мне было неловко все это, и у меня не вставал. Я отшучивался, Лена надрачивала мне, пока я целовался с Васильевой. Они довольно свободно

себя чувствовали, но почему-то минет мне не делали, хотя я сказал, что только от него у меня встанет. Ладно, я сделал Лене куннилингус. Ей вроде понравилось. Я переключился на Васильеву и, пока лизал ей, Лена куда-то вышла из комнаты.

Как только я остался наедине с Васильевой, у меня тут же встал. Мне стало ясно, что просто Лена была тут лишней, в этом было дело. Я надел презерватив, и мы с Васильевой занялись сексом прямо на полу, а потом еще раз – на кровати. Утром я ушел, с Леной сексом заниматься так и не стал. Все-таки это была девушка моего одноклассника.

* * *

АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ НЕЛИДОВ ФОРЕВА

Значит, я проснулся и вылез из автобуса. Приготовился было ворчать, но здесь оказалось очень приятно, природа, все дела, хотя и холоднее, чем в Москве. Мы с Надей N., которая сегодня мой гид, прошли на территорию Дома 2, тут были всякие деревянные постройки, видимо, необходимые для людей, чей хлеб – эта передача, тех, кто делает, чтобы все было как надо. Когда мы шли по страшному веревочному мосту через ручей, Надя сказала:

– Это и есть тот мост, по которому печально проходит участник, покидающий Дом-2. Вот сюда вкручивают лампочки, чтобы мостик светился в это время.

Там были пустые патроны, наверное, через каждые 40 сантиметров.

– А потом выкручивают? Сколько же бессмысленной работы! То есть не было бы дешевле вкручивать новые, если некоторые испортятся, чем оплачивать работу людей, которые каждый раз проделывают такую работу?

- Я тоже об этом думала.
- И уже в материале об этом написала?
- Да.

Тема перестала быть для меня интересной. Вот мы попали в аппаратную. Здесь много людей, занятых делом, много телевизоров. Надя подвела меня к столику, на котором стояло четыре телевизора. И лежали наушники. Велела смотреть в оба: если что-то начнет происходить, немедленно записывать в тетрадь. И я приступил. На самом деле я тупо смотрел в телевизоры, потому что большинство участников передачи спали, а остальные еще не были способны на интересные для меня поступки. Но мне не хотелось, чтоб кто-то из занятых делом, что-то переключающих, ругающихся, РАботающих людей заметил, что у меня мало дела. Вообще, Надя мне рассказала мне о парне, до меня претендовавшем на это место... Писать дневники Дома 2. В свой первый день ходил и говорил: «Главное – выучить их имена, главное – выучить их имена». Это был его первый и последний день. И я уже прекрасно знал имена всех, что с удовольствием отмечал, глядя на любой из телевизоров.

Ну, вот и начало происходить что-то.

Нелидов просит Майкла научить его английскому слову.

- «Фаул», – говорит Майкл.
- «Фаул»? – Нелидов повторяет примерно пятнадцать раз. Я, понятно, не записывал столько раз одно и то же слово. Приблизительно посчитал, – а что это значит?
 - Это что-то испорченное. Что-то, что уже воняет.
- Нелидов еще произносит «фаул», потом говорит:
 - Оу, Майкл! Майкл! Фаул!
 - Но тебе еще надо разобраться, когда его надо говорить.

– Форева! – говорит довольный Нелидов.

Вообще настроение у него с утра малость злое. Насколько позже я наблюдаю его разговор с Настей. Он говорит Насте, что она ЭГОИСТКА, ПОЛУЧИЛА СТОЛЬКО ПОДАРКОВ, А ЕЩЕ ОБОЗВАЛА СТАСА ЖАДИНОЙ. Насте не нравится, что он повышает на нее голос, она все пытается выйти с ним на один уровень в беседе, говорит НЕ ДАВИ НА МЕНЯ НЕ ДАВИ НА МЕНЯ, НЕ НАДО ПОВЫШАТЬ ГОЛОС. Нелидов говорит, что это просто придает динамику разговору. Вот такие вещи. Потом он много чего говорит еще, но в таких ситуациях, насколько мне известно, никто пользы от разговора не получает, разве что пар спускает немного. Короче, у людей нормальное настроение для первой половины дня.

Потом я, наблюдающий за ними как божественный глаз с небес, становлюсь свидетелем разговора о литературе.

Май рассказывает, что вечером прочитал два рассказа Павича. Первый и «Вкус соли»:

– Было очень интересно читать. У него интересное мышление!

– Чем интересное? – спрашивает Третьяков.

– Ну, например он пишет: «у него были седые виски, и в темноте казалось, что он смотрит висками, а не глазами», – у Мая грубый после сна голос. Когда он говорит это, стоя в своем кожаном пиджаке, поднося руки к вискам, он выглядит мужественно.

Третьяков почему-то называет Павича сукой. И уходит. Но я зато рад, что состоялся разговор о литературе, пусть коротенький, пусть мне писатель этот не нравится, пусть последняя фраза не в его пользу сказана. Но, тем не менее, мне очень понравилось объяснение Мая.

И потом я смотрю, как Рома с Бузовой собирают вещи, чтобы запустить в домик Камилу с Майклом, слушаю, как Бузова, когда Стас ей показывает жилое помещение, жалуется, что у нее много чемоданов, что она хочет, чтобы все вещи были рядом! Я смотрю на это и думаю, что написал бы об этом Павич? Интересно. Я смотрю, как Нелидов говорит о фильме «Рассвет мертвецов». Он машет руками, он впечатляет, он убедителен. Опять говорит про динамику, и я думаю, что в промежутке от первого прохода по мостику (как и мой сегодняшний) до того момента, когда участника здесь уже не будет, есть особая динамика, и увидеть ее нелишне.

Валентин Будильников,
кандидат в репортеры

Мой материал взяли, так и повесили на сайт под этим идиотским псевдонимом.

– Я уверена, что тебя возьмут, – сказала Надя, – всем понравилось. Только начальник возмутился слову «нелишне».

– Отличное слово.

Но через пару дней Надя сказала, что меня не берут. Начальник мотивировал отказ так: ему не нужны семейные разборки на работе. Но Надя сказала, что дело не в этом. Просто взяли одну девочку-дуру, там было уже все заранее схвачено, такие дела.

Я вздохнул свободно – не придется работать на эту конскую шнягу.

Я посидел на лавочке возле цирка, пересматривая, развернув как книгу собственную жизнь, пересматривая ее и последний год, пытаясь найти причинно-следственные связи, но потом страдать надоело. Решил пойти к Игорю. Приятная погода, приятная пустота, черт, да успокойся ты, прогулялся четыре остановки, чтобы гул немного поутих. Странно, я так намаялся проверяться на все эти венерические болезни... А у Алисы мама работала в центре борьбы со СПИДом, вдруг вспомнил я. Я просто был подсознательно уверен, что у Алисы не должно быть никаких инфекций. Вот вам ирония судьбы. Я дошел до дома Игоря, подъезд был закрыт. Я проорал его имя ввысь. Он тут же выглянул в окно, а через минуту уже спустился.

Игорь спросил, сколько у меня есть денег, мы сходили в аптеку и купили четыре маленьких бутылочки можжевельного спирта; смешали с водой, получилось что-то вроде ароматной водки. Пить это предстояло не мне, так что я особо не волновался по поводу качества продукта. До конца курса три дня, значит, еще три дня не буду пить спиртного, нужно хоть в чем-то дойти до конца.

Меня подмывало рассказать Игорю насчет Алисы, но я удержался. Мы сидели у него, слушали музыку, он пригубил получившегося напитка. Я просто курил.

Каждую минуту я принимал новое решение, естественно, ничего не озвучивая. Все происходило только внутри: я прикидывал варианты, писал романы в голове, бросал Алису, женился на Алисе, уезжал в Москву с Алисой и без нее, становился богатым, и мы излечивались. Или вдруг тут же мне казалось, что не надо быть с ней, но секунду спустя я уверен на сто процентов, что должен принимать все, сваливающееся на мою голову – это и есть единственно верное решение. Я написал ей сообщение с мобильного Игоря

(своего у меня до сих пор не было), чтобы с поэтической встречи ехала прямо к нам. Она ответила, что сначала должна встретиться с подругой. В итоге приехала вместе с подругой, которую звали Светой. Подруга рассталась с парнем, и ей было некуда идти.

– Оставайся у меня, – обрадовался Игорь, – моя мама уехала в Анжерку, а Таня ушла, теперь мне одному плохо...

Они пили, музыка играла, я сидел в кресле, курил. Света все рассказывала о том, как они поссорились с парнем, о том, что у нее эрозия шейки матки. Я не очень-то слушал. Я курил, почти не разговаривал даже. Алису начало вести, она подходила и целовала меня, садилась ко мне на колени и целовала, я отвечал на ее поцелуи, но мне представлялось, что у меня и у нее во рту множество ранок, и что моя кровь смешивается с кровью четырнадцати доноров. У меня поднялось давление. Я выпил сердипин, который нашелся у Игоря. Алиса гладила меня по голове, Игорь плясал со Светой. Я крикнул Свете, что ей стоит поторопиться с лечением эрозии, иначе у нее не будет чудесных детишек.

– Спиногрызы! А как же спиногрызы, милые сердцу?

– И пусть не будет, слава богу, мне не нужны дети! – такое было мнение у Светы на этот счет.

– Завтра ты вернешься к своему парню, а он тебя не возьмет бесплодную! – настоял я, хотя меня и не особо волновало, что у них будет с ее парнем.

– Я не вернусь к нему, – сказала Света, – обойдется.

– Спиногрызы, – сказал я Алисе, – мне они нужны, маленькие и миленькие.

Алиса еще раз меня поцеловала. Настала ночь, а она забыла позвонить маме. Пришел сосед снизу. Хотел попросить, чтобы мы сделали тише музыку, но выпил и решил остаться. Сережа, смуглый здоровый парень нашего возраста, Игорь называл его Эфиопом в честь персонажа из

последнего фильма Алексея Балабанова, но я этого фильма не смотрел и не мог подтвердить сходства. От выкуренных сигарет меня немного мутило, давление примерно сто сорок пять на девяносто, прикидывал я. Поэтому я пошел в комнату Игоря и прилег на кровать. Комната медленно вращалась вокруг меня. Ко мне подошла Алиса и сказала:

– А ты понравился Свете.

– Но спать ей придется с Игорем, – ответил я без усмешки.

Алиса спросила:

– А ты собираешься спать?

– Нет, – сказал зачем-то я.

Потом зачем-то встал, преодолевая внезапно усилившееся вдвое земное притяжение, закрыл дверь на замок. И зачем-то стал раздевать Алису.

– Ты нормально себя чувствуешь? – спросила она, – ты не умрешь на мне?

Я уложил ее на кровать. Наверное, вид у меня был не очень убедительный, потому что она спросила:

– Ты точно хочешь сейчас?

О да, еще как хочу, черт возьми. Мне было не по себе. Все катилось куда-то, болела голова, страсти было немного, кончить не получалось ни у меня, ни у нее. Мы барахтались на кровати в дырявой спасательной шлюпке на полпути к Берегу Мечты, и я был далеко не на высоте. Слишком много всего в голове. К тому же Игорь решил шуткануть, маленький сумасшедший чертик, он вышел из гостиной на балкон, сел на бортик и стал стучаться к нам в окно и комментировать наши действия – хотя вряд ли он мог что-нибудь толком разглядеть, света было немного, только от включенного компьютера. Хотя, возможно, ему было видно оттуда кусок моей прыгающей в потемках жопы. Игорь продолжал катить свою гнусную и неостроумную телегу, стучал в стекло, рискуя свалиться с четвертого этажа на асфальт или на

козырек над кафе «Встреча» и сменить один ад на другой. Конечно, он не знал о моем смятении, но все равно не надо быть таким говнюком. Есть люди, которые считают, что секс должен быть только у них. Я встал, задернул шторы и крикнул Игорю, чтобы он катился куда подальше. И вернулся к Алисе, по дороге стянув презерватив и бросив его на пол.

Мне уже было все равно.

Она что-то возразила, но я крепко обхватил ее тело руками и резко заткнул ее испуг и все мыслимые возражения, вложив в движение все свое отчаяние – назад дороги не было. Она издавала звуки, я не останавливался, не сбавлял темпа, и вот мне подкатило, я достал, хотел вставить ей в рот, но не успел и разрешился на нее. Мы немного полежали, ничего не говоря, отдышались, и я вытер ее живот и грудь – и даже немного попало на волосы, – своей футболкой.

Когда Алиса пошла еще выпить, я, уже одетый, лежал, глядя в потолок, в этой обдроченной футболке, ждал, когда мне удастся провалиться в спасительный сон. Но если я закрывал глаза, мне становилось не по себе – там, во мраке под закрытыми веками, было так одиноко, – поэтому я снова открывал глаза и снова смотрел в потолок. Что я делаю, чего я хочу, удастся ли мне когда-нибудь разобраться с собой и тем, что происходит?

Через какое-то время Алиса вернулась, совсем уже нетрезвая, сначала меня целовала, даже изображала любовь и страсть. Мне не хотелось. Стоять-то у меня стоял, но мне не хотелось. Вдруг она села на кровати, и понеслось, будто резко передернули рубильник: она стала говорить мне о том, что ей, конечно, хорошо со мной, но, она, наверное, все-таки больше лесбиянка, нежели натуралка.

– Я этого не знал, – ответил я.

Потом она легла, а я наоборот встал и смотрел в окно. Алиса лежала на кровати и рассказывала голосом актрисы,

плохо играющей в плохом спектакле – мне было даже неловко за нее – рассказывала о девушке, которая недавно ей понравилась, о ее прекрасных глазах, о том, что с парнями она хотя бы может спать, если использовать презервативы – но с девушкой нет вариантов. Эта ее драма не находила откликов в моей душе, мне было жалко только себя. Потом Алиса вдруг заговорила на тему того, что она уверена, что я лучший поэт из всех, кого она знает, что я обязан написать про нее стихотворение, и тогда, может, благодаря моим строкам ей удастся остаться в мире, господи боже, немного дольше. Потом Алиса так же неожиданно переключилась на рассказ о том, что она раньше была влюблена в Игоря.

На это я сказал:

– Но я-то поэт лучше?

Несерьезно сказал. Я просто уже не знал, что ей отвечать. Возможно, Надя еще ждала меня в Москве, а я просто поменял одно на другое. Я «махнулся не глядя» на пустой кулак. Я просто поменял честную девушку на нечестную, а возможно, – даже порядочного человека на непорядочного. Я поменял хорошую поэтессу на плохую поэтессу.

И еще я был уверен, что Алиса не кончила со мной.

Она сказала:

– Но Игорь – он сильнее меня. Если он захочет меня, ты должен быть рядом, потому что он сильнее меня!

И если на этой ее фразе – важной фразе, судя по интонации, – я закуривал сигарету, стоя возле окна и глядя на ночной проспект Ленина, то когда я выкидывал в форточку бычок, Алиса уже крепко спала. Я заботливо укрыл ее одеялом: она лежала, раскрыв рот, из которого пахло можжевеловым спиртом, немного рыхлая двадцатилетняя дура, пусть и с приятным лицом, но совсем не такая, как в моих мечтах.

Я вернулся домой, ходил по больницам, сдавал анализы. Нашли только коллапс сердца, что-то такое. Терапевт посоветовала мне курить поменьше, а лучше вообще бросить. И еще мой желчный пузырь был немного деформирован («будь уверен, от пьянства»), а так, в общем, я был здоров. Голова болела уже не так сильно, но все-таки постоянно болела, иногда я думал, все – отпускает, а иногда думал, что у меня опухоль или еще какая-то дрянь в этом роде, но пока по анализам все выходило нормально. Иногда голова несколько дней подряд не болит, и вот уже, довольный, решивший, что все прошло, переходишь дорогу или, допустим, садишься в автобус, или моешь руки, как вдруг: бах! – тонкая игла втыкается в висок. Или камнем дают по затылку. Тогда хотелось плакать, и думалось – что же это за тупорылые врачи, которые не могут в двадцать первом веке сказать, отчего у тебя болит голова...

Еще я часто думал о Наде, и однажды мне приснился сон, что я уговариваю ее снова быть со мной, целую, прошу взять меня обратно, извиняюсь и говорю, что я люблю ее, или хотя бы сделаю все, чтобы полюбить ее. Почему-то действие сна происходило в холле школы, где я учился. Перемена, школьники выходят из классов, Надя сидит на подоконнике, я стою рядом и целую ее в губы. Она целует меня в ответ, но говорит:

– Я люблю сына священника. Я не могу быть с тобой снова.

Я все выпытываю, что такое в нем есть, чего нет во мне. Зачем он ей, ведь это все глупость.

– Просто я люблю его. И дело не в том, что кто-то лучше, а кто-то хуже, – говорит Надя. И она называла его не иначе как «сын священника», это, видать, потому что сон был мой, а я не знал, как еще можно называть этого человека. Не знал

его имени и фамилии и ссать хотел на них с высокой колокольни.

В своем сне вдруг я понимаю, что они спят вместе. Неужели это так? – спрашиваю у нее. Так ли это – она спит с сыном священника, будь он неладен?! Она не хочет отвечать, но я знаю, что это так, и я все допытываю ее, вытягиваю из нее положительный ответ, и когда она отвечает «да, мы спим», я чувствую предательство и обиду, просыпаюсь и понимаю, что она, наверное, тоже должна чувствовать предательство и обиду.

Ведь я взял на себя обязательства и не выполнил их. Но все равно чувствую предательство и обиду.

Я должен был сделать ее счастливой, я должен был стараться понять ее, а вместо этого был зол, был раздражителен, и я все упустил. Почти три месяца мы жили с Надей и, вроде, все с виду было неплохо – особенно секс, – прекрасно, никогда не было так хорошо, но я немного сомневался, я мешкал, не мог понять, достаточно ли я честен с ней? Действительно ли я хочу сделать ее счастливой, хочу быть с ней, или же мне просто нужно было уехать из своего города, и случай предоставил мне Надю? И, пока меня мучили философские вопросы, я был недостаточно нежен, а еще эта головная боль. Да, пока меня мучили вопросы, она влюбилась в мандельштамоведа. Да, мандельштамовед, он же сын священника, уж он-то, наверняка, был более стговорчив, чем я, он не был таким злобным ворчуном.

Я начал подыскивать себе по интернету подходящий институт в Москве. Я решил снова поступить в институт, чтобы мне дали бесплатное жилье в общежитии, чтобы опять можно было уехать из дома. Ясное дело, я ничего не знал и не умел, поэтому мне оставалось надеяться только на творческие ВУЗы. Можно было попробовать в Литературный имени Горького, но он мне почему-то казался сущей помойкой, можно было попробовать театральные, но один

раз уже театрал из меня не вышел – поэтому я выбрал для себя институт кинематографа. Я подумал, что, наверное, дело интересное – снимать кино, только на режиссерский факультет надо было писать много всякой предварительной ерунды: замысел первой короткометражки, экранизацию литературного произведения. На актерский мне не очень хотелось, потому что туда идет слишком много народу. Решил поступать на сценарный факультет: это мне показалось самым простым вариантом. Там было достаточно выслать им несколько рассказов и написать автобиографию на две страницы, чтобы тебя допустили или нет до вступительных экзаменов.

Началось лето. Я пришел на показ по актерскому мастерству своей бывшей группы. Показ был так себе, но Васильева смотрелась нормально, она была хороша. Потом я вышел на крыльцо, покурил, поболтал со студентами старших курсов, обсудили показ – пока не ясно, что получится из нашей группы. Я снова поднялся на четвертый этаж. Пока все остальные разбирали декорации или переодевались, Васильева сидела на лавочке возле входа в аудиторию и смотрела перед собой. Я сел рядом. Обнял ее. Она расплакалась. Я не знал что сказать. Она была совсем маленькая, сидела, закрыв лицо руками. Она все плакала, я дотронулся до ее рук, закрывающих лицо, у меня были очень большие руки, если сравнивать с ее ручками. Потом я поцеловал ее в щеку, встал, постоял немного возле, глядя на ее рыжую голову, снова сел.

– Ну что такое? – спросил я, – что случилось?

– Ничего, – ответила она.

– Васильева моя дорогая, не плачь, пожалуйста.

Вдруг она немного успокоилась. Потом встала и пошла переодеваться. Путилов прижал и поцеловал Вику в уголке, – заметил я боковым зрением. Видно было, что Вика – как

бы и его девушка, но она не хочет этого показывать на людях. Странно, ведь я всего несколько месяцев назад считал, что влюблен в Вику. А она и рядом не валялась с Васильевой или с Надей. С девушками, которые любили меня.

Скоро я узнал, что мои работы прошли, – меня допустили до вступительных экзаменов во ВГИК, – на другой вариант я, признаться, и не рассчитывал. И тогда я опять засоби-рался в Москву.

Только сначала мы еще раз переспали с Васильевой, и это было так хорошо, что я даже думал остаться. Впервые за долгое время ко мне вернулось чувство реальности, которое я как будто утратил еще осенью – где-то между свободным танцем, моим глупым актерским этюдом про больную любимую девушку и письмом из Москвы. Мне было так хорошо с Васильевой, что даже не верилось. Я уткнулся носом между ее грудей, сосредоточился на этом ощущении, сосредоточился на ощущении себя внутри нее, мысленно произнес «спасибо» и в своем сознании воспользовался функцией Save. Я кончил на ее живот, я вылился весь, но у меня было все под контролем: я вышел в меню, выбрал Load и опять все это, опять проиграл этот момент, который вмещал в себя вечность.

Мне казалось, что я могу так делать бесконечно. Но настало утро, настал день, и мне пришлось уйти.

– Ты когда уезжаешь? Ты придешь еще? – спросила она.

Я ответил, что приду. Но это все пахло долгой счастливой жизнью, и я не осмелился.

* * *

За несколько дней до отъезда я зашел в гости к Ибрагимову. Зайди ко мне до отъезда, говаривал тот, зайди непременно. Поэтому я великодушно решил позволить ему поучить меня жизни, направить на путь истинный. Он открыл, лы-

сый, бородатый, в шортах, похожий на монаха в своей хижине, сел себе на стул за компьютером, ножки под себя подогнул, а меня в кресло усадил, и давай о творчестве, о поэзии. О литературе, значит, я вижу его стишата в ворде, то есть редактировал он себя любимого перед моим приходом. И еще иногда он говорит, будто оттуда, с небес, читает буквы, и это произносит – то, что в небе читает. Божий человек. Потом он мне прочел стихи одного парня, который был похож на меня, да умер, в чем пьянство ему и помогло немало.

– Ну, как тебе?

– Да не очень.

– Тогда еще это.

Он еще почитал книжку этого парня. Парень, мол, был славный, талантливый. Но нрава такого, что не прожил долго.

– Не нравится мне, – говорю, – да и вообще не понимаю я стихов. Свои мне еще ничего, ну и у Маяковского вроде тоже ничего.

И еще Ибрагимов, как обычно, говорил, что пишу я хорошо, но как будто хожу возле сортира вместо того, чтобы видеть прекрасное. Это он рассказы мои почитал.

Но Александр Гумерыч, ведь все, что я пишу – о любви и о прекрасном, говорю ему.

– Но ведь Достоевскому не нужно было материться. Толстому не нужно было материться, – ответил он.

У Толстого и получалось-то не особо, говорю. Но и дело ведь совсем не в этом. Какая разница: материться – не материться. И то, и другое может быть хорошо. Единственное, что имеет значение – чтобы было интересно.

Ну, и дальше эти разговоры о том, как творческому человеку вообще справиться со всей этой жизнью. Как быть. И за каким хреном я сваливаю в Москву, ведь она, дескать, меня съест, как многих съедала? Да, нет же, просто хочется отсюда куда-нибудь, в Москву, в Грецию, в Индию, в Задницу,

только бы туда, где нас нет. И еще я в монастырь думал свалить какой-нибудь, а то не пойму, куда себя деть. Если ничего не получится, если не поступлю в Москву, обязательно всерьез подумаю насчет монастыря.

– Интересно, – говорит Ибрагимов, – ты помнишь, я тебе советовал. Года два назад.

Да помню я это. Но я не потому, что по Господу, по старому доброму Госпу душа моя истосковалась, просто хочется туда, где все не так. И еще подумать хочу.

– Ну, в монастырях тоже надо будет работать.

– Что сделать. Везде надо.

– Интересно. Очень интересно, что ты об этом заговорил.

И тут мы пошли-поехали. Совесть – говорю. Вот вам и Бог, и Любовь, и Творчество. Все – совесть. Нужно жить по совести. Иначе ничего хорошего вам не светит. Все в тартарары свалится, если не по совести. Хочу жить по совести, вот моя вера. А религия там, все прочее – не знаю-не знаю. Не нашел пока себе подходящую – наверное, потому что не искал. Но я чувствую, что совесть – самое важное в жизни, и что ее просто называют по-разному, но это она в центре всего. Я моралист.

Она – Бог.

– Что же тебе совесть позволяет и чего не позволяет?

– Ну, ты чувствуешь, что так делать нельзя, и не делаешь. А если делаешь, то потом все как-то не так, как зуд в зад.

– А твоя совесть позволяет тебе пить?

От этого вопроса стало странно. Пьянство и совесть существовали у меня в голове, как-то не пересекаясь. Вопрос был инородным для моего сознания.

– Я у нее на эту тему не справлялся.

– А ты справишься.

– Позволяет, – говорю не очень-то уверенно, – это дело не подлое. Вроде не подлое.

К тому же сейчас я уже не могу так пить – давление, все

такое. Нельзя, сильно не разгуляешься. А может вот и есть знак – давление? – предполагает он.

Да, если по совести, то все будет в порядке, говорит. Он был так же молод, как я, около сорока лет назад. Всю жизнь были проблемы, тоже не работалось как нормальным людям. Творчество, будь оно неладно, – но теперь, вот, с божьей помощью, появилось и жилье в центре города, и милая сердцу литературная мастерская «Аз». Теперь он сидит каждую среду с творческими ребятами. И все прочее, и ну их всех куда подальше.

И еще Ибрагимов спросил:

– Чего ты вообще хочешь? Ты можешь сказать, что тебе нужно в жизни?

И из меня выскочил ответ, хотя я на эту тему не сказать, чтобы думал. А вышло, как будто я ходил неделями и ждал, ну когда же, когда же кто-нибудь спросит, как оно у меня, что мне надо. Поймет и оценит.

Есть три вещи, говорю я ему. До них как будто меня не существовало. Первое – что у женщины между ног, если позволите так обозвать шило в зад, связанное с противоположным полом. Это меня волнует с шести лет, как я узнал, откуда дети берутся. Когда мне было 13 – я смог отлично разузнать, что такое пьянство и подружиться с ним. А в 15 я начал плотно читать книги – и к двум предыдущим темам прибавилась литература. Значит, такие этапы:

- 1) с шести лет – что у женщины между ног.
- 2) с тринадцати – что у женщины между ног и пьянство.
- 3) с пятнадцати – что у женщины между ног, пьянство и литература. И до сих пор так все и остается. На этом и держится мое я. Так я сказал.

Он показался мне очень довольным моим ответом – так же, как я вопросом, – только высказал неодобрение по поводу того, что я закладываю с тринадцати лет. Ибрагимов сказал:

– Ты очень хорошо в одном абзаце раскрыл то, на что людям часто требуется написать целую книгу, – и предложил мне фасоли. За фасолью мы пришли к выводу, что все-таки любовь к женщине пересиливает творчество – и для него, и для меня. Но для меня творчество пересиливают еще и мои астральные путешествия, с которыми надо к чертям бороться.

Ну и напоследок он мне сунул свою книжечку стихов, я вышел и прочитал, что он написал мне на первой странице: «Мне нравится, что ты пишешь, но немного целомудрия не помешает». И подпись – с любовью. А потом шли четверостишья. Книга четверостиший, на каждой странице по штуке. И под каждым стоит дата, когда оно написано. Я прочитал три первых и положил в карман.

У меня в кармане завывали бесы, и Александр Ибрагимов, которому не нужно было ни воли, ни хлеба, понес крест русского четверостишья; далеко, видимо, потащил, а рыбаки тем временем заходили в воду с неводом, а в тоске плевались себе людские косяки. «И плаваю везде – малек блестящий я», блин. То-то и оно, вот что происходило в книге Ибрагимова, это же самое предлагал мне мир, и я поплыл дальше, пока не проснулся в то утро, когда нужно было лететь в Москву. Мы чего-то помялись с отцом на кухне, не зная, как прощаться: я не знаю, как пожелать ему счастливо оставаться, он – не зная, видимо, когда меня ждать и чего мне желать. Очень рано было, рассвет заглядывает в окна, небо слегка угрюмое, но волнующее, предвещающее настоящую жизнь уже в который раз, а мы стоим с моим папой как два баклана да соски поминаем. Наконец за мной приехало такси, ведь было рано, автобусы ведь еще не ходили, – отец дал мне немного денег с собой, и мы расстались.

Я попросил водителя остановить возле ларька, вылез и купил себе сигарет. Подумал пятнадцать секунд, или

двадцать, не ручаюсь, и купил себе еще пол-литровую банку коктейля. Какая-то виноградная штука. Залез в такси и закурил.

– Ты что, день молодежи отмечал? – спросил таксист.

– Нет, друзья провожали в Москву.

– Понятно.

Я открыл баночку. И тут же пролил на свою светлую майку эту виноградную гадость. Я выругался, таксист велел мне не марать салон, я еще раз выругался, выдохнул, черт с ним со всем, выпил примерно треть, и мы приехали. Он взял у меня двести рублей, хотя я думал, что он возьмет сто пятьдесят. Зато он так сочувственно пожелал мне приятно долететь, сочувствуя то ли тому, что я облился, то ли моему похмелью, что я не стал его материть вдогонку. А зашел я в здание аэропорта, выпил еще примерно с треть и выкинул банку с оставшейся третью этой гадости, помогшей мне оклематься. И пристроился в очередь. Простоял в ней минут десять, но очередь оказалась не той, поэтому я пошел в туалет, достал там из своей сумки зубную щетку, намылил ее жидким мылом, которое текло из аппарата над раковиной, и стал оттирать пятна с майки. Честно говоря, переодеться в другую майку я просто не догадался. В сумке была еще кое-какая одежда. Мужики на меня поглядывали, мне приходилось уступать им место, чтоб они после писанья мыли руки. Краски в этот противный напиток не пожалели, и я оттирал и оттирал, так, чтобы раз – и на всю жизнь.

В этом похмельно-нелепом оттирании, стоя по пояс голым в туалете аэропорта, я вспомнил, как моя Надя рассказывала мне об одном случае:

«Один раз я в пиццерии пролила на себя соус, и решила постирать в туалете блузку. Ну, я сняла ее и стираю, а женщины ходят вокруг и смотрят. А сказать ничего не могут. И видно, что у них возникло недоумение, они возмутились. Им срочно было нужно какое-то разумное объяснение...»

– А ты была в лифчике? – спросил я у нее.

«Нет, в том-то и дело. И вот, когда уже выстроились женщины, мамы с дочерьми, смотрят, чуть ли не с ума сходят, я говорю, соус пролила. Так они расслабились. И так им помогло это объяснение, – всего лишь соус пролила, такое облегчение у них настало, как будто бы они умерли, если я бы этого не сказала».

И еще я, стоя с зубной щеткой, вспомнил чего-то не в тему – хотя, может, и в тему моему похмельно-растерянному состоянию – как Надя сказала слова, от которых у меня такое чувство было, будто я попал на другую планету. Это она сказала мне на то, что, читая инструкцию от вагинальных свечей, я заметил Наде вслух, мол, они действуют только четыре часа после введения. А сказала она:

«Как-то я хотела написать рассказ о фарматексе. О женщине, которая использовала фарматекс и пошла к любимому мужчине. Но они поссорились, и женщина вышла от него, и у нее было около четырех часов, чтобы заняться с кем-то сексом. И вот она ходила и думала о времени».

И от этой чепухи, а больше от того, с какими интонациями Надя это сказала, я как будто подглядел в природу женщины тогда. Как будто почувствовал, что у них все по-другому. Увидел внутренним взором светящуюся Надю в ярко-голубом на фоне темного тучного неба. А теперь в туалете с зубной щеткой, облитой каким-то подлым жидким мылом, опять это испытал, эти чувства нежные и страшные, а я еще и не спал ночь. Это как будто в меня запихали фарматекс, и он будет действовать вхолостую те четыре часа, что я проведу в самолете. А полет как раз столько и длится. Четыре часа, в нашей жизни слишком много метафизики и хуитристики. И решил я не оттирать эти пятна, а пройти через таможню и ждать себе самолета в грязной майке. И пошел из туалета, очарованный, закрывая сумкой пятна, и закрывая сумкой магнитные бури в моей душе и смятение

ума, – была бы сумка побольше, весь бы за нее спрятался. Тьфу, такие вот мысли-говешки.

В полете я чувствовал себя физически на удивление хорошо, голова не болела, не кружилась, как в прошлый раз, то есть, если и болела – то в пределах моей всегдашней нормы. Хотел и не мог спать, все смотрел в иллюминатор, ждал жизни новой, а потом самолет приземлился, и я поехал подавать документы в институт на станцию «Ботанический сад». Институт кинематографа оказался небольшим, всего один корпус в четыре этажа, я даже удивился. Я думал, там должен существовать какой-нибудь огромный ангар, в котором проводят учебные съемки и воспитывают будущих Тарковских и Шукшиных, а это было так – обычное здание, возле которого толпились абитуриенты. В основном помладше меня, после школы, некоторые с родителями, но были и под тридцатник, эти – без родителей. Я зашел внутрь, посмотрел расписание экзаменов на стенде. Но дальше надо было идти через вахту, а мне не понравился охранник. То есть я стою с сумкой и думаю, что он сейчас спросит у меня: «Куда вы?», – а я отвечу, что подавать документы. Он скажет, туда-то и туда-то, как будто я без него не смогу найти.

И так мне не захотелось вступать с ним в этот глупый диалог, что я решил отложить подачу документов на завтра, а вместо этого поехать в гости к Антону и напиться с ним. Я купил карточку для телефонного автомата возле метро и позвонил.

– Привет, Антон, – говорю, – я опять в Москве. Узнал?

Узнал, говорит Антон. Рад слышать, говорит. Какими судьбами?

Приехал сегодня, говорю. Поступать во ВГИК. Но в общагу только завтра заселят. Ну и, говорю, ночевать негде.

Конечно, говорит, приезжай ко мне. А еще лучше встретиться и прогуляться сперва. Хорошо, отвечаю я, спускаюсь

в метро и сажусь в вагон. Выхожу, чтобы перейти с одной ветки на другую и встречаю Надю. Идет себе как ни в чем не бывало, как будто так и надо, такая же светящаяся, как в моем воображении. Все такая же очарованная, как бы идет в метро среди людей, но в то же время и одна по полю бо-сиком прогуливается, на траву зеленую наступает, так для себя я это все разглядел.

Естественно, думаю, Москва же город такой маленький, что в первый же день, как приедешь, обязательно встретишь девушку, с которой вместе жил. Девушку, о которой думал перед полетом и в самолете, и которая продолжает тебе иногда сниться. Причем на той станции, которая ни к тебе, ни к ней никакого отношения не имеет. Что это все значит? Почему она мне встретилась?

Подошел. Как дела? – спрашиваю. Все хорошо, говорит. – А я поступать приехал, – сказал ей.

А она смотрит растерянно. В кинематограф я намылился, говорю. Завтра буду селиться в общежитие и четвертый раз в жизни стану абитуриентом. А сейчас, вот, с Антоном прогуляться решили.

– Может, и мне с вами? – спрашивает она. Как будто я позвал ее, вернее даже таким тоном, будто ей неохота, а я настаиваю. Только это совсем у меня негодования не вызвало, просто я удивился, что Надя это спросила, не постеснялась так руку протянуть. Но, думаю, не стоит, не стоит в ответ подавать ей свою руку. Я провалюсь, думаю, сквозь землю. Не надо, говорю ей. Мне очень бы хотелось, но это же для моей психики вредно, пользы никакой эта твоя идея не принесет, так я ей сказал. Мы еще потупили в шаге друг от друга, не зная, о чем разговаривать и не решаясь прощаться.

– Совсем забыл спросить, как же поживает сын священника? – вдруг вспомнил я свое любимое, – как у вас с ним?

От него она сейчас и шла, они расстались. Так она мне ответила, вот прямо сейчас расстались, как это ни странно.

Ну ладно, говорю, иногда вот так оно и получается, я только приехал с такой огромной сумкой и увидел тебя, говорю, вот тебе на. А ты идешь от сына священника. Синхронизировались мы и встретились в этом самом месте. Тебе куда сейчас, спрашиваю? Ей в ту сторону. А мне в другую сторону, так мы постояли, и она пошла, только как-то не так пошла. Я стою посреди зала, ее поезд ушел, вроде бы она должна была сесть в него. Только я-то знаю, что она не уехала. Зашел за колонну, вышел на платформу: так и есть, стоит, слезы на глазах. Ладно, говорю я, ну что ты? Приобнял за плечи, а она смутилась чуть.

– Второй раз плачу сегодня, – говорит.

Надеюсь, мои слезы, слезы по мне, горче и весомее, чем слезы предназначенные сыну священника? Она чуть улыбнулась, я поцеловал ее в щеку, и мы попрощались.

Мы выпивали с Антоном от души, вспомнили всех общих знакомых, купили еще алкоголя и обезболивающее. Антон сказал, что был в аптеке раз и случайно прочитал состав на упаковке, попробовал как-то съесть весь стандарт, и эффект превзошел его ожидания. И когда он съел этот самый стандарт уже при мне, он сказал, что теперь его мнение изменилось, и он, возможно, больше не гомосексуалист. Однако женщины его тоже совсем не вдохновляют, предупредил он мое заблуждение, теперь он на всех смотрит с отрицательным равнодушием, довольствуясь одним онанизмом, поскольку себя он считает наиболее близким и наиболее совершенным из всех людей, которых знает. Мне показался разумным этот ракурс, помню, я пьяный очень расхваливал этот взгляд на вещи и сам сказал, что во что бы то ни стало стану человеком такой ориентации. Потому что только так можно сохранить здравый смысл, что вместо того, чтобы сходить с ума из-за двух женщин, вместо того, чтобы разрываться между Надей и Васильевой, я буду держать свое

сознание в тонусе, находясь с собой наедине. Так и сказал:

– Лучше я буду держать свое сознание в тонусе, находясь с собой наедине! – помню, дело было на кухне у Антона, я тогда держал стакан с вином и курил, оперевшись на подоконник. И думал я тогда, что Антон решил мои беды. Зачем что-то предпринимать, когда можно состояние ежедневно онанизма воспринимать за должное?

Он поддержал меня, сказал, добро пожаловать к себялюбам, и скоро пошел спать, а я еще пил один, пока мозг совсем не перестал работать, пока не утопил все мысли до единой. Проснулся с опухшим лицом, принял душ, выпил банку пива и поехал в институт.

* * *

На этот раз я был не так чувствителен, как вчера, потому что похмелье еще не началось, и легко вошел в диалог с охранником.

– Вам куда?

– Я подавать документы на сценарный факультет.

– Третий этаж, налево.

Этот диалог, подумал я, охранник повторяет примерно пятьдесят раз в день. И я пошел на кафедру, заполнил заявление. С документами моими было все в порядке, только нужно было заверить справку формы 086У в медпункте.

Врач повертела мою справку.

– В армии служили? – спросила она. Видать, себя развлекает, как я понял по ее тону.

Нет, говорю.

– А почему вы не в армии?

Не годен, говорю.

– А почему не годен? Тут написано, что здоров, – тыкает в справку.

Справка-то для учебных заведений, говорю, а у меня ги-

пертона и плоскостопие, говорю. С ними учиться можно, говорю, а вот в армию лучше не ходить. Она посмотрела на меня вдруг строго:

– А вам не стыдно с гипертонией и запахом алкоголя приходиться в институт? Документы подавать пришел.

Я тут же нашелся, соврал, что я только с самолета, а летать я боюсь. Вот и выпил, пока летел, чтобы избежать паники со своей стороны. Она меня проткнула взглядом насквозь, поставила печать на справке и отправила куда подальше.

В приемной комиссии мне дали направление во вторую общагу, на котором было написано: «Директору общежития», и, оказавшись в общеаге, первым делом я зашел, соответственно, в кабинет директора. Директор оказался мужчиной кавказской национальности, но и сильно похожим на большого седого индейца. Он сидел за столом, полным угощений, один и пьяный чрезвычайно. Это – мой директор, думаю, такой директор по мне, думаю. Он повернулся ко мне и сказал:

– Я друга встрэтил, понятно? Встрэтил друга и рад этому.

– Мне заселиться нужно, – сказал я ему на это.

Он посмотрел на меня внимательно, послал в задницу, и сказал, что мне нужно к коменданту. Когда я закрывал дверь, слышал, как он сказал уже тише:

– Я друга встрэтил. Хорошего друга.

Я постучал в следующий кабинет. «Комендант».

– Условия у нас полевые, – сказала комендант. Дала мне матрас с подушкой, свернутые и засунутые в огромный серый пакет, и велела идти за ней.

– Вам придется жить в библиотеке, потому что вы явились в последний день, и все комнаты уже заняты. Но там нормально. Тем, кому достались раскладушки, не досталось матрасов, и наоборот. Так что придется спать на полу.

И меня заселили в библиотеку, где в общем счете жило примерно шестнадцать (плюс -минус два) человек. Была

среди нас даже одна девушка, которая спала в углу со своим парнем. Они оба были художники, на художников поступали, ну и было три сценариста, или четыре, или пять, пара режиссеров, операторов, не важно, потому что я полетел в свое персональное путешествие на край ночи. В первый день я потратил большую часть денег, которые у меня были с собой: накупил алкоголя. Я пытался сагитировать всех пьянствовать, но большая часть людей отказалась. Затем все куда-то полетело, и со мной остался пить только какой-то бородатый Леша. Он поступал на заочное сценарное – человек, который, видимо, всегда занимался пьянством. Мы напились, а потом с утра сходили за пивом, и деньги мои спели свою песню, но зато мы занесли две банки пива директору общежития, которого звали дядя Гурам, и он был благодарен, так что теперь он стал нашим товарищем, а это могло пригодиться. Я иногда трезвел и знакомился с кем-то из пассажиров библиотеки, а потом ехал дальше по своей астральной путевке, засыпал пьяный, просыпался пьяный, будил бородатого Лешу, мы пили водку, пили портвейн, пили пиво, курили на лестнице, выходили выпить на улицу. Не знаю, чем занимались в это время остальные, – и чем занимался сам, я смутно помню, видимо, ничем, кроме того, что пил. Говорят, что в течение двух или трех дней так оно и было: я только пил с Лешей с перерывами на сон: два часа пьем, час спим. А иногда я пил без него – если не мог добудиться.

А потом я проснулся утром, и Леша не было. К нему в тот день должна была приехать жена, насколько я помню, и он был с ней. А я проснулся и понял, что пора прекратить. К тому же у нас сегодня была консультация, а завтра – экзамен. Я огляделся. Наше жилище походило на казарму, только теперь мы расставили большие библиотечные столы. На них можно было спать, это было удобнее. И только

некоторые все еще пользовались раскладушками.

Кто-то еще спал, а кого-то уже не было. Возле пластмассового мусорного бака стояли в ряд бутылки и пивные банки. Очень много, черт знает сколько. Я выбрал недопитый портвейн, сделал глоток. Глоток освежал, но я сказал себе: стоп. Я взял тот большой мешок, в котором мне выдали матрас, и скидал в него все пустые бутылки. А заодно полбутылки портвейна.

– Великий писатель решил не пить? – спросил у меня парень, поступавший на экономический.

– Хватит, – говорю.

Я спускался по лестнице и думал – неужели пронесло? Сумасшествие было так близко, но неужели меня пронесло? Я нес мешок объемом в три раза больше моего туловища, битком набитый пустыми бутылками, которые гремели, вселяя в меня гордость: мы все это выпили вдвоем с бородатым Лешей. И я себя нормально чувствовал.

Героически вернувшись с поля брани. Только когда я проходил мимо вахты, одна вахтерша сказала другой:

– Вы только посмотрите! Это у нас такие ребята поступают!

И сказала мне:

– Третий день тут, а уже столько бутылок!

Я вышел из общаги, дошел до мусорного бака. Выкинул все. Я почувствовал в себе силу: нужно быть идиотом, чтобы столько пить. Героем. Я почувствовал в себе лучи солнца. Согретый этим теплом, я прочел, как заколдованный от пуль и остался цел. Я зашел обратно в общагу, прошел через вахту, и слышал опять вахтершу:

– Ребята к нам поступают. Пьяницы, а не ребята.

У нас была консультация, на которую я пошел с Седухиным и Лемешевым. Оба они шли на второе высшее образование, то есть за вторым высшим, то есть были чуть постарше меня. Седухин из Перми, а Лемешев из маленького города в

Беларуси. Они рассказали, что, пока я был пьян, я успел всем напиздеть, что я великий писатель, сказать, премированный ссаной премией, поносил всех русских классиков злостно, и кое-что рассказали о моем поведении. Еще сказали, что мы поступаем к мастеру Арабову, который считается чуть ли не сценарным богом авторского кино в России и Европе. Я никогда о таком не слышал, но и Седухин с Лемешевым тоже ничего о нем не знали, и ладно. Во ВГИКе мы встретили бородатого Лешу, он пришел на консультацию с женой. Я разглядел его на трезвую голову и понял, что трезвый я бы не стал дружить с этим человеком – черт знает почему, но он был каким-то не таким. Может, слишком несчастным, чувствовалась в нем душность плохого писателя. Его жена испуганно на всех смотрела, а он ее отстранил от нас, будто боялся, что мы ее съедим. Он был трезв.

Мы разошлись с Лешей по разным аудиториям, наконец началась консультация. Мы сидели с Седухиным и Лемешевым и веселились втихую. Мне дико хотелось в туалет. Женщина рассказывала о сценарной мастерской, в которой она будет вторым мастером, и о первом экзамене. Литературный этюд, шесть часов. Да можно роман написать за шесть часов – хихикаем мы с Седухиным и Лемешевым. А в аудитории сидит множество юных графоманов и графоманок, вот бы прямо сейчас расстрелять их всех, думаю. Ох, прямо сейчас. А мне хочется в туалет, я встаю и говорю, извините, пожалуйста, а самого трясет.

– Да ничего, – говорит женщина. Татьяна Артемьевна, так ее зовут, как она сказала. Я выхожу, и скорее в туалет.

И стою, а пописать не могу. Стою над унитазом как страус, боже мой, плохо как. Наконец, пописал, а приятно не стало. Надо меньше пить, что со мной? У меня простатит или (и?) все-таки есть трихомонады, или же хламидии? Или уреаплазма и трипер? Я же пропил курс вильпрофена, я должен быть здоровым, что творится с моей мочеполовой

системой? И стою над унитазом, как будто повис в открытом космосе, через невесомость плыву обратно в аудиторию, но мне тут же опять надо в туалет. А абитуриенты все задают вопросы. Да что это со мной, говорю Лемешеву и Седухину, Седухину и Лемешеву. Лемешев шутит что-то, Седухин шутит что-то. Я терплю минут двадцать, но чувствую, что сейчас в штаны припущу, как же мне плохо. И опять встаю.

– Извините, пожалуйста, – говорю, – мне очень надо выйти. Не подумайте, что из-за неуважения.

А Татьяна Артемьевна, эта улыбающаяся женщина, говорит ничего, только вот смотрит на меня, как на дурачка. А я опять стою над унитазом, как одинокий писк труса в темной ночи, так я стою, а не как мужчина с горячей конской струей. Хватит, никакого пива. Никакого пива, никакого алкоголя, но все-таки консультация заканчивается. В общаге я достаю тонометр и мерю давление: сто пятьдесят на сколько-то. Вот вам и отходняк. Нет, это не дело, голова моя болит, раскалывается, трясет меня. Весь день я отхожу, нервничаю, пытаюсь почитать.

Один раз я подошел к телефон-автомату, который висел у нас на этаже на лестничной площадке. Я вставил карточку и стал набирать номер. Я думал, что нужно сказать ей, как она мне нужна, как мне плохо без нее, но номер не набрался. Я проговаривал в уме, Надя, можно, я приеду к тебе, мне совсем нехорошо тут, можно, я приеду к тебе, и нам будет хорошо вместе. Но соединения не было. Я так растрогался, понимая, что она мне очень нужна, но я сказал себе: если еще раз не дозвонюсь, справляюсь без ее помощи. Было занято. Я сам должен был справляться со своими проблемами, никто не виноват, что мне с похмелья мир кажется таким страшным, что мне становится так одиноко, что мне хочется лежать в кроватке, и чтобы рядом была девушка, которая бы меня оберегала. Сам справляйся,

сволочь, слишком инфантильно с твоей стороны дергать Надю и снова причинять ей боль, засранец.

Кто-то мне предложил выпить коктейля, я сделал глоток – модный коктейль был в бутылках 0,33 л., Absenter, чушь собачья. Нет, если выпьешь, станет легче, но надо справиться, любишь кататься, люби и саночки возить, и, может, тогда кто-то там наверху увидит, что ты человек, а не говно на палочке. День идет, а мне плохо, ни у кого нет таблеток от давления? Нужно только успокоиться. Отходняк – дело тонкое. Мне все время кажется, что кто-то зовет меня по фамилии, то ли снаружи, то ли внутри моей головы, я лежу весь день и пытаюсь поспать, но вокруг постоянно кто-то ходит. Я в аквариуме похмелья, я жаба в липком аквариуме, и жаба вот-вот развалится на куски. Слишком много людей, мне никогда не уснуть.

Уже почти ночь. Мы сидим в коридорчике, тут что-то вроде импровизированной кухни, и еще что-то вроде поляны для чесания языка, со мной сидят оператор Малой, оператор Юра, оператор Маша и продюсер Рома.

– Расскажи о своих творческих планах, – говорит мне Юра.

– Я задумал роман, – говорю, – но не просто роман.

Роман или, может, пока только повесть-метафора, говорю. Я давно это задумал и когда-нибудь напишу. Может, через месяц, а может через год. Бывает такое уродство, когда младенец рождается с членом взрослого. И несу что-то. Тонкое исследование души – взрослый человек, это просто-напросто младенец с большим членом. Он бродит по миру в своих ползунках с тремя штанинами. Об этом говорю. Потом я становлюсь остроумным. Мы все болтаем, придавило тяжестью ночи. Голова моя пульсирует от внутренчерпного давления. А мы все болтаем, а у меня на нос давит изнутри, на глаза давит изнутри. Похоже, скоро мне конец, думаю, все вокруг из стекла, и стекло вот-вот треснет.

Оператор Малой снимает меня на телефон, а я показываю этюд со шваброй. Она моя любимая швабра, но она мне изменила. Вдруг в голове у меня что-то взрывается, я падаю на колени рядом со шваброй. Начинается переполох. Я не чувствую рук, я заперт в тюрьме, обрывается тонкая ниточка, за которую я привязан к нашему дивному миру. Как будто маленький человечек, сижу в голове у своего тела-робота, и оно отказывается исправно работать. А вокруг суета. Я сижу перед приборами, перед пультом управления в собственной голове, а приборы дымятся, все тело трясет. Я хоть и знаю о боли, но чувствую ее отдаленно. Зато мне очень страшно, страшно, что такая боль есть у меня в голове. Все будет хуже, чем в прошлый раз, я уверен, на этот раз точно конец.

– Что с тобой? – спрашивают у меня. Скорую надо мне? Не надо, ерунда, зачем людей беспокоить? Хотя нет, надо, ребята, похоже, что надо. Срочно, в задницу, скорую. Меня кладут на стол, мне помогают смерить давление. Сто семьдесят семь. Похоже, не пронесет. Я держусь за голову, чтобы она не лопнула, придерживаю нос, чтобы он не отвалился. Приплыли, ребята. Скорая уже едет? Едет скорая. Вокруг толпится абитура, я дергаюсь на столе, то встаю, то сажусь, черт, похоже все, а ведь Ибрагимов предупреждал меня, предупреждал меня Ибрагимов. Позволяет ли мне моя совесть пить? Да что он знает, что знает этот Ибрагимов, сидит у нас в городе, собрал вокруг себя группу графоманов и учит их писать, учит их поэзии, что он знает, если у него не было уникальной возможности сдохнуть далеко от близких? Что он знает, с чего он решил, что меня сожрет Москва. Я бы тоже мог сидеть дома и читать буквы с неба, а Москва сожрет меня, да я сам сожру Москву, и не только ее одну сожру. Уж в чем я точно уверен – совесть не позволит мне сидеть дома. Совесть моя лучше заставит меня все испортить, только не это. Давление сто восемьдесят, никогда ничего подобного со мной не было. Совесть должна категорически

запретить мне пьянствовать. Возвращайся домой, женись на Васильевой, что тебе еще нужно, женись на ней, пока она еще тебя ждет.

Наконец, врач приехал. Очень спокойный врач. Я тут умираю, а он спокойный.

Все столпились вокруг, он стал измерять мое давление, да мерил я это давление, говорю, но врач был очень спокоен со своим чемоданчиком.

– Так и есть, сто восемьдесят. Пил сегодня?

– Нет. Только один глоток сделал абсентера.

– Абсента? – он закинул одну бровь, высоко, чуть ни через весь лоб перекинул.

– Да нет, абсентер, это коктейль такой. Но я только глотнул, и все.

А я ему говорю, но сам весь заикаюсь, трясусь как эпилептик. Да успокойся ты, говорит он, попробуй расслабиться, дал мне таблетку.

– Подождем десять минут, – говорит. Очень спокойный и очень лысый врач. Давай спрашивать, сколько дней пью. Ну, говорю, вот вчера пил. И позавчера. И день до этого. А я еще четыре дня перед вылетом. И до этого пил. А врач только и знай, что брови закидывает. То одну, то другую. Мне лучше не становится, только от спокойствия врача чуть легче, но с другой стороны – оно меня бесит, это спокойствие, и меня всего трясет. Он опять мне смерил давление, оно все еще около ста восьмидесяти, дал мне опять таблетку, опять ждем, а я думаю, ну все, не спасет меня этот врач. И пытаюсь ему объяснить, что у меня был как взрыв в голове, потом я перестал чувствовать руки, что нужно сделать что-то поскорее, а он только шевелит своей лысиной, этот лысый спокойный врач, и не говорит ничего, шевелит лысиной и брови закидывает, очень крутой он с виду. А вокруг толпится наша абитура, Седухин, скотина, думает, что я сейчас помру,

и некому будет его сочинение проверить, так он мне скажет на следующий день. Все смотрят. Любопытно, страшно. Врач опять измерил мне давление, и говорит:

– Нет, переворачивайся на спину, – и укол в задницу. Тут у меня все и поплыло.

– Что это? – спрашиваю, – мне легче стало.

– Это я тебе не скажу, чего это, – говорит врач, – а то искать начнешь.

Он еще измерил давление, сто пятьдесят. Поехали, говорит, в больницу, пока я тебя случайно не убил. И повел меня лысач вниз по лестнице. Я иду медленно, как будто под водой, и головная боль притупилась, слава богу, отвезут в больницу, неужели пронесло и на этот раз? Что он мне вколол, меня заносит на поворотах? Неужели Ибрагимов и Моя Совесть простили меня снова и дали еще один шанс. Это было еще одно предупреждение?

Меня посадили в коридоре больницы напротив кабинета, в который лысый пошел переговаривать с дежурной теткой. Он ей что-то говорил, она записывала. Через пятнадцать минут лысый попрощался, а тетка вышла ко мне.

– Вот он ты, – сказала она, – ты знаешь, сколько сейчас времени?

– Нет, – отвечаю, – не знаю.

Зато я знаю, говорит она. Агрессивная женщина. Сейчас два часа ночи, говорит она. Два часа, а в это время нормальные люди спят.

– И ты думаешь, большая радость просыпаться в два ночи из-за такого алкаша как ты? Посмотри на себя. Из-за вас просыпаться ночью, да лучше бы вы сдохли все!

Она еще ругалась, будто я действительно по-взрослому ей насолил, хотя, насколько я понял, она была дежурной, и это была ее работа – в том числе просыпаться из-за алкашей. Я слушал, мне стало дурно, я был одновременно расслаблен и напряжен. Она все говорила, я даже ей стал верить, что

такое говно я и есть, но наконец эта женщина ушла, хотя ее ругань слышалась еще и в конце коридора. Через пять минут пришла другая женщина, на этот раз более ласковая, и отвела меня в темную палату. Уложила на свободную кровать и дала таблетку под язык. Язык мой скоро онемел, я расслабился окончательно, мне стало уютно в кровати, несмотря на головную боль, уютно как в детстве после ванны, наконец-то меня спасли, и потом голова онемела, я перестал ее чувствовать, боль тоже перестал чувствовать. И уснул.

* * *

Я и знать не знал, сколько было времени, когда проснулся. Понятно, что утро, хотя уже и не раннее. Все тело как ватное, но было даже комфортно лежать так, размазанным по кровати. Не знаю, сколько я смотрел в потолок прежде, чем попытаться начать соображать, что я делаю здесь – в палате. Я откинул одеяло. Мои сандалии валялись на полу рядом с кроватью, я спустил ноги и обулся. Вчерашняя таблетка еще действовала. Теперь я тупо сидел на кровати. Помимо меня здесь еще был дед, который читал книгу – хорошо было слушать, как он перелистывает страницы. Может, минут десять я просто так сидел, – подвис. Потом вдруг вспомнил, что у меня сегодня экзамен. И тогда уже вспомнил весь вчерашний день и, отталкиваясь от него, еще несколько предыдущих дней и зачем вообще я прилетел в Москву. Нужно было торопиться. Я собрался с силами и встал, выглянул в коридор. Я испытывал страх быть схваченным, хотя это было и глупо – здесь никому я нужен не был. В коридоре я никого не заметил, вышел и стал украдкой продвигаться в направлении выхода. Тут меня окликнули:

– Ты куда собрался? Лежи, сейчас придет врач.

Я обернулся. Медсестра.

– Я в туалет. Сейчас вернусь.

Она хотела что-то сказать, может, объяснить, что туалет в другой стороне, но я уже выплыл на лестницу. Придерживаясь за перила, я быстро спустился вниз, голова кружилась, вот уже первый этаж, вот уже выход, – и я на улице. Я понятия не имел, где находился. Далеко ли больница.

Я пошел по тротуару вдоль дороги. Пошарив по карманам, наткнулся на приятный сюрприз. Лемешев успел дать мне сто рублей, чтобы у меня были деньги, когда я окажусь один в больнице. Подошел к обочине, выкинул руку с оттопыренным большим пальцем, тут же остановилась машина.

– До ВГИКа за сто рублей, – говорю.

– Где это?

Случайно получилось, что я помнил улицу:

– Ботанический сад. Улица Вильгельма Пика.

– Двести.

Я засунул башку глубже в салон и посмотрел в глаза водителю.

– У меня экзамен, и только сто рублей. За сто?

Водила скорчил гримаску, и мне пришлось поспешить убрать голову, потому как захлопывающаяся дверца уже норовила вышибить мои мозги. Ззахотелось плакать, я показал палец удаляющейся машине, и пошел дальше. Все получилось очень тупо. Отец спонсирует мою поездку, дает деньги, чтобы я смог питаться во время экзаменов. Я тут же пропиваю деньги, попадаю в больницу и просираю экзамен. Я шел и жалел себя, я уже был настроен сложить руки, я утонул в киселе, но вдруг вышел к метро. Часы над входом в станцию показывали девять двадцать пять. У меня даже больше, чем полчаса. Полчаса плюс пять. Я купил карточку, спустился по эскалатору в метро.

Наверное, Надя сейчас живет одна в квартире на станции Краснопресненской. Я ехал в метро и думал о ней.

– Я не могу себе представить, как можно было построить метро? Люди не могли этого сделать...

– Почему не могли?

– Скажи мне, пожалуйста, Надежда, как люди могли это сделать? Это точно невозможно. Это целый мир под землей.

– Значит, они его отрыли. Просто случайно отрыли, люди его не строили.

– ?

– Рыли землю ложками и наткнулись на метро.

– Значит, изначально это было адом.

Каждый раз, если похмелье, или если я после бессонной ночи, или когда давление, я вижу, как ад просвечивает сквозь декорации. Конечно, сейчас не так хорошо заметно, но можно догадаться. Люди увидели рельсы, тележки, тележки, рельсы, – люди приспособили Ад под транспортное средство. Но на самом деле не они обманули ад, а ад обманул их.

Если Надя сейчас живет одна в квартире на станции Краснопресненской, я могу прийти к ней в гости и остаться насовсем.

Через двадцать пять минут я уже подходил к институту. Возле входа курили Седухин, Лемешев и Орлов. «Орлович», как мы его окрестили, – тридцатичетырехлетний абитуриент, с которым мне позднее еще предстоит познакомиться лучше. Они приветствовали меня. Мало того, что я остался живой, так еще и успел.

Первый экзамен. Литературный этюд. Шесть часов. Большинство тем мне показались нелепыми: «лестница в небо», «история одной татуировки», «первая боль»... Но была одна нормальная: «один день жизни». Не могло быть и речи о том, чтобы что-то сочинять. Наверное, мне дали транквилизатор, я собирался быстро хоть что-нибудь написать и поскорее лечь спать. Двадцать минут я перебирал в голове рассказы, которые написал за те два года, что был писателем. Вспомнил содержание самого короткого. Отлично – рассказ как раз был вполне умозрительным, без всяких там

описаний мыслей персонажей. Полторы странички в формате А4. Я помнил даже отдельные предложения и куски диалогов. Его легко можно было подогнать под «один день». Мне понадобился час, чтобы записать его. Я закончил первым. Я сдал листки и вышел в коридор. Немного вздремнул на диванчике, пока ждал Лемешева с Седухиным.

Когда мы пошли в общагу, я попросил подождать меня возле аптеки. Мне нужны были коринфар и (или) эналаприл. При себе всегда стоит иметь таблетки от давления.

4

Я вышел в коридор и споткнулся о пьяного Сережу. Он оклемался, вышел из дремы, в которую впал неизвестное время назад, и кивнул мне на банку с можжевельником, которую обнимал. Там еще оставалось прилично.

– Ты что сидишь тут, Эфиоп? – говорю.

– Они закрылись, и вы закрылись, – сказал он, чуть не плача, – а я сижу один в коридоре.

– Ага, – говорю, – к тому же музыку тише так и не сделали.

– И я не Эфиоп...

Мы выпили, Сережа сказал, что ему надо было на работу, поэтому он просил нас выключить музыку, но теперь он, видимо, уже не пойдет на работу. Но я сказал:

– Стоп, что это мы сидим в коридоре, как два ничтожества?

И стал долбиться к Игорю:

– Открывай, собака! Другим он кайф ломает, а сам закрылся!

– Я и говорю, они закрылись, и вы закрылись, я вот и сижу в коридоре, – объяснил мне Сережа еще раз, пока я стучал в дверь.

Но Игорь открыл почти сразу, потому что они и так уже закончили. Света сидела на диване в рубашке Игоря.

– Заходите, – сказал Игорь.

Сережа почти тут же лег спать, мы еще выпили с Игорем и Светой. Игорь сказал про нее:

– Она теперь будет жить у меня.

Я оглядел Свету.

– Отлично, – отвечаю, – можно я тоже буду иногда с тобой спать? Алиса сказала, я тебе понравился.

Света сказала:

– Лучше вы будете спать с ним, – и указала на Игоря.

– Это если совсем напиться, – отвечаю.

– Ты лучше не напивайся, – посоветовала мне Света, – ты такой хороший, когда трезвый. Только тебе нужно подстричься.

– Эгей, – сказал я, – твой новый парень он, а не я. Я совра, что собираюсь с тобой спать. У меня лежит персональное тело в соседней комнате.

Потом Игорь прочел Свете стихотворение. Потом и я прочел, когда еще немного выпил. Мой курс накрылся, лечение закончилось, все было по-прежнему – ни одна из существующих систем не могла выстоять против обстоятельств.

Света поставила Игорю четверку с плюсом за текст и пятерку за исполнение. Мне пятерку за текст и четверку за исполнение.

Я был поэтом лучше, но проиграл по баллам. Хотя я и не очень дорожил ее мнением, этой Светы, пусть она и строила из себя ценителя литературы. Мне она казалась скорее гопницей, пусть и немного приподнятой в культурном (гм) плане, но уж никак не достойным критиком. Потом она легла спать, а мы долго еще сидели с Игорем, было уже утро. Лично я был в другой галактике, гори оно огнем, ебись оно конем. Потом проснулся Сережа, он опаздывал на работу на

пару часов. Проснулся, поворчал, ушел. Мы легли. Потом уже все встали. Ближе к вечеру. Проснувшись, Света уже не хотела оставаться у Игоря, она засобиралась к своему якобы навсегда брошенному парню.

А Алиса вспомнила, что вчера так и не позвонила маме. Не знаю, вспомнила ли она о том, чего порассказала мне ночью.

Мы с Алисой шли на остановку.

– Мама, – сказала она, – нам нужно не попасться на глаза маме. Если мы сядем в маршрутку, мы можем столкнуться с ней.

Этого мне тоже не очень хотелось. Поэтому мы стояли за остановкой. Поэтому мы ждали автобуса и пропустили пару пятнадцатых маршруток.

Мне тоже совсем не хотелось попасться на глаза маме. Я видел ее раз, это было два года назад.

Собственно, почему мы с Мишей боялись мамы Алисы.

Я позвал Алису на вечеринку к Мише, когда его родители были на даче. До того, как их дача сгорела, его родители уезжали, и эти вечеринки были у нас не редкость. Тогда между мной и Алисой почти ничего не было. Хотя я с ней и поцеловался тогда, не важно. Алиса в тот раз тоже с вечера не позвонила маме. С утра я проводил Алису до ее улицы. До самого дома не стоит, сказала она, может подняться переполох, мне лучше бы вообще не попадать в пределы досягаемости взора ее мамы. Я не придавал значения ее словам, не поверил, что это все так страшно. И, вот, через день мы с Мишей катались на его «Москвиче» (тогда у него еще был «Москвич», а не «Волга») по окрестностям нашего пригорода и решили заехать за Алисой. Она, по ходу, увидела нас еще через окно и, когда Миша пытался припарковаться возле ее крыльца, уже вышла сама. Алиса показывала жесты руками, что-то пыталась сказать, мы не успели понять, что

это значит, а поняли только, когда вдруг раздался крик:

– А ну-ка валите отсюда! Езжайте отсюда! – мать Алисы выбежала из дома, отпихнув свою дочку, перепрыгнула через несколько ступенек крыльца, и теперь была готова раздавить нас, как танк давит солдат. Миша, слава богу, тут же среагировал и врубил заднюю передачу. Мать грозила нам и кричала, что разобьет машину топором, если мы сейчас же не уберемся. А Алиса, стоя в своем халатике, устало и печально смотрела вслед нам. Что-то в ней было тогда, в Алисе. Тоска веков, печаль столетий, что-то такое глубокое.

...Приехал сто сорок четвертый автобус. Алиса села к окну, я расплатился с кондуктором, сел рядом. Алиса смотрела в окно. Мы молчали. Она все смотрела в окно: остановка «Онкология», машины, перекресток, остановка «Железнодорожная больница», клены, люди, остановка «Больничный городок». Больничный городок – так называется остановка, где находится психбольница. Три остановки подряд – больницы. Люди только и делают, что болеют и страдают. Изобретают с полсотни новых болезней каждый год. Я смотрел на Алису, Алиса смотрела в окно. Что у нее в голове? Меня осенило. Она выдумала, ничем она не болеет. Просто ей хотелось побыть очень несчастной, вот зачем нужна эта фантазия. Я тоже хотел побыть очень несчастным. Возможно, она хотела сначала сказать, что у нее СПИД, но в последний момент для убедительности решила наградить себя гепатитом. Мы вышли. Автобус сворачивал раньше, за одну остановку до нашей. Нам предстояло пройти одну остановку пешком вдоль открытой дороги. Я подумал, что если Алиси-на мама немного задержалась на работе, она может сейчас ехать домой в маршрутке и в окно увидеть нас. Не успел я об этом подумать, как мимо проехала пятнадцатая маршрутка, – пронесло, думаю, – маршрутка проехала немного вперед, обманула меня, позволила на секунду расслабиться,

но вдруг остановилась. Один одержимый пассажир вышел наружу. Маршрутка поехала дальше.

– Ну что?! Нагулялась, сука ты такая?!

К каждой моей конечности была привязана гиря, я хотел пуститься в бегство, но не мог сдвинуться. Да и не знал, куда бежать.

– Я тебя спрашиваю! Нагулялась?

– Прекрати, мама! Мама! Прекрати, прекрати!

– Ну что, забирай ее себе, забирай ее себе, забирай себе!..

Приходи сегодня, все ее вещи я сейчас соберу! Кто за де-вушку платит, тот ее и танцует! Ну что? Возьмешь ее себе?! И трахайтесь тогда, сколько влезет!

– Мама, прекрати, – (и мне), – иди домой, пожалуйста, уйди!

Был уже поворот к моему дому. Сто-сто пятьдесят метров вдоль парка – и я у себя. Алисе сто пятьдесят метров вдоль дороги. Я стоял как вкопанный.

– Иди домой.

– И заberi ее с собой!

Пока град упругих ударов осыпал Алису, я стоял, будто набрав полный рот мочи.

– Ты сказала ему про болезнь?! Сказала ему, порадовала его?!

Нет, Алиса не выдумала ничего. Не все такие выдумщики, как я, не стоит так думать о людях.

– Сказала, мама! Да, я сказала, мам, сказала, перестань, пожалуйста! Я ему все рассказала...

Алисе удалось оттолкнуть маму немного в сторону их дома. Вроде пыл ее мамы понемногу начал иссякать. Я свернул в сторону парка и пошел к себе. Я струсил. Подожду два месяца, думал я, сдам анализы, если я буду здоров, я сваливаю отсюда. Буду жить в Москве, в общежитии ВГИКа у друзей за сто рублей в день, Седухин писал мне на мыло, чтобы я возвращался к ним, что у них там можно оставаться

на ночь – ты сдаешь на вахте свой паспорт, а с утра платишь сто рублей и забираешь его. Я буду сниматься в массовке, для начала, или устраюсь на какую-нибудь непыльную работу, мне хватит, чтобы прожить, я буду мечтать о будущем, летом поступлю, и у меня уже будет бесплатная общага... Или я женюсь на Алисе, если я болен, если я попал в те три-пять-десять процентов, которым удастся половым путем заполучить гепатит. Хотя нужно ли ей это, может, у нее в голове только глаза прекрасных девочек? Нужно ли ей это, ведь я мог ответить ее маме:

– Да, я приду через час. Соберите все вещи пока... И, пожалуйста, пожалуйста, прекратите кудахтать... Перестаньте кудахтать.

И повел бы Алису к себе домой. «Она будет жить здесь», – сказал бы папе. «Она будет моей женой», – сказал бы мачехе.

Но я не ответил так матери Алисы, я не сказал бы так своему папе и своей мачехе. Я поступил проще: наложил полные штаны.

–4

Юрий Арабов, этот сценарный мастак авторского кино, оказался тем еще типом. Смотрел на меня, как будто я скорее собачье говно, чем человек. Его выпячивающий подборок втыкается в вашу душу, так-то, ему все было известно, вся моя подноготная. Он явился только на собеседование, на предыдущих экзаменах его не было: отличные (пусть даже просто – хорошие) работы, написанные мной на двух предыдущих экзаменах, его нисколько не волновали. Их он не читал.

Теперь я сидел напротив него, перебарывая похмелье.

– Чего вы так волнуетесь?

– Да просто я очень волнуюсь, когда прохожу бесе-

дования. К тому же мне пришлось идти первым, а я это не очень люблю.

– Не любите быть первым?

– И люблю и не люблю. Скорее – не люблю.

Вчера впервые за долгие десять дней со времен взрыва в моей голове я решил выпить. В моем сознании мы с Лемешевым еще пели песню, сидя на лавочке.

Михайло Фрузенштерн
Держал вино в бокале
Держал вино в бокале
Михайло Фрузенштерн

Михайло Фрузенштерн
Приехал из Италий
Приехал из Италий
Михайло Фрузенштерн

Михайло Фрузенштерн
Крутил свои педали
Крутил свои педали
Михайло Фрузенштерн

Михайло Фрузенштерн
Такого не видали
Такого не видали
Красив, как сукин сын

Арабов сидел напротив меня в аудитории, между двумя женщинами: Татьяной Артемьевной и деканом. Имя декана я не знал. Арабов читал мою автобиографию на двух страницах. Декан читала какой-то мой рассказ. Декан спросила:

– У вас есть брат?

– Да есть. Сводный. Вернее, единокровный, если не ошибаюсь.

– Если не ошибаетесь? – спросил Арабов.

– Вот, я об этом здесь и прочла, – пояснила декан, кивнув на распечатку.

И продолжила читать рассказ. А Арабов еще немного посмотрел на мою автобиографию и спросил:

– И сколько стоит премия, которую вы получили?

– То есть? – спросил я. Вот уж не ожидал такого вопроса.

– Литературная премия.

Сколько стоит? Премия – это когда тебе платят, а не ты платишь, черт возьми.

– Я получил всего тысячу долларов. Если вы это имеете в виду. Плюс карманный компьютер в подарок.

Потом начался разговор о кино. Арабов называл имена режиссеров. Я их не то чтобы не знал – я впервые слышал эти фамилии. Я только и кивал головой влево и вправо. Единственный режиссер, фильмографию которого я знал, был Кевин Смит. Я постеснялся о нем говорить. Вдруг для них Кевин не только не авторитет, но вообще лошара.

Когда Арабов понял, что о кино со мной говорить бесполезно, он переключился на литературу.

Во втором куплете подключается Лемешев. Я пою, сжимая рукой собственную глотку, чтобы мой голос звучал по-настоящему противно, а Лем разбавляет мое пение безумным выкриком абсурдных в данном контексте вопросов.

Михайло Фрузенштерн (КОГДА?!)

Купил бутылку водки (КАКОЙ?!)

И вылил ее в море (КОМУ?!)

Михайло Фрузенштерн

Михайло Фрузенштерн (ЗАЧЕМ?!)
Он не носил колготки (КУДА?!)
И не любил запои (О КОМ?!)
Михайло Фрузенштерн

Михайло Фрузенштерн (КОГДА?!)
Герой никак не меньше (КАКОЙ?!)
Заслуживал вниманья (КОМУ?!)
Михайло Фрузенштерн

Михайло Фрузенштерн (ЗАЧЕМ?!)
С ума сводил всех женщин (КУДА?!)
Огромным обаяньем (О КОМ?!)
И с мухами дружил

Я попытался перечислить свои любимые книги. «Голод», «Процесс», «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?», «Над пропастью во ржи», «Дорога на Лос-Анджелес», «Путешествие на край ночи»... Но Арабова не интересовала зарубежная литература. Западная литература его не интересовала. Названные мной книги ничего для него не значили. Арабов спросил, как у меня со Львом Толстым? С книгами Толстого?

– Честно говоря, я его пока не осилил. Только «Воскресенье». Небольшой ряд «Севастопольских рассказов» и «После бала». Может, не дорос еще до остального.

– Сколько вам лет?

Я сказал, что мне скоро будет двадцать и что Толстой для меня, как кустачий куст. Чем глубже лезешь, тем сложнее пробираться. Он спросил о Достоевском. Я сказал, что люблю «Записки из подполья» и «Идиота», но все-таки мне не совсем нравится, как пишет Достоевский.

– Ну и как бы вы изменили роман «Идиот», если бы вы его писали, а не Достоевский?

– Сократил бы.

Я сказал, что вроде как в то время автору платили за страницу. Поэтому большинство романов так велики по объему. Я бы убрал много лишних подробностей, портретов персонажей. Чтобы в романе осталось, например, триста тысяч символов. Или меньше, или немного больше.

Арабов спросил, как у меня с религией. Я замялся. Не знал, что ответить.

– Я настороженно к ней отношусь, – говорю.

От меня еще чего-то ожидали. И я сказал.

– Когда мне было шесть лет, мама моя уже была немного не в себе... И заставляла меня учить молитвы. У меня неприятные ассоциации.

Арабов переглянулся с женщинами. На одну посмотрел, на вторую. Нет ли у них ко мне вопросов?

И сказал:

– Хорошо. Это все, спасибо.

Я:

– До свидания.

Татьяна Артемьевна:

– Всего доброго.

Декан:

– До свидания.

И я вышел.

И припев.

Он любимый наш Михайло
Был всегда одним из первых
У него стальные нервы
Он как айсберг в океане

Он любимый наш Михайло
Вовсе не нуждался в лестях

Мы о нем слагаем песни
У него весь мир в кармане

(главное на букве «а» в словах «океан» и «карман» неожиданно повышать голос, чтобы слушатель испытал все безумие простой песни о странствиях Михайло – вот мой рецепт настоящего суперхита)

Распечатка с результатами собеседования уже висела на стенде возле кафедры этим же вечером. Мою фамилию не пришлось искать, проблем с этим не возникло. Моя фамилия шла первой. Напротив стояла оценка «3». Я пробежал взглядом по оценкам остальных абитуриентов. Больше не было ни одной тройки: шестерки, семерки, восьмерки и одна девятка. Мои шансы на поступление резко снизились. Их почти не стало. До собеседования я был где-то восьмым или девятым на тринадцать мест. Теперь я шел двадцатым или даже двадцать пятым.

Зато чуть позже песенку о подвигах Михайло Фрузенштерна подцепили половина абитуриентов в общежитии и теперь напевали ее. Не могли избавиться от нее и проклинали меня.

Это был хит лета.

Мы подружился с Орловичем. Он тоже не прошел – поступал на заочное сценарное. У мастера, который набирал на заочное, была фамилия Нехорошев. Простодушный Орлович сказал:

– Если у него есть чувство юмора – я поступлю. Нет чувства юмора – получу двойку.

И начал свой литературный этюд со слов: «Нехорошев, твою мать!...» Этюд – забавная история, случившаяся с

однофамильцем мастера – мастеру не понравилась, и Орлович получил двойку, то есть слетел с первого же тура. Выпил водки с горя, потом оклемался. И, пока шли экзамены, работал грузчиком: разгружал вагоны.

Орлович был очень силен физически – в прошлом кандидат в мастера спорта по гребле, школьный учитель физкультуры, частный предприниматель и строитель – в свои тридцать четыре он нормально справлялся с физической нагрузкой. Когда стало ясно, что я не поступлю, я увязался разгружать вагоны с Орловичем. Мы сели в электричку, доехали зайцем до станции Лось (это совсем недалеко), а потом минут пятнадцать шли по путям. Наконец подошли к складу. Бригадир уже знал Орловича, бригадиру было известно, что Орлович сегодня придет.

– А для него будет работа? – спросил Орлович, указывая на меня.

– Скоро узнаем. Пусть ждет.

Мы ждали. Только Орлович – уже переодевшись в грязное, а я пока нет. Собственно, у меня вообще не было сменной одежды, предусмотренной для тяжелой работы, поэтому мне было не во что переодеться. Пришло еще несколько ребят, совсем молодых. Лет по шестнадцать или семнадцать. Мы покуривали и ждали, будут ли нужны люди. Через полчаса бригадир вылез из подсобки и сказал:

– Сегодня работа будет для всех!

Он собрал у всех паспорта, и понеслось. Здесь была также бригада из постоянных грузчиков – огромных дебилов – которые гоняли и материли нас, пришедших подработать. Но сами они легко и профессионально работали с грузами, тут надо отдать им должное.

Это длилось девять часов, почти без перерывов. Поезда подъезжали и отъезжали, их надо было разгружать или загружать, это для меня не имело значения. Сахар, консервы, газировка, мука, соль. Если вдруг вагона не было, бригадир

тут же придумывал какое-то занятие. Подмести тротуар или перенести что-нибудь в помещении. Когда мне было семнадцать, я две недели работал грузчиком на заводе газводы, но тогда это было намного проще. Небо и земля. Сейчас я усирался, не знаю, как справлялись эти тощие подростки: было жарко, мне казалось, что я подохну, и пот лился ручьем.

У Орловича тоже было повышенное давление, но он это нормально переносил. Давление могло подняться до двухсот, и Орлович это спокойно выдерживал, такой сильный у него был организм. Только похмелье он плохо переносил.

Как бы то ни было, я хотел все бросить, все эти погрузочно-разгрузочные работы, и уйти спать в общагу, но мне не хватало духу.

В конце дня мы получили по четыреста рублей, и это, конечно, на пару дней спасало от голодной смерти, но я в гробу видел такие заработки.

Зато через пару дней нам удалось устроиться статистами. Или массовой, или актерами массовых сцен, называть эту жалкую профессию можно по-разному. Работа тоже была не сахар, но значительно лучше, чем разгружать вагоны. Платили столько же – четыреста рублей в день, и рабочий день длился двенадцать часов, но зато целый день можно было читать или просто сидеть, болтать и курить. Даже пить чай и есть печенье, если тебе удалось пробиться через толкучку обезумевших от не приходящей славы и не проходящего чувства голода массовщиков. Некоторые считали себя настоящими артистами и вели совершенно идиотские беседы, хвастались фильмами, в которых снялись. Другие, что поумнее, помалкивали.

Потом нас звали в кадр, но это, как правило, длилось недолго. Опять отдых, пока у съемочной группы перестановка камер и света.

Эта работа должна была длиться двадцать с лишним дней, с двумя или тремя перерывами на день или два. То есть на проживание пока должно было хватить, и можно было ненадолго расслабиться. Мы с Орловичем по утрам приезжали на Мосфильм и шли в костюмерную и гримерку. Фильм «Молодой Волкодав», действие происходило в Городе Бородатых Мужчин. На нас надевали лохмотья и наклеивали бороды. И если кто-то из мужиков пробирался на площадку, минуя гримерку, режиссер орал, завидев такого:

– У меня тут парень без бороды! Я, кажется, говорил, что у нас Город Бородатых Мужчин!

В один из этих дней на массовке мне исполнилось двадцать лет. В этот день мне наклеили такую бородищу, что, когда я вышел из гримерной, Орлович сказал:

– Тебе исполнилось не двадцать лет, а пятьдесят.

Вечером мы выпили за меня, а на следующий день мучались на массовке. Орлович тяжело переносил похмелье, поэтому часто оно для него заканчивалось запоями. Но за двенадцать часов на жаре из нас вышло все дерьмо. Мы доехали зайцем на троллейбусе до Киевской, выпили по бутылке пива и спустились в метро.

В этот вечер Орлович предложил зайти к дяде Гураму, нашему милому директору, чтобы поговорить с ним насчет проживания. Абитуриенты разъезжались, счастливые и несчастные, поступившие и не поступившие. И нам оставалось не больше недели жить в общежитии, до того черного дня, когда заканчивался период вступительных экзаменов и зачислений на все факультеты в институт.

До экзаменов Орлович работал строителем в Питере. Жил там же, где и работал, квартиры и жены у него уже давно не было, хотя, если верить его рассказам, в девяностых он был на коне... Месяц назад он бросил строительство и ремонт и в очередной раз решил поступать во ВГИК,

приехал в Москву, пропил все деньги и стал абитуриентом этого института уже далеко не в первый раз.

Теперь нас должны были выселять. Но у Орловича была спасительная идея. В общаге на август планировался ремонт, и Орлович хотел объяснить Гураму, что он строитель – мастер на все руки, а я его помощник. Что Гураму стоит взять нас в бригаду, потому что работаем мы превосходно. Это не только позволит нам немного подзаработать, но и обеспечит нас жильем до конца лета.

Орлович постучал в дверь кабинета директора. Ответа не последовало, тогда он приоткрыл дверь. Из-за двери доносилось:

– Кто там? Войдите.

Орлович вошел, а за ним вошел я. Мы встали на пороге. Кабинет Гурама был прекрасно приспособлен для жизни, пьянок и сна. Гурам нарезал овощи, из телевизора веяло вельселем, масло скворчало на сковородке.

– Здравствуйте, – сказал Орлович.

– Добрый вечер, – сказал я.

– Здравствуйте, – сказал Гурам.

И мы неловко замолчали.

– Мы хотели узнать, какого числа надо съезжать? – сказал я.

Орлович попытался начать излагать суть дела, но Гурам тут же прервал его. Он как будто только и ждал случайного посетителя, чтобы вылить негодование.

– Это безобразия, – заявил он, – безобразия. Был на базаре, купил картошку. Пришел, пожарил вчера, но нэ съел все. Осталось немного, хотел я с утра доесть. Смотрю в сковородку... С утра. А она...

Драматическая пауза.

– А картошка. СИНЯЯ, КАК ЧЕРНОЕ МОРЭ.

Мы с Орловичем стояли и слушали. Я, признаться, был ошеломлен, что директор общежития стал нам вынимать

мозг и фаршировать его этим бредом.

– Я прихожу на базар и говорю: ЧТО ТЫ МНЭ ПРОДАЛА? Сама ешь такую картошку. СИНЯЯ, КАК ЧЕРНОЕ МОРЭ! А она мне, я счас милицию вызову, какая милиция, Я В МОСКВЭ ЖИВУ ДОЛЬШЕ, ЧЕМ ТЕБЕ ЛЕТ. Какая милиция, КАРТОШКА СИНЯЯ, КАК ЧЕРНОЕ МОРЭ, а я в Москве живу ДОЛЬШЕ, ЧЕМ ТЕБЕ ЛЕТ.

Он немного успокоился и сказал, что сейчас покажет сковородку с картошкой. У него есть еще сковородка, и в ней до сих пор эта жаренная картошка. Пока он искал картошку, Орлович спросил, когда начинается ремонт.

– Черэз нэделю. Вы всэ уедэте, и начнется рэмонт.

Орлович решился:

– Просто мы строители. И хотели попроситься в бригаду.

Гурам замер, подумал полсекунды и сказал:

– Поздно, раньше надо было говорить. Уже набрали.

– И что, нет уже никакой возможности?

– Раньше надо было говорить.

Мы немного постояли на пороге. Гурам так и не нашел сковородку, в которой он хранил синюю картошку, но сказал еще раз:

– Синяя, как черное морэ.

Я вышел, уже не в силах терпеть это. И за мной тут же в коридор вышел Орлович. Дела наши были неважные.

Формально нужно было съезжать сегодня по-любому. Мы с Орловичем вернулись с массовой только в одиннадцатом часу. Зашли в общагу. Поднимаясь по лестнице замерли между четвертым и пятым этажами. С пятого доносились голоса. Гурам пытался выгнать двоих оставшихся абитуриентов. Отсюда было слышно голос Гурама:

– Это же не бэсплатный отель! Все, я сказал, что сегодня нужно уходить, я вам сказал или нэ сказал?! Я же всех прэду-предил, сказал или нэ сказал?!

– Куда мы пойдём, сейчас уже поздно? Можно мы уйдём завтра? Куда нам идти в одиннадцать часов?

– Сказал или нэ сказал?! Закончились все экзамены, уходите, собирайте вещи. Ещё вчера вы должны были уйти!

Орлович сказал мне:

– Нас тут нет.

Мы ушли с лестницы на четвёртый этаж. На четвёртом никого не было. Мы подождали, пока Гурам прогонит парней вниз по лестнице. Я услышал, как один из них не выдержал и сказал Гураму:

– Почему ты такой гондон?

Когда голоса стихли внизу, мы поднялись на пятый. Тут тоже теперь было пусто. Мы зашли в комнату. Здесь раньше жили девушки, но они разъехались, и теперь тут ночевали мы с Орловичем.

– Ну и что ты предлагаешь? – спросил я у Орловича.

Орлович пожал плечами и закрыл дверь на замок.

– Нас тут нет. Просидим до утра, и уйдём.

Я сел на кровать.

– Ты дурак, Орлович. Пойдём, поговорим с Гурамом. Не будем же мы тут сидеть, как два вора?

– Что ты дергаешься, – сказал Орлович и закурил у окна.

– Не пали, – говорю, – хотя бы не кури, Орлович.

Он отмахнулся от меня, как от мухи. Я припал к двери и слушал. Сначала я не слышал ничего, кроме стука своего сердца. Орлович успел докурить и лечь на кровать. Наконец из-за двери я услышал звук шагов. Шаркающий звук тапочек Гурама. Видимо, он пришел осмотреть этаж. Я услышал, как он хлопнул дверь в нашу палату или, можно сказать, общую спальню – в библиотеку. Затем я услышал, как он подошел к двери в комнату, в которой находились мы. Я отпрянул от двери. И смотрел на ручку. Ручка задержалась, но дверь не открывалась – видимо, у Гурама не было с собой ключей от этой двери. Он только дергал ручку и

что-то бормотал. Даже Орлович повернул голову и смотрел на ручку. В напряженной тишине я разобрал, что дядя Гурам сказал сам себе:

– Закрыл или нэ закрыл?

Но вот он отстал от нашей двери (я тут же снова приложился ухом к ней) и еще раз прошаркал тапочками по этажу, и я услышал, как дверь на этаж захлопнулась. Все – мы с Орловичем в безопасности.

– Все, – сказал я, – Орлович, ты гений.

Орлович сел на кровати и сказал:

– Я давно живу.

Полчаса мы просидели тихо, чтобы избежать палева. Потом я решился выйти в коридор. Отлично. Мы были одни в целом крыле. Я дернул дверь на лестницу – она была закрыта.

– Орлович, он нас закрыл, – сказал я.

Орлович сказал, что это ерунда. Проснемся утром, будем стучать и кричать. Нам откроют, а мы скажем, что проспали момент выселения. Ладно, я тоже решил не суетиться и отправился в туалет. Я сделал все дела, и, когда мыл руки, услышал в коридоре голос Гурама. Он стоял вместе с толстяком-охранником, а Орлович что-то ему объяснял. Гурам смеялся, но не хотел пускать нас еще на одну ночь. Охранник напряженно похаживал над тем, как Орлович хотел всех провести. Мы собрали сумки, и нас вывели из общаги. Орлович закурил возле крыльца и дал сигарету мне. Мы пошли в сторону метро. Гурам, охранник и одна из вахтерш провожали нас взглядом, стоя на крыльце.

– Как они нас спалили?

– Камера, – сказал Орлович, – работает.

Я был уверен, что камера, висящая над входом, нужна не иначе, как для понта. Все так считали. Я даже как-то спяну показывал камере задницу. Оказывается, все это видел толстяк-охранник. Или человек, с которым он чередовался. Уж

и не знаю, зачем пятый этаж был под наблюдением, может, потому что этаж по идее не жилой – учебный, или где-то на этаже хранилась важная аппаратура?

– Звони Наде, – сказал Орлович.

– Да я об этом и думаю.

Мы остановились в двух минутах ходьбы от общежития. Я не собрался с силами.

– Звони, – говорил Орлович, – она будет только рада.

– А вдруг Надя уже спит? – говорил я.

Или:

– И что я ей скажу?

Или:

– Позвони сам, я не могу ей звонить.

Один раз Надя приезжала в общагу. Она привезла с собой трехлитровую банку борща, и полюбилась всем абитуриентам, которые в тот момент были здесь. Я тогда как раз отходил после больницы. Лежал, в основном, старался даже не курить. Надя пожалела меня, поговорила со мной, пока другие ели. Я встал и покушал сам. И мы с ней пошли гулять. Мы прошли до Ботанического сада, потом до Бабушкинской, потом от Бабушкинской до Ботанического сада, болтая о чем-то неважном. Я расспрашивал ее насчет сына священника, она отвечала неохотно. К тому же они расстались, что теперь? Я смотрел по сторонам и думал, как бы мне уговорить ее заняться со мной сексом прямо на улице. Тогда бы мы снова были вместе. Мне была нужна ее забота. Но она ловко выбиралась из моих объятий, она вовсе не была уверена, что ей это надо.

Также я узнал, что она бросила работать на «Доме-2» и пока мама дает ей деньги. И что Надя сейчас живет одна в квартире мачехи на Краснопресненской, – так я, вообще-то, и думал. Мачеха уехала на лето в Саратов (или куда-то еще, откуда она была родом) вместе с детьми, а Надя жила у нее.

Тем не менее, она так и не дала себя поцеловать. Мы договорились встретиться как-нибудь, я посадил Надю на метро, и она уехала. Когда я вернулся с прогулки, Седухин с Орловичем под впечатлением от борща заверили меня: «НА ХРЕН ТЕБЕ КАКАЯ-ТО ВАСИЛЬЕВА. ЛУЧШЕ НАДИ НЕТ НИКОГО». Собственное мнение на этот счет я не мог сформулировать.

Теперь же у нас с Орловичем было два варианта: поехать к Наде на Краснопресненскую, если она пустит нас, или ночевать на улице. Я сначала ломался, но потом все-таки взял у Орловича мобильник.

– Да, Дима? – спросила Надя.

Дима – это имя Орловича.

– Ты еще не спишь? – спросил я, – это не Дима. Это я с Диминого телефона.

– Привет, – сказала Надя.

– Привет. Нам негде ночевать. Пустишь?

– Выселяют? – спросила она

– Выселяют.

Она согласилась нас приютить.

– Поехали, – сказал я, протягивая Орловичу мобильник.

Но вдруг Орлович говорит:

– Я не могу ехать с такой большой сумкой.

Я решил, что он, такой кабан, боится ее тяжести, и выплюнул на асфальт несколько проклятий. Тогда он объяснил:

– Я же белорус. А у меня закончилась моя липовая регистрация.

– Белорусов же не трогают? Они же, считай, Россия? Вы.

– Могут возникнуть проблемы.

Мы закурили еще по одной. Вот так ночь уже подкрадывалась, я устал, а тут Орлович ссыт. Мы стояли посреди тротуара, как два барана.

– Отнеси мою сумку Гураму, – заявляет тут мне товарищ, –

попроси его, пусть полежит несколько дней? А я сделаю регистрацию и заберу.

– А ты что, не можешь сам?

– Я не могу.

Вот так. Сам я тоже леденел от мысли еще о чем-то просить Гурама. Мы поиграли в пинг-понг, переводя стрелки друг на друга, пока я не придумал:

– Я отнесу. Если выпадет решка, – сказал я, – а если выпадет орел – отнесешь ты.

– Хорошо.

Я бросил монетку. Выпал орел, тут все было схвачено. Орел против Димы Орлова. Орлович ломался еще минут пять, но пошел к общаге. Но тут же вернулся, довольный и без сумки. Все оказалось просто.

– Гурам согласился. Они до сих пор все так же стоят на крыльце, – сказал он.

– И смотрят в пустоту, – подытожил я.

Мы дошли до станции Ботанический сад. В полупустом вагоне метро случилось маленькое происшествие. В двух метрах от нас ехали парень и девушка. Они ехали стоя, хотя мест было полно. Немного обнимались. Парень держал в свободной от девушки руке бутылку минеральной воды. На ВДНХ в вагон зашел гопник и уставился на парня. Парень не замечал гопника. Гопник смотрел на парня до Алексеевской, то есть пару минут, всего одну станцию – но без перерыва смотрел, и мне казалось, одежда на парне вот-вот загорится под таким пристальным взглядом. А парень знай себе шепчет что-то своей цыпе на ухо. На Алексеевской двери открылись и закрылись, поезд поехал, гопник подошел к парню и сказал:

– Дай мне попить.

Парень обосрался от страха, такая внезапность лишила его рассудка, но вместо того, чтобы отдать воду, он сказал:

– Не дам!

Гопник вдруг сорвался. Видно было, что ему просто плохо, он не то чтобы пьян или не в себе, просто у него сдали нервы.

Он закричал на парня:

– Да я тебя уебу! Я еду с работы, и тебе что, жалко дать мне воды?

И толкнул парня.

– Не дам! – повторил парень.

Девушка попыталась загородить своего кавалера и оттолкать к выходу.

– Я с работы еду, – говорил гопник уже сам себе, чуть ли не рыдая, – какой пидор, я еду с работы и хочу пить!

Я видел, как он сжимает кулаки, как он сильно напряжен. У него полетели гуси, как мне показалось. На Рижской девушка вывела своего парня, хотя тот делал вид, что хочет ехать дальше. Жалкая попытка распусть перья потерпела крах. Двери закрылись, а гопник огляделся и вдруг подошел к нам. Он спросил у Орловича:

– У тебя есть вода?

Орлович покачал головой, с усмешкой, но и с сочувствием, сказал:

– Нет, у меня нет воды.

Гопник как будто еще что-то хотел сказать, я даже чуть испугался за него. Надеюсь, он не решил выебать нам мозги? Один удар Орловича быстро бы выбил из него такое решение плюс жажду. Но вдруг гопник сам передумал говорить и отошел от нас, бормоча ругательства, адресованные жадному парню. Вот еще один персонаж. В моей Внутренней Ебландии население пополнилось одним новым жителем. Мы вышли на Проспекте Мира и перешли на Кольцевую линию.

– А мы возьмем выпить? – вдруг спросил Орлович.

– Нет, – отрезал я, – то, что мы идем к Наде, само по себе хамство.

Но потом я смягчился:

– Если только детскую.

Под «детской» я подразумевал маленькую бутылку водки. Чекушку.

* * *

У меня и в мыслях не было оставаться спать на большой кровати с Орловичем. Как только он уснул, я встал и вышел из спальни во вторую комнату. Я чувствовал, как Надя лежит под одеялом, теплая и приятная на ощупь, в темноте, и дышит. Я забрался к ней. В маленькой кровати с Надей мне нравилось гораздо больше, чем с Орловичем в большой.

– Не надо, – сказала она.

– Я не хочу спать с Орловичем, – сказал я.

– Тогда спи здесь. Но только спи.

Она позволила себя обнять, но отвернулась. Как только я предпринимал хитрую попытку, Надя говорила:

– Хватит.

Я замирал, а сердце мое колотилось, готовое к наступлению. Всю жизнь мы играем в игры. Вот же ерунда.

– Сейчас пойдешь к Диме, – шептала Надя.

Мы воевали до четырех часов утра. Я проводил более успешные атаки и никуда не годные атаки. Надя же всегда оборонялась с изяществом. Ей приходилось удерживать свое белье, но и не давать мне скинуть свое. Это значит, на ее хрупкие плечи упала работа вдвое сложнее моей. Она была уже голая, когда смирилась с поражением (?) и, наконец, встала из постели принести мне презервативы. Она сказала, что они у нее довольно долго лежали, непонятно для какого случая, и что, похоже, этот случай настал. Но лизать себя она мне почему-то не позволила.

А утром я проснулся оттого, что почувствовал, как Надя смотрит на меня. Я открыл глаза. Она сидела надо мной,

уже одетая, закрывая меня от утреннего солнца.

– Что ты делаешь? – спросил я.

Она объяснила, что из-за того, что я спал на спине, солнце слепило мне в глаза, и я делал очень недовольное лицо, мотал во сне головой, но не отворачивался. Надя увидела это и села так, чтобы солнце не мешало мне спать.

– И сколько ты так сидишь?

– Минут двадцать, – ответила Надя. Она просто и честно это сказала. Никак не накидывая себе цену и не выпячивая свое благородство. Это чего-то стоило. Я такого явно не заслуживал.

– Это значит, что ты меня еще любишь? – спросил я.

Она подумала и сказала, что любовь ей больше не нужна.

– Это я была глупая. Теперь я поняла, что мне нужен только секс.

Я поцеловал ее и вылез из-под одеяла. Нужно было будить Орловича и собираться на массовку.

В этот вечер к Наде должна была приехать бабушка на пару дней. Так что было неизвестно, где нам ночевать – мне и Орловичу. Но нам удалось выкружить палатку у одного бывшего сценариста, и мы поехали за город. В этом что-то было – последняя электричка, пригород Москвы, ночь. Мы развели костер у озера и кое-как поставили палатку. Выпили водки, и тут позвонила Надя. Орлович дал мне трубку, Надя сказала, что приезд бабушки отменился. Было уже поздно возвращаться в Москву. Но я почувствовал, как меня тянет сейчас к ней. И я сказал:

– Я приеду с утра. У нас завтра выходной.

– А Дима?

У Орловича были дела. Он собирался ехать за новой липовой регистрацией, и еще какие-то планы.

– Ты хочешь, чтобы я приехал один? – спросил я у Нади.

Она немного подумала и сказала:

– Хочу.

– Только я тебя могу разбудить. Потому что я поеду, как проснусь.

– Ну и ладно, – ответила Надя.

И мы отключились. Допили водку с Орловичем и легли спать.

Так продолжалось несколько дней.

Орлович спал один на большой кровати, мы с Надей не спали вдвоем на маленькой. Но нам было лучше, чем ему, тут нет никаких сомнений. На массовке я все свободное время отсыпался. Я чувствовал себя прекрасно, в голове у меня еще ютились картинки проходящих ночей. Когда не надо было идти в кадр, я тут же погружался в сладкую дрему и хрен наливался от воспоминаний, пока я лежал на травке в отстроенном на Мосфильме Городе Бородатых Мужчин.

Один раз ко мне подошла бригадир массовки и спросила:

– Что с тобой? Ты болеешь?

– Нет. Почему болею? – спросил я.

– Почему ты все время спишь?

Я рассеянно ответил:

– Просто я пишу ночью книги.

Она ничего не ответила, пожала плечами и отошла.

Это был предпоследний день съемок на «Молодом Волкодаве». Орлович попытался выяснить у женщины-бригадира, есть ли еще маза где-нибудь сняться, когда закончится этот проект? Она сказала, что есть. Он может сыграть Воскресающий Труп, а я буду играть Труп Скейтбордиста.

– Только с ним не будет проблем? – спросила она у Орловича насчет меня.

– Не будет, он даже на театральном учился, – сказал Орлович.

– Труп сыграю на раз, – сказал я.

– Че то ты спишь все время, – сказала бригадир. Но

согласилась записать нас на другой проект. Это считалось эпизодическими ролями, и нам пообещали уже не четыреста, а тысячу двести каждому за один съемочный день. И в тот же день у меня был билет до дома. Я сыграю труп, а на тысячу двести затарююсь едой и пивом в поезд и тем же вечером поеду домой. И еще останется немного.

Мне нужно уехать. Сейчас я чувствовал, что хочу остаться, но мне было двадцать, и я зависел от необходимости поменять паспорт. Скоро он станет недействительным, если я не уеду, и ничего с этим не поделаешь, думал я с сожалением.

И еще мой отъезд совпадал с Надиным днем рождения, так уж получилось. Восьмого августа у меня был поезд, а ей исполнялось двадцать шесть.

– Сегодня последний день моей молодости, – сказала она седьмого числа.

Раз восьмого мне и Орловичу надо было уходить рано, и больше Надю мы не увидим, мы решили немного посидеть за день до дня ее рождения. Вечером седьмого же числа. «Проводить Надину молодость», раз день рождения не принято праздновать раньше. Я приготовил поесть: салаты, картошку с курицей, Орлович сходил за вином. Накрыли стол, пили и болтали, иногда я целовал Надю. Хотели выпить немного, все-таки вставать в семь. И Наде тоже вставать рано, ехать к маме в Ржавки, она договорилась с ней тихонько справить свой праздник.

Но мы с Орловичем разошлись и ночью пошли еще за вином. Потом, когда он ушел спать, я уложил Надю на кровать, но после небольшой прелюдии заявил, что не желаю заниматься сексом в презервативе. Она сказала, что не согласна без. Я капризничал.

– Почему? – спрашивал я.

– Не почему. Нельзя, – отвечала она.

Мне было обидно. Я целовал ее, но мне было обидно. Я сказал, что тогда хочу анального секса без презерватива. Надя сказала, что не будет анального секса без презерватива.

Тогда я слез с кровати и демонстративно улегся прямо на полу, положив голову на сумку со своими вещами. Надя растолкала меня утром. Как будто прошло несколько секунд. Я встал и огляделся. В ушах гудело.

– Ты успокоился? – спросила она.

– Не знаю, – сказал я. Мои мыслительные способности и дикция были на низком уровне, как у испорченного младенца по имени Борис Ельцин.

Я был еще не в себе. Разбудил Орловича, мы быстренько выпили чай, который на вкус был как алкоголь, и пошли. Попрощались с Надей наскоро, и я даже не поцеловал ее. Только спускаясь по лестнице я почувствовал, что нельзя так расставаться, что надо бы вернуться и сказать ей ласковые слова. Но не стал подниматься, даже не знаю, почему.

А когда я вышел на улицу, вдруг этот порыв прошел, и стало все равно. Было одиноко, было все равно.

Все исчезло.

Я сыграл труп скейтбордиста, все обошлось без происшествий, и вечером уже был в поезде. А Надя в это время садилась, наверное, за стол в Ржавках со своей мамой, а может быть, плакала.

* * *

Рак может пролежать в холодильнике много месяцев, а потом, когда ты его положишь отогреться, вдруг начнет шевелиться.

После того, как я придумал и рассказал Вике эту историю о том, какой я несчастный, о своей несуществующей больной девушке, я часто вспоминал о том дне, постоянно ходил с этим камнем на душе. Нужно было найти человека

и рассказать, как дешево я поступил.

Это напоминало мне детство. Не знаю, почему принято считать, что в детстве человек счастлив, типа детство беззаботно – по-моему, все как раз наоборот. Я помню – у меня всегда было что-то, что не давало мне покоя: порвалась новая водолазка, а я не сказал маме; получил двойку за четверть по математике, не сказал отцу, а родительское собрание приближается; или какой-нибудь старшеклассник возненавидел меня по совершенно непонятным причинам. Вроде бы все нормально, но ты постоянно держишь в памяти эти мелочи, и они не дают покоя.

Так же было теперь у меня с этой историей про смертельно больную девушку.

Я не знал, кому можно раскрыть эту неприятную тайну. Несколько раз я хотел рассказать об этом Наде, еще когда мы жили вместе. Нужно рассказать, напоминать себе, если я не расскажу кому-нибудь об этом, и на меня вдруг упадет самолет, или раздавит каток, – я так и умру с грязной совестью.

– Знаешь что...

– Что?

– Я должен кое-что сказать, иначе я буду гореть в аду.

– ?

– ...Не знаю даже, с чего начать... один раз я захотел побыть несчастным и сделал одну очень плохую вещь...

– Господи, что такое случилось?

– Вот, я тогда напился, и чувствовал себя очень несчастным. И мне это даже нравилось. Так иногда в детстве завидуешь сиротам. И я тогда придумал себе, что у меня есть девушка. А у меня не было девушки. И что она, эта девушка, болеет раком и скоро должна умереть. И я несколько дней ходил и страдал, и рассказал это нескольким людям. Пожаловался, чтобы они проявили уважение к моей судьбе и к моей несчастной любви. Вот. И сам даже поверил в это. И,

наверное, они до сих пор думают, что это правда была...

Но на деле у меня так и не вышло ей это рассказать.

Я встретился с Васильевой в последних числах августа.

Нет, не сразу. Сначала, когда приехал домой, я почти две недели играл в компьютер. Брат приобрел диск с новой на этот момент, последней из серии GTA San Andreas. Штука удивительная, я на две недели выпал из своей унылой реальности и углубился в ту реальность, которую предлагала игра. Я раскачивал мышцы, менял шмотки и подружек, штабелями гасил мудаков, обучался экстремальному вождению автомобилей, мотоциклов и даже самолетов. Удивительный мир открылся мне, но скоро я стал в нем Богом, прошел игру до конца, навешал Большому Смоуку, вернулся в реальность и позвонил Васильевой.

Мне хотелось увидеть ее, может, предложить ей быть со мной, не знаю, или хотя бы просто попробовать дружить с ней. Нет, было бы нечестно теперь предложить ей быть вместе, я это понимал, но я хотел ее и хотел, чтобы она мне делала ежика, хотел гулять с ней вечерами и всего прочего, чего люди обычно хотят в таких случаях.

Когда я позвонил ей, она говорила со мной довольно холодно, но согласилась встретиться. Васильева велела подъехать назавтра в кукольный театр, он находился в центре на улице Весенней. Она выйдет после спектакля и погуляет со мной.

Я приехал раньше, там приятный сквер, нормальное место, тихие лавочки, на которых часто пьют себе пиво неформалы и гомосеки, и их никто не трогает; но пока еще никого не было – они все собираются ближе к вечеру. Не было ни неформалов, ни пидоров, я сидел и думал, что же я скажу Васильевой?

Я думал, что будет, если Васильева все еще хочет быть моей девушкой, и если мы будем с ней вместе, – не

захочется ли мне уехать, и вообще, стоит ли нам встречаться сегодня? Пошел дождь, я укрылся под деревом и смотрел на вход в кукольный театр. Васильева вышла, она была со своей подругой. Они меня не видели. У меня забилося сердце, вот почему я не остался с Надей, думаю, – может, я что-то и перепутал, черт его знает, – но Васильева казалась мне красивой и хорошей, диафрагма сжалась, и только Васильева была в центре всего мира. Я подождал чуть, глядя, как она говорит с подругой. Наконец они распрощались, подруга раскрыла зонт и пошла по своим делам, а Васильева осталась ждать меня под козырьком. Тогда я и подошел.

– Васильева? – нежно спросил я, как будто не веря глазам. И обнял ее.

– Привет, – сказала она.

Она раскрыла зонтик, и мы пошли в сторону ее дома. Вернее в сторону остановки, с которой можно было уехать. Она расспросила меня немного про Москву, про мой провал во ВГИКе, – все эти ничего не значащие для нее и меня сейчас вещи. Я немного рассказал ей. Я говорил с ней, пытаюсь в это время нащупать что-то важное. А потом вдруг мне захотелось сказать, и я сказал:

– Я очень много думал о тебе, мне кажется, что нам надо пожениться, ты выйдешь за меня замуж?

– Конечно нет, – сказала Васильева.

– Я думал, ты любишь меня. Ты же плакала, когда я приходил на экзамен. Я тогда хотел остаться с тобой, но не решился.

Мы идем под зонтом под руку с Васильевой последний раз, лето заканчивается, и Васильева мне говорит вдруг-таки:

– Я плакала не из-за тебя.

– Вот как? – говорю.

Может даже у меня получилось таким тоном, типа: «Ну, конечно, из-за кого тебе еще плакать, глупая, я все про тебя

знаю, из-за кого, как не из-за меня?», но надеюсь, что не получилось.

– Вот так, – говорит Васильева.

– А из-за кого?

Васильева остановилась, и мы посмотрели друг другу в глаза. Между драматическим театром и общественным туалетом она мне сказала:

– Я плакала, потому что узнала, что у меня рак.

Ей было восемнадцать лет. Я смотрел на Васильеву, пытаюсь понять, о чем вообще она говорит.

Рак головного мозга.

Мы пошли дальше. Васильева рассказала мне, что летом, пока я был в Москве, мать сделала ей на скорую поддельный загранпаспорт, как-то так; а потом они поехали, в Тибет что ли, я не очень понимал, блохи-мысли скакали, по тысяче штук блох на каждый квадратный миллиметр мозга. И вот, они ехали с матерью, – нервная поездка, Васильева все боялась разоблачения и ареста. Потом она курила какую-то траву с монахом-целителем целый месяц. Он лечил ее различными процедурами – в общем, скоро мы все узнаем, подействует это лечение или нет.

Потом мы помолчали. Уже на остановке я сказал:

– Я хочу быть с тобой.

Васильева ответила:

– Какое-то время ты ждешь человека. А потом перестанешь ждать. Потом он для тебя перестает существовать.

Когда подъехала маршрутка, я спросил:

– У тебя есть кто-то?

Васильева поцеловала меня в щеку и уехала.

Этот факт – или эта данность – для меня оказался важным: рак может пролежать в холодильнике много месяцев, а потом, когда его положишь отогреться, вдрут

начнет шевелиться. Это тот самый случай.

Я выдумал историю и тогда-то засунул этого сраного рака в морозилку. Вот что все это значит. Лежит себе рак в морозилке, а потом вы его вытаскиваете, и он ползет дальше. За все будешь наказан, все взаимосвязано, и мы все взаимосвязаны. Лежала так моя невинная байка, мой глупый актерский этюд про то, какой я несчастный, а тут – хлоп – байку достали из морозилки, у нее появились ноги и руки, и она ожила. По моей вине наказаны невинные. Всегда имей совесть, скотина, всегда поступай по совести, и будет все правильно. Это не совпадение, это драматургия. Как говорил наш мастер по режиссуре Басалаев, – старый добрый Басалаев, срезавший в конце концов бородавку с носа, – каждое действие должно вызывать контрдействие. ГОСПОДИ БОЖЕ МОЙ, Я САМ ПО ГОРОСКОПУ РАК. Такие буквы перебежали мне дорогу. Об этом я думаю, плачу, иду от остановки до дома, а еще фоном, короткими кадрами, параллельным монтажом, идет совсем другая привязка к слову «рак», как второстепенная линия в фильме. Один раз мы с приятелем и его матерью ездили в большой оптовый магазин. Он ей должен был помочь все перетащить, а я поехал за компанию. Себе мы купили пива, и приятель вдруг решил, что хорошо бы поесть раков, что в этом-то магазине они должны быть. Я их с детства не ел. Мы пошли в рыбный отдел, но раки там сидели в большом аквариуме, бедные несчастные кансеры, смотрели на нас через стекло без всякой надежды.

– А есть тут мертвые раки? – спросил я.

– Нет, наверное, – говорит приятель, – их так обычно закидывают. Но можем попросить, чтобы их убили.

– Не стоит, – говорю, – я думал, что они будут мороженые, закинул и ждешь. А так не хочется.

– А если попросить маму, чтобы их сварила? – спросил приятель.

Очень несчастные, с черными глазами раки, все они смотрели в сторону покупателей, ни один не решался повернуться спиной. Скоро их всех сварят заживо; и поэтому мы купили креветок, уже готовых к употреблению, благополучно убитых, приготовленных и замороженных. Я подумывал о плане спасения раков, моих братьев, я чувствовал с ними родство. А в детстве, вроде, иногда я даже мечтал поболеть раком, и вот – все рыдают, спасения, казалось бы, уже не предвидится, меня вдруг удастся излечить, какая удача. Черт знает что, ясно только одно: я каким-то боком виноват в болезни Васильевой. В тот день, когда мне хотелось почувствовать себя несчастным, когда я плакался Вике, когда мне хотелось выдумать себе тяжелую судьбу, я заставил механизмы работать, запустил поршень, и поехали: раки в аквариуме, рак в человеке, рак мозга и человека, рак по гороскопу. Живет себе не очень умный мальчонка, мы все сами творцы судьбы (смайлик), живет себе мальчонка, которому очень хочется побыть несчастным, придумывает себе беды, а потом у него начинает болеть головушка, а потом у его сказочек вырастают ноги. А ведь человек переживает только то, что попадает в его поле зрения, и как же тогда живется людям с широким кругозором?

Через неделю я уже валялся в ногах у Алисы. Люди – это всего лишь тупое дерьмо. Я бегал за ней на четвереньках. Алиса была нужна мне, как воздух.

дата: 20.09.05
 от кого: grape1979@list.ru
 кому: eugenalehin@yandex.ru
 тема: No subject

Птица клест во тьме летит.
 Ты хоть лечишь простатит?

дата: 03.10.05
 от кого: eugenalehin@yandex.ru
 кому: grape1979@list.ru
 тема: Re No subject

лечу лечу я простатит
 потом лечу лечу в Москву
 не знаю, что оно и как
 ебись ебись оно конем

* * *

Чтобы попасть в областной кожвендиспансер, нужно было проехать сначала до ЖД-вокзала на сто четвертом автобусе, а потом пересесть на первый трамвай, пятнадцать минут на трамвае – доехать до южного района. В трамвае я сел на свободное место, и мне повезло: сиденье было горячим. Еще, может, минут сорок, а то и тридцать, и я все узнаю. А если не будет очереди, то вообще всего лишь двадцать пять. Целая вечность, минуты текли очень медленно, каждую секунду время замирало, и трамвай попал во временную дыру. Неужели все будет происходить так медленно, а скорость у меня будет очень маленькая? И, когда я получу то, к чему стремлюсь, когда доберусь до финиша, когда мне

достанется награда, я уже буду разваливаться на куски? И это еще хорошо, если доберусь, а то ведь могу упасть, не дойдя совсем немного. Каждый год жизни будет приносить мне болезни и сумасшествие, сумасшествие и болезни, паранойю, расставлять ловушки и капканы, будет все больше сомнений и неуверенности.

На деле я сейчас не просто сидел в трамвае. Я сейчас поочередно переживал варианты собственного будущего, каждый вариант бесконечное количество раз.

В одном варианте я женился на Алисе, и теперь выслушивал все ее глупости, страдал от ее возможной неверности, выдерживал общение с ее сумасшедшей мамой, но нес этот крест, старался быть терпимым, старался сносить все ссоры.

В другом варианте уехал в Москву и снова зажил с Надей, но на этот раз был с ней нежным, был внимателен и к ее милым глупостям, ведь правда, каждый человек – это целый мир, а не повод раздражаться; был внимателен к ее чувствам и внимательным даже к ее матери, страдающей синдромом неизлечимой начальницы, и делал перед ее матерью вид «лихой и придурковатый».

А ведь еще есть Васильева. Она, конечно, выздоровела, какой там рак, опухоль очень даже доброкачественная. Васильеву враз поставили на ноги, все оказалось поправимо. И я иногда созваниваюсь с ней, и мы постоянно переписываемся, она говорит, что счастлива, у нее теперь есть парень, будущий муж, настоящий титан, он несет целый мир на своих плечах – мир прочный и уютный, ее парень не такой, как я, а серьезный мужик с головой на плечах. Она, конечно, шутит над ним, но по-доброму шутит, да и он не обидчивый человек. Простой хороший парень Егор, или Федор, или Александр.

Я вышел на нужной остановке, слез с горячего сиденья напрямик в мороз. Несколько дней назад еще было тепло,

как вдруг стукнуло минус пятнадцать, но то ли еще будет.

Зима застала меня врасплох, как всегда, напомнила о времени. Нужно торопиться.

Очереди в кожане совсем не было, наверно, из-за холода, наверно, венерические болезни впали в спячку, дали передышку людям-кроликам. Я постучал в дверь кабинета и тут же заглянул.

– Подождите.

Я присел. Плакаты со стен кричали: «НЕ СУЩЕСТВУЕТ БЕЗОПАСНОГО СЕКСА, КРОМЕ ОНАНИЗМА».

Я вытянул руки вперед, собираясь потренироваться на несуществующей клавиатуре. Я уже освоил курс машинописи, уже печатал довольно быстро, символов сто пятьдесят в минуту, но еще иногда делал ошибки и замедлялся на знаках препинания. Очень приятно было хотя бы что-то уметь. Если постоянно буду чему-то учиться, если я буду пытаться совершенствовать себя, может, настанет момент, когда все перестанет казаться мне сущей бессмыслицей?

Руки ставятся на нужные позиции. Мизинец левой руки нажимает Caps Lock.

«НЕ».

Указательный палец правой руки ударяет по букве «Н» – это начало второй половины верхнего ряда. Указательный палец левой руки ударяет по букве «Е» – это конец первой половины верхнего ряда.

«СУЩЕСТВУЕТ».

«С» – средний палец левой руки резко опускается на нижний ряд, возвращается на исходную; «У» – тот же палец, верхний ряд; «Щ» – безымянный правой, верхний; «Е» – указательный левой, верхний; «С» – средний левой, нижний; «Т» – указательный правой, нижний; «В» – средний левой, средний ряд; «У», «Е», «Т»...

«БЕЗОПАСНОГО СЕКСА, КРОМЕ ОНАНИЗМА»...

Я могу вмиг напечатать эту фразу.

Вот-вот загорится лампочка над дверью в кабинет – значит, мне можно будет войти. Когда она загорится, я встану, войду в кабинет, и будущее станет настоящим.

«ЖЕЛАЮ ТЕБЕ ИМЕТЬ КНИГУ! НО ТЫ БУДЕШЬ ВСЕ РАВНО ОДИН ИЗ КУЧИ ДОХЛЯКОВ-ПИСАТЕЛИШЕК; ТЕБЕ ЧТО НУЖНО? ПРИЗНАНИЕ? НЕ ПОНИМАЮ; ДЕНЕГ? ЕЩЕ БОЛЕЕ НЕ ПОНИМАЮ; БЫТЬ БОГЕМНЫМ? НУ, ЭТО ПОНИМАЮ И УВАЖАЮ, НО В КОНЦЕ ЖЕ И ЭТО ТОСКЛИВО; НУЖНО ПРОСТО КАК-ТО ЛЮБИТЬ ЭТО ЕБАНОВОЕ СИРЕНЕВОЕ ДЕРЬМО, КОТОРЫМ ЗАНИМАЕШЬСЯ, И БЫТЬ НЕУДАЧНИКОМ ИЛИ УДАЧНИКОМ – НЕ ТАК УЖ ЭТО И ВАЖНО; ЖИЗНЬ – ЭТО ТО, ЧТО ПРОИСХОДИТ».

Лампочка над кабинетом загорелась и тут же погасла. Я получил сигнал и вошел. Поезд остановился. Я слез с верхней койки. Только что проспал несколько часов.

...Меня провожали Миша и Тимофей, Миша закинул мою сумку на полку, я обнял его, я обнял Тимофея, поезд тронулся, я забрался на койку и тут же уснул, не разбирая постель. Билет я держал в руке, так, чтобы проводница смогла его посмотреть, но не разбудить меня.

Я вышел на платформу, чтобы покурить. Это был Новосибирск, то есть, я проспал совсем недолго, но зато уже отпустило, и все вокруг казалось четким и ясным для понимания. Я специально не стал надевать куртку, чтобы немного освежиться. Только прикурил, как ко мне подошла какая-то тетка с лицом аферистки.

– Угости сигаретой, – говорит.

Я дал ей сигарету. Дал прикурить. Она спросила:

– План не нужен в дорогу?

– Сколько? – спросил я машинально, хотя и не собирался у нее что-то покупать: мне это было ни к чему. Честно говоря, я решил больше не употреблять вообще никаких наркотиков никогда в жизни.

– Сто пятьдесят.

Совсем недорого, наверно, не очень хороший план. У меня было всего рублей сто пятьдесят плюс мелочью около двадцатки. Мы нормально посидели с Мишей и Тимофеем... Мы пили в кафе, и я решил, что оставляю себе денег только на сим-карту (сто или сто пятьдесят рублей симка и должна была стоить по моим подсчетам). У меня теперь был старый мобильник, его отдал мне отец. Больше ничего не надо было, я обязан был все пропить, потому что нужно приезжать с пустыми карманами в новую жизнь. Либо все получится, либо нет.

Я ответил тетке:

– Нет, спасибо. Давление от плана поднимается, да и денег нет.

– Как знаешь, – сказала она и отошла.

Видок у меня был тот еще. Дырявая футболка с длинными рукавами, поверх которой надета дырявая футболка с короткими рукавами, и драные джинсы с заплатками. Я курил и вдыхал воздух. Я предчувствовал новую жизнь: это неизбежно, будущее настанет. Да, я, видимо, все-таки производил впечатление человека, которому нужно немного плана. Потому что, когда я пошел обратно в вагон, она подошла опять – эта тетка-аферистка, и еще раз спросила:

– Точно не нужен план?

– Да нет, я же сказал. Ничего не нужно, – и забрался на подножку, а потом в тамбур.

У меня и так все было. Я стоял в тамбуре и смотрел в окно. Проводница закрыла дверь. Перрон поехал. Новосибирск поехал. Через сорок шесть часов я буду в Москве.

Поезд разгоняется, колеса стучат, как цук.

2006–2008, Москва, Петербург

Значит, так: мы вдвоем были в кабинете. Этот лысый мужик, лет пятидесяти пяти, говорил по телефону с бабиной (моего бати) женой:

– Здравствуйте... Тут у нас Евгений Алехин сидит... Это вас беспокоит Управление служб безопасности университета... а он пьяный здесь... да, вел себя неадекватно на территории университета... вы не могли бы забрать его?.. Ну а что мне с ним делать?

Он еще чего-то поговорил, потом положил трубку:

– Не хотят тебя забирать.

– Правильно, я уже большой мальчик. К тому же до моего дома полчаса ехать. А туда и обратно – совсем долго. В самом деле, она небось удивилась, чего это вы ее просили меня забрать...

Он махнул мне рукой, чтоб я уже заткнулся.

– Ну, что тебе надо было от этого Базанова?

– Понимаете, он не в свое дело лез. Решил, что раз я не трезв, со мной легко справиться.

– Ты посмотри, какой ты и какой он. Он же росточком не вышел.

Лысый встал, ушел куда-то из кабинетика. Я быстро достал из своего пакета полторашку пива, присосался немного и поставил обратно. Лысый вернулся. Видно, в туалет ходил.

– Там твоя мать...

– Это жена моего отца.

– Она, в общем, не знает, что с тобой делать. И я не знаю. Тебя ведь отпусти, так домой не поедешь, ты опять пойдешь этого Базанова искать.

– Нет, не пойду уже. Зачем он мне?

– Кто тебя знает?

Это все происходило в седьмом корпусе универа. Здесь нет никаких учебных аудиторий, только военно-учетный стол, это УСБ, и прочая муть. Еще здесь поэтическая мастерская «АЗ» находится. Дверь в нее рядом с дверью в этот кабинет. Видно, услышав наши голоса, вошел Андрей Торошин. И говорит:

– О, Евгений. А ты что здесь?

Он иногда торчит в этой мастерской вечерами. Не знаю, чем он там занимается, какими-нибудь фотографиями членов или стихи набирает в компьютер. Он неплохой мужик, сильно верующий только, а вера его кажется мне пошловатой. Этакий Бронированный Хризантем с явно проявляющимися симптомами Нового Ноя и Каинистого Авеля, если пользоваться одной из моих многочисленных классификаций. Хотя я имею о нем поверхностное представление, к тому же он один раз накормил меня голодного, помню. Да, он славный, просто, может быть, ему не нужен мой панцирь из грязной чешуи. А мне нужен, что поделать? А у него свой панцирь, другой.

– Здорово, – говорю ему.

– Что случилось? – спросил Андрей. Лысый вкратце обрисовал ситуацию, дескать, я пьян, пьян и глуп, глуп и невозможен.

– Да вы, – говорит Андрей, – отпустите его домой. Этот парень у нас один из ярких самородков. Он, есть еще Игорь Кузнецов. Парни талантливые, но с характером буйным.

– Он тоже ходит к вам в мастерскую? – спросил лысый.

– Да, ходит. И пишет неплохо.

– Я надежда городской поэзии, – важно заявил я.

Лысый согласился меня отпустить, с условием, что Андрей сначала отпоит меня кофе в мастерской, тогда я протрезвею и поеду.

– Я не пойму, – сказал лысый, – тебя привели пьяного. Но

говоришь вроде нормально. Соображаешь. Тебя отпустили, ты опять пошел в шестой корпус, начал кричать, что-то про Базанова. Тебя опять привели. Сейчас ты опять выглядишь трезвым.

Я не помнил того, о чем лысый рассказывал. Помнил только, что Базанов был в чем-то не прав.

Андрей и я зашли в мастерскую, он включил чайник. Я сел за круглый стол, достал пиво из пакета и хорошенько хлебнул.

– Ты чего это так сегодня? – спросил Андрей.

– Стипендию дали.

Вода вскипела, он поставил передо мной кофе.

– Спасибо, Андрюха, что выручил. Я, оказывается, ярчайший самородок. Ты прав.

Я пил кофе. Вошел лысый:

– Ну, как?

– Все, допиваю кофе, сажусь на маршрутку, еду домой и больше никогда не появляюсь в университете пьяным.

Он смотрел на меня:

– А я ведь любил стихи в молодости. И писал даже, было.

Я встал:

– Давайте, я вам что-нибудь прочту.

Я прочел. Он сказал, да, правда, я не плох. Потом я пламенно пожал лысому руку и говорю:

– Давайте-ка мы в других обстоятельствах встретимся и пообщаемся.

– Давай. Ты заходи сам ко мне, только трезвый. А сейчас домой давай, уезжай уже.

– И еще, – сказал я. – Понимаете, я с Ваней Базановым учился в прошлом году. Так, он сначала сказал мне, что задумал «роман в стихах», а потом сказал, что разочаровался в поэзии. Представьте: роман в стихах, а?

Я надел куртку, шапку, распрощался и пошел. Уже настал вечер и темнело. Странно. Когда успелось? Я пересчитал

деньги: оставалось почти три четверти от стипендии. В маршрутке я допил пиво, пока допивал, до меня дошло, что на вкус в пиво явно добавлена водка. Несколько часов после того, как я получил стипендию, стерлись из памяти безвозвратно.

В голове у меня было мутновато. Дома я сидел и скучал. Позвонил Сперанскому и уговорил его приехать ко мне. Потом мы затарились пивом и сидели у меня в комнате – пили. Я хотел взять водки, но Сперанский меня отговорил. Уже поздно было, когда приехал отец, уставший после командировки, вызвал меня из комнаты, мы с ним говорили на кухне. Он:

– Что у тебя сегодня произошло в университете? Люба сказала, звонили домой.

– Да ничего страшного.

– Почему ты не спросил разрешения и привел кого-то? Он же, как я понимаю, уже не поедет домой?

– Ну, что за детский сад? Это ведь моя комната. Мало того что мне нельзя оставлять на ночь девушек, так еще нельзя, чтобы ко мне приходили друзья?

Он стоял в семейных трусах, опираясь на стол, и смотрел на меня через очки. Мой отец по образованию филолог.

– Никто не против твоих друзей. Только, если они не пьяные. Это не твой дом. Когда будешь жить отдельно...

Тут наконец-то я вспомнил аргумент, который хотел в таком случае опробовать:

– Вы развелись с матерью. Мы с ней жили в квартире. Она умерла. Квартиру, в которой мы жили, и ту, в которой жили вы, обменяли на это жилье. Здесь должно быть мое пространство.

Мы поругались сильнее. Он начал приводить какие-то свои аргументы, мой ум, если допустить вероятность его наличия, не успевал сработать и обрулить отцовы доводы. Отцу удавалось меня развести. Договорились на том, что

завтра с утра я сваливаю из дому.

– Если надумаешь извиниться – пожалуйста. Не надумай – чтобы в полдевятого завтра вас тут не было.

Извиниться за что?

– Не надумаю, – ответил я.

2

Утром я увидел рядом с собой Сперанского на диване, растолкал его. На подоконнике бодрым строем стояли пустые пивные бутылки. Много. Я начал собирать вещи в пакет – насобирал большой пакет. Потом сходил в кладовку и нашел большую продуктовую сумку. Отец уехал на работу уже. Люба (жена бати) и мой младший сводный брат еще спали. Я начал засовывать в сумку системный блок.

– Ты что, всерьез собрался? – Сперанский сидел на диване и смотрел на меня сквозь дым в своей голове. Наверное, сквозь очень плотный дым смотрел, как, когда жгут листья в школе на субботниках.

– Мы отвезем к тебе мои вещи? И компьютер. Ладно? – спросил я.

– Хорошо.

– Тебе же ко второй паре?

– Угу.

Он не прогуливает пары. Еще он сдает экзамены без троек.

На остановку тащили вещи чередуясь. Сначала один тащит монитор, другой пакет с вещами и сумку с системным блоком и клавиатурой, потом – наоборот. Монитор тащить было особенно неудобно. На остановке мы поставили все на скамеечку, и я купил нам по бутылке пива. Денег было мало. Мы доехали до Сперанского, вышли, я купил нам еще по бутылке пива. Выпили на лавочке и отнесли все к нему.

Потом его мама, причитая, накормила нас завтраком, и мы поехали в универ. Я предложил Сперанскому не ходить на пары, но он пошел. Я выпил еще бутылку пива и зашел в первый корпус. Уже легче.

И тут я встретил Сему с романо-германской филологии и с ним этого панка, Айс. Сема был в универе в потертых триконах, тапочках, майке и дубленке. Айс такой крашенный в рыжий цвет тип, если его волосы поставить, будет ирокез, Айс все время в черных очках. Лицом напоминает парня из звездных войн (эпизод первый), у которого висели уши за спиной. Видно, они пили полночи в общаге. Там живет Сема. Мы перешли дорогу, в «Караване» купили бутылку или две (упущение памяти) водки и полтора литра пива. У меня не осталось ни рубля. Ладно, романтика, поэзия, дома не ждут. Мы пошли в общагу.

– Так, – говорит Сема, – там у меня эти засранцы сейчас не на учебе. Те, которые со мной живут. Они возбужают, если у меня пить.

Мы на пятом этаже попробовали зайти в пару комнат. Нас не приняли. Сема говорит:

– О, а можно зайти к девчонкам на четвертый этаж.

– К каким? – спрашиваю.

– Ну, там, Аня, Юля, еще кто-то... С филологического, как ты.

– Четыреста двадцать шестая, что ли?

– Да-да.

Туда нас пустили. Там двое спали на полу: Юля с Мишей. Аня на кровати внизу. Надя на кровати сверху. Мы сели, нам дали кружечку и банку с рассолом. Мы сидели и тихонько пили. Спиртное скоро кончилось, Сема пошел, не знаю куда, спать. Айс оказался здоров закладывать.

– А пойдём, – говорит Айс, – попробуем настрелять денег.

– Это как?

– А-а, пройдемся по универу.

Мы пошли по переходу из общаги в первый корпус. Тут сразу встретилась моя одноклассница Таня. Десять рублей есть. Я подходил к знакомым только. Айс работал шикарно. Подходил к любим:

- Девушки, извините, пожалуйста, у вас не найдется рублей пять, нам необходимо.

Он склонял немного голову набок всегда, когда говорил. И вытягивал губы. Ему невозможно было отказать.

Потом из первого корпуса мы дошли до шестого. И там на первом этаже меня выловил охранник, парняга в ленинской кепке:

- Ты опять пьяный?

- Да нет.

Я не узнавал этого охранника. А он, видно, вчера со мной дело имел.

- Стой-ка тут.

Он позвонил куда-то по местному телефону с вахты.

Я, охранник и Айс вышли покурить рядом с крылечком. Из седьмого корпуса шел мой вчерашний друг: Лысый. Ему звонил Кепка. Лысый отвел меня метров на пять и говорит:

- Ты опять пьешь?

- Да нет, я уже собирался домой. Сейчас пойду в первый корпус, возьму куртку в гардеробе и домой.

- Ты кончай это. Ну, правда.

- Все, я иду.

- Подожди... Только иди не через корпуса. По улице обойди.

У меня, кажется, появился чуть ли не второй папа. Мы пошли с Айсом сразу в магазин. Я был без куртки, но мне было все равно. Денег у нас было нормально. Мы купили полторашку «Алко» и двухлитровую пива. Нужны были сигареты, хватало только на «Балканскую звезду».

- Чего травиться? – сказал Айс. – Сейчас на нормальные найдем денег.

– Извините, у вас не будет рубля два-три, а то нам на сигареты не хватает? – с таким текстом он обращался к людям. Я удивился, что его не посылают. Через пять минут денег у нас было уже достаточно на нормальные сигареты. Мы купили их и пошли в общагу. Айс засунул бутылки в рукава куртки и ходил, как Моряк Папай.

– У нас столько алкоголя, – с нежностью говорил мне уже не Айс, а парень из звездных войн.

В переходе мне опять встретился охранник в кепке. Я начал ему чуть ли не клясться, что сейчас же возьму куртку и пойду домой. По ходу, я уже надоел Кепке, и он отстал. Мы выпили все в общаге, и к обеденному времени я был уже прекрасен. Потом Айс куда-то делся. И я куда-то делся. В Астрал?

3

В триста тридцать пятой комнате на третьем этаже жили историки: Андрей Проказов, или – Дрюча, Юра, такой большой толстоватый, грубоватый, добрый и симпатичный парень, Миша, губастенький, с чудесной фигурой человека из рекламы трусов; с Мишей я знакомился, по его словам, раз восемь, прежде чем запомнил его. Он обычно ночевал в четыреста двадцать шестой, спал с Юлей на полу.

Юра учился на втором курсе. Миша был отчислен, и в общаге находиться не имел права. Но охранники об этом не знали. Они его запомнили в лицо с прошлого года и пропустили.

Дрюча учился второй раз на втором курсе. Его тоже отчисляли год назад. Познакомился же я с ним, когда еще только поступил в универ первый раз, то есть больше года назад. Я проснулся у Базана в комнате пьяный. Там были Базан и Дрюча. Я удивился в Андрее сочетание небритости

и смазливости. Дрюча чего-то там жаловался Базану на несчастную любовь. Я вспомнил, что у меня еще есть водка, и сказал ему:

– Ну так, на, выпей, несчастный.

И налил ему две трети стакана. Он, сохраняя трагедию на лице и не морщась, выпил. Этим он покорил мое сердце.

В общем, Проказов мне теперь разрешил пожить у них в комнате какое-то время, о чем, возможно, потом и жалел.

У историков был Первый Снег, они все пошли веселиться, поэтому я остался один и лег спать пьяный после такого веселья с Айсом.

Я проснулся все еще один в комнате триста тридцать пять. Был уже вечер, уже стемнело. Я вспомнил про ссору с отцом. Отец, наверное, волнуется. Надо позвонить ему на днях, но, блин, где мне жить теперь? Ладно, пока об этом не надо думать.

Я еще не протрезвел, но уже чувствовал сушняк. В комнате не нашлось ничего пригодного для питья, кроме воды в пластиковой бутылке, но вода была вонючая. Я открыл дверь, чтобы сходить в умывалку, попить. Дверь комнаты Проказова была прямо напротив лестницы. По лестнице поднималась симпатичная девушка. Я ее видел раньше. Она была подруга моей однокурсницы Бегезы (это фамилия). Они как-то раз стояли возле шестого корпуса и строили из себя лесбиянок, а я им аплодировал.

Теперь эта Бегезина подружка шла мне навстречу по лестнице, и я подумал, что она очень мила.

– О, привет. А ты не ко мне идешь? – спросил сразу я у этой девушки.

– Привет. Нет.

– Давай, да. А то я скучаю тут один.

На мое удивление она сказала:

– Хорошо. Сейчас, только схожу и вещи заберу у подруг, вон в той комнате.

Я пошел в умывалку, глотнул водицы, хорошенько прополоскал рот. Я думал, что ее попа полновата, а грудь маловата, но в этом есть утонченное обаяние.

Мы с ней сидели и разговаривали. Ее зовут Маша.

– А ты ведь на моем потоке учишься?

– Нет, я, вообще-то, на историческом.

– Тоже на первом курсе?

– Да.

– М-м. А ты с Первого Снега шла?

– Ага.

Я встал и начал ходить по комнате.

– А я вот, как тебя сейчас увидел, понял: все – судьба. Правда ведь? Давай будем с тобой любить друг друга большой и светлой любовью.

– Ну, не знаю.

– Да-да. Разве не ясно, что так все и должно было быть. Только мы пока не будем целоваться, а то от меня, наверное, перегаром прет, жуть.

– Да я и не предлагала.

Потом мы говорили о всякой ерунде. О книгах. Она любит Эдгара По. Эдгар По? Пусть, отчего не любить. Он славный, этот Эдгар По. Чудный, отчего ж его не любить. Она спросила, может, включим музыку? У нее есть кассета с собой. Только я, наверное, не люблю Носкова. Нет, отчего не любить. Я люблю Носкова, как мать. Особенно ту песню люблю, ну, ту, помнишь? Она подумала и сказала, какую песню я люблю. Ну, конечно, конечно, я люблю эту песню, так я отца и бабушку даже не люблю, как эту песню.

Потом в дверь постучали. Там стоял парень, около тридцатника, невысокий, плотный, краснолицый, но приятный.

– А где Проказов? – спросил он.

– Я за него.

– А где он?

– Там у них Первый Снег или типа того. Не будет, думаю, его сегодня. Бухать будет.

Краснолицый огорчился:

– А я из Белова (город такой у нас в области), как и он. Выпить хотел с ним.

– Ну, выпей с нами. Я за него.

Он зашел – Боря. Женя, Маша. Он раньше тоже учился на историческом здесь. Отлично, пили крепкое вино. Боря много говорил про исторический факультет, поднимая палец и подчеркнуто четко произнося слова:

– Историков, что хорошо, учат учиться. Всех других просто учат, а историков учат учиться. Историк готов ко всему в жизни...

Боря говорить любил, и говорил. Мы все выпили, и он ушел.

– Я уже начал ревновать, – говорю Маше.

– Это еще к чему?

– Ну, что вы историки, а я нет. Я уже ревную, даже когда с тобой кто-то говорит.

Я хотел поцеловать ее.

– Но ты же сказал, что от тебя пахнет перегаром.

– Хорошо.

Я пошел, взял на полке зубную пасту, набрал ее в рот. Набрал в рот воды из кружки, которую я наполнил, когда был в умывалке. Я полоскал рот и думал, куда бы сплунуть. Было некуда. Я пошел к окну, залез на табурет, но упал. Маша веселилась, упал и магнитофон с подоконника, Носков замолк. Я поднял табурет, встал на него. Открыл форточку, залез на подоконник и сплунул в темный октябрьский вечер.

Мы целовались, лежали на кровати и целовались. И она говорила, что никто не называл ее своей девушкой. А я говорил: только ты же не будешь мне изменять? И говорил, что буду писать нежные сопливые стихи, исписывать рулоны туалетной бумаги. Никто никогда не посвящал

ей стихов, говорила она. У нее на спине, ближе к попе, оказалась татуировка, значок супермена. И милые белые трусики с кружевами. И я говорил, что вот так, мы теперь будем любить друг друга вечно, только не вздумай мне изменять. И мы могли бы заняться сексом, но я зачем-то сам сказал, что лучше это сделать через две недели, мне казалось, что так должно быть. И мы опять целовались, с такой страстью и, как мне казалось, в то же время в нежной невинной атмосфере, а потом ей надо было уходить. И я завидовал Носкову, которого она уносила с собой в сумочке.

4

– Евгений, приятно видеть тебя трезвым, – сказал мне Миша на следующий день.

Мы говорили и пили чай.

Мне не нужно было пьянствовать теперь. Любовь, все такое, да и денег не было. Я мечтал, валялся полдня на кровати, Миша то уходил, то приходил, Юра был на учебе. Проказова не было. Миша сказал мне:

– Евгений, ты был отвратителен вчера. Зачем-то пристал к Наде и начал говорить ей в таких жутких словах, мол, почему не всем девушкам нравится сосать. И прочую гадость. Она в шоке была.

– Да ладно, Миш.

В нем есть что-то такое романтично-толстогубое. Но он тип славный.

А я пролил чай на пол, хотел вытереть.

– Где взять тряпку? – спросил я у Миши.

– Вон, на батарее.

Я подошел к батарее:

– Трусами?

– Нет, тряпкой.

– А чьи это трусы?

– Мои.

– Черт, Миша, ты сам отвратен. Ты не знаешь, как надо делать: берешь бумажку. Хоба. Смотришь, если она коричневет – еще разок, другой. Хоба. И так, пока бумажка не выйдет из твоего зада белой. Или хотя бы стирай трусы нормально.

– Фу, Евгений, какая гадость!

– Об этом даже в книгах пишут. Так все люди делать должны.

– Ну и дрянь ты читаешь.

– Я думал, что у всех людей заложено от природы умение вытирать задницу. Но тебя это обошло.

– Все, Евгений. Сейчас начнешь!

Ох, уж мне эти губасто-романтики! Готовы срать под себя, но говно при них говном не называют! Пытаясь заставить себя считать, что на самом деле на его трусах была ржавчина от батареи, я взял тряпку и вытер чай:

– Миш, ладно, извинись там перед Надей за меня. И перед Юлей. Короче: перед всеми.

А ведь и в самом деле, скорее всего – это была ржавчина.

Потом пришел возбужденный и пьяный Проказов. Он говорил, почти кричал:

– Я сегодня признался ей в любви. Я признался ей, я сказал, что она воплощение ангельской красоты на земле.

Дрюча разувался, снимал куртку.

– Она придет через два часа. Ей нужно подумать над этим. Мне нужно поспать, я давно не спал. Я ЛЮБЛЮ ЕЕ ТАК, КАК НИКТО НЕ ЛЮБИЛ. Любовь всей моей жизни.

– Опять любовь всей жизни, – сказал Миша тоном, как будто внезапно захотел в туалет.

– Я люблю ее. – Проказов лег на кровать, потом опять встал. – Она воплощение ангельской красоты на земле. Лида – ее я люблю.

– Это, – спросил я, – та, которую мы эпатировали? Перед которой мы целовались?

– Да.

– Проказов, грязный ты педераст, – сказал Миша.

– Для меня это был первый и последний раз, когда я целовался не с девушкой, – сказал я, – исключительно ради эпатажа. Это лишь утвердило меня в моей гетеросексуальности, по правде говоря.

– Да он не очень-то хорошо целуется, – сказал Дрюча.

– Кто бы говорил, – сказал я.

– Евгений, включи какую-нибудь музыку, – сказал Дрюча.

Я включил магнитофон.

– Нет, не это, вот этот диск. – Он показал пальцем.

– Он такой требовательный, когда пьяный, – сказал Миша.

– Я люблю ее, – сказал Дрюча, он опять лег, потом сел на кровати. – Я брошу мир к ее ногам и растопчу его для нее.

Он жестикулировал и говорил о любви, потом опять лег.

– Все, мне надо спать. Скоро придет Лида.

Проказов спал. Я прочитал Мише стихотворение, которое написал Маше, он сказал, ничего. Там были медвежата, жирафики, прочее. Нежность, выворачивание себя наизнанку, демонстрация внутренностей.

Потом ночью я лежал на верхней койке, снизу спал массивный Юра. Когда он поворачивался, меня качало. Я смотрел в окно. Падал пушистый октябрьский, славный такой, снег. Этакое беленькое мягкое предчувствие зимы, любовь, тыры-пыры. Мне казалось, моя любовь честнее и чище проказовской. В ней меньше позы. Только моя любовь чего-то значит. А в имени Маша было много нежности и женственности.

Юра душевно хрюкнул во сне.

Я проснулся рано и спать больше не мог. Я все думал о том, как я влюблен, и, чтобы совсем себя не насиловать, решил сходить на лекцию, но и там думал о том же.

На перемене я спросил у Вовы Радайкина, моего однокурсника, который живет в одной комнате с Базаном:

- Что там случилось у нас с Ваней?

- То есть?

- Ну, я не очень помню. Вот, на днях мы повздорили.

- Ты курил возле шестого корпуса, и подошел Ваня. Он спросил, когда ты отдашь деньги. - Вова назвал мне имя того, кому я должен, которое я сразу же забыл.

- А кто это?

- Парень из нашей комнаты.

- И?

- И ты сказал, что это не Ванино дело, чтоб он отвалил. Ну и слово за слово.

- Ну, это вправду не его дело.

- Видишь ли - имя того, кому я должен, - он стеснительный. И Ваня поэтому сказал тебе. Потому что он сам не скажет.

- Ваня еще, поди, обиделся на меня?

- Ну да. Есть немного.

- Ладно, скажи, что я занесу деньги вашему чуваку.

До меня доперло, что с его фамилией. Радайкин. Там есть Апдайк в Радайкине. Джон Апдайк. Вот на что похоже. На фиг Апдайка. «Кролик, беги», «кролик разбогател», «а не пойти ли вашему кролику на хер?». Ладно, я почти не читал Апдайка, может, он не так уж плох. Он умер.

Маша пообещала зайти, но все не заходила. Я в этот день все ждал и ждал ее в общаге, а она все равно не заходила. У меня быстро билось сердце, я взволнованно прислушивался к шагам за дверью, но она не заходила опять.

Я написал два-три-четыре стихотворения о любви. А ее все не было и не было.

Я был один. Я сел и начал рисовать каракули на клетчатом листе. Рисовал себе, рисовал. Что-то внутри пульсировало и прыгало из стороны в сторону, как обезумевшая макака. Нежность. Нежность, которой некуда вылиться. Она стучалась и стучалась, а ей отвечали: иди, родненькая, на хрен отсюда. Некого обожать. НЕ-КО-ГО.

Не заметив как, я начал мелко-мелко выводить на бумаге слово «ЖОПА». Много-много раз. Я все его писал и писал. Потом поверх мелких «жоп» начал писать крупные «жопы». Потом я уже закрывал глаза, и все у меня было под веками в жопах.

Я начал смеяться и повалился на кровать.

Позже пришел Проказов.

– Не знаю, – говорил он. – Она меня боится или что. Или не хочет быть со мной.

Он говорил о Лиде, как будто играл в театре.

– А я, – ответил я, – нашел чудесный способ не замораживаться на эти любви. Садись и пиши на бумажке много-много раз слово «жопа».

Я показал ему листочек.

– Ну, как тебе моя магия?

– Не очень.

Дрюча валялся на кровати. Грустный и задумчивый. Я подумал, что мои жопы на бумаге для его любви не идут. Такое не видно со зрительских рядов, а это лишает его любовь – лишает чего? Любви, может. Хотя я, конечно, предвзято относился. Я смотрел на его любёнка с огромного столба моей Великой Любви.

На следующий день я выводил на бумаге слово «говно». Оказалось, что я писал столбиками. Исписал первую страницу – в ширину у меня получалось шесть «говна». Я посчитал в высоту листа – тридцать восемь. Я задумался: тридцать во-

семь на шесть. Ответ получался: двести двадцать два.

Двести двадцать два! Я радостно повалился на кровать. Но потом пересчитал: двести двадцать восемь, тупица. Вот она, твоя кишечечно-анальная бумажная магия. Вот она. Никакого тебе счастливого числа.

Потом я вспомнил, что уже два дня не ел, и пожарил картошки. Какое-то время было легче.

Потом Проказов увидел мою бумажку:

- Опять не зашла?

- Ну.

- Судя по всему, если я правильно понимаю логику, завтра ты будешь писать «пиздец».

- Почему ты так решил?

- «Жопа» - четыре буквы. «Говно» - пять. «Пиздец» - шесть.

- Нет, у меня не так. У меня в развитии: «жопа». Потом - «говно». А дальше - все. Конец. Слив.

- Так даже страшнее.

6

Я позвонил отцу, сказал ему, где я. Съездил домой и набрал продуктов. Отец дал мне денег, сказал, что будет понемногу выдавать мне из пенсии (я получаю пенсию в связи с потерей одного кормильца). Мы с Мишей съездили к Сперанскому и привезли компьютер. У меня была только одна игра, в которой черная овца бежит по полю и насилует белых овец. Нужно изнасиловать всех, но за тобой гонятся дед-пастух и собака. В комнату приходило полно народу, и мы все играли по очереди. Лида теперь тоже частенько заходила к Дрюче. Он ее обнимал, как обнимают, может быть, статую. Один раз он при мне зачем-то пересказывал ей книжку жанра фэнтези. Потом он говорил: «Она меня

боится», «Она еще девственница», «Сегодня мы просто спали вместе, и у меня всю ночь стоял, УЖАС» – такое. Почему-то другие так смешны в этих ситуациях, и только у меня все не так. Пока это не закончится – потом будешь думать, ба, ну я и придурок. А пока я сижу здесь, готовый сжулькать вас, измелить, лишь вы мне усмехнетесь краем рта над моими чувствами. И все остальное было тупым, и все остальные на фоне того, что происходит со мной.

Еще мы с Дрючей все время планировали начать ходить на пары. Я составлял у себя списки, на какие предметы мне надо ходить и в какие дни. А потом эти бумажки терялись.

Я несколько раз встречал Машу в универе, она говорила, что зайдет, но не заходила, или, может, заходила, когда меня не было. А я так волновался.

Юра переехал в другую комнату, давно собирался к парням, которые тоже ходят в читальный зал. Мы как-то раз встретились с Юрой на кухне. Или что это такое? В общем, в общаге на каждом этаже есть такое местечко с двумя раковинами и печкой (печкой этой при мне никто ни разу не пользовался). Я пришел мыть кастрюлю, а Юра мыл тарелки. Я ему:

– Здравствуй, Юра. Какая встреча. – То же самое я до этого говорил ему в туалете.

– Евгений моет кастрюлю? – с неповторимой иронией спросил Юра.

– Ну да, а что...

– Евгений в общаге. Евгений моет кастрюлю. Евгений, который говорит, что вся жизнь в ебле.

Ему удалось сказать последнюю фразу в тот самый момент, когда он домыл последнюю тарелку. Это было очень эффектно: сказал-домыл-пошел. Это он имел в виду эпизод (может, не только этот – может, были еще подобные), когда я проснулся вечером в их комнате с месяц примерно назад, после пьянки. Возможно, после той самой пьянки, когда мы

и поцеловались с Проказовым. Я проснулся, а там были Юра и Рома Загуляев. Рома – рыжий кудрявый типчик с первого курса социально-психологического.

– А где твоя Катенька? – спросил я у Ромы. Я в тот день его видел с ней вроде.

– Поссорились.

Я сел на кровати, поднял указательный палец вверх и сказал:

– Это все потому, что вы с ней мало трахались. Только трахаясь, можно познать человека. Нужно истрахать девушку вдоль и поперек, чтобы понять ее...

Я прочитал кратенькую импровизированную лекцию «Ебля – единственный способ познания женщины», попутно с досадой вспомнив, что сам месяц не занимался сексом. Юра сказал:

– Ну, Евгений, ты кретин.

И потом часто меня так называл, но с любовью называл, поэтому я на него не обижался.

Юра часто сидел в читальном зале и не прогуливал лекции. Проказов один раз сказал мне и Мише, когда я уже вписывался у них, а Юра еще не съехал:

– У Юры скоро день рождения, давайте что-нибудь придумаем.

– Что? – спросил я.

– Я сколько живу с Юрой, ни разу его не видел с девушкой. Он не говорит о них и даже, по ходу, не дронит вообще. Давайте ему снимем шлюху.

– Не, – сказал Миша. – Он скорее тебя трахнет. Он не сможет взять и вот так оторваться от учебы, от тетрадок своих. Не сможет почувствовать себя свободно. Не сможет со шлюхой тем более.

– Я вообще не представляю, – говорю я, – как можно заниматься сексом с проституткой. Это как-то не правильно. Потому что – ты заплатил деньги, надо, чтобы они были

заплачены не зря. У меня бы не получилось. И вообще это тогда лишается смысла. Тут же нужна специальная атмосфера. Проститутку, да еще и Юре?

– К тому же, – сказал Миша, – онанизмом Юра занимается, я думаю. Он просто обязан хотя бы иногда им заниматься.

В итоге мы вообще не сделали Юре подарка.

7

Я сидел в комнате один и пытался сочинить рассказ. У меня еще ни разу не получился нормальный рассказ, вот что я понял. Ну, может, два получились. Но мне хотелось лучше. Мне хотелось новаторства, мне хотелось надрать зады всем великим. Мне хотелось быть Гамсуном, Кафкой, Джоном Фанте и Маркесом в одном флаконе, мне хотелось вместо них написать «Голод», «Процесс», «Дорогу на Лос-Анджелес» и «Сто лет одиночества». Быть таким живым, как Гамсун, безумным, как Кафка, стремительным, как Фанте, и правдоподобным в таких необычных штукаках, как Маркес. Кто там был еще? Достоевский, Мариенгоф (всего с одним произведением), Стейнбек, ранний Хем, ранний Ремарк (даже у него среди говнища), Селин, Оруэлл, Фицджеральд, Сэллинджер и, конечно, Чехов, мать его за ногу. Много кого. Это только те типы, что сразу приходят на ум. И даже несколько ныне живущих, которых бы не помешало дернуть, живых и живущих со мной в одной стране! Но как трудно признаться себе, если у тебя есть хоть половина моего самомнения, что нравится творчество ныне живущего писателя. Трудно назвать его или их. Так что я задираю голову и смотрел только на мертвых, на Великих, хотя не знаю, умер ли Маркес? Ладно, я садился за рассказ, и мы выстраивались в ряд с ними, из стены торчали писсуары, в которые мы мочились, а я не доставал до своего! Они поворачивались ко мне, ДА У МЕНЯ ВСЕ

НОРМАЛЬНО, РЕБЯТА! Но они улыбались, и я еще уменьшался-уменьшался, все попытки достать тщетны. Я злился, струя отталкивалась от стены и прыгала на меня. Но только не сейчас! Сейчас я начал созревать, чуваки. Хо, да я был бы круче вас, я написал бы свой «Голод» (здесь ситуация соответствовала!), но в общаге вообще было сложно сочинять или даже читать. В этом дело.

Я поражаюсь Юре, который один раз учил уроки, когда я играл с двумя девчонками в карты на раздевание, распивая «Алко». Они сидели на кровати, уже раздетые до нижнего белья. Я сидел в трусах на стуле. Юра отвлекся от своих уроков, только когда мне пришлось снимать трусы. То есть я, вместо того чтобы их снять, сначала быстро показал задницу, а потом член. Юра начал смеяться:

– Ну, Евгений, ты кретин! Трусы он не снял, зато сначала жопу показал, а потом хрен! Ну, кретин!

А я не мог даже читать, когда кто-то был рядом. Сейчас, радуясь одиночеству, я уселся и начал писать рассказ. То есть собрался его печатать на компьютере. Сначала не получалось. Уединение? Вот же тебе и одиночество, ну давай, ебила! Ладно, подумал я, ах ты, сучонок, возомнил себя великим, всегда сваливаешь, урод, вину на обстоятельства, на то, что компьютер не работает, на то, что паста в ручке тебе не подходит, на то, что нет полного уединения, и никогда – на отсутствие таланта! Какое оправдание теперь ты себе найдешь? Клавиатура, может, виновата? Да? Клавиатура, наверное, заедает, а? Да уж, она, она – вина всему. Уж ты-то писатель бравый, поливаешь всех отравой. Я всего пару раз со злости ударил по клавишам, и тут вдруг пришло. Рассказ про Федю Крышкина. «Федя Крышкин. Пример запущенного гения средней руки».

Федя у меня изобрел удивительное приспособление непонятно для чего. Федя ясно понимал: сделай он так – и оно будет как летательный аппарат. А закрути он гайки потуже,

так станет устройство для ловли бабочек или доения кошек. Федя смеялся как ребенок, он был счастлив, счастлив и силен, силен и счастлив, как Бог. Федя пил водку и радовался. У меня поперло, я начал расписывать биографию Феди. Его папа был сапером, а мама лепщицейпельменей. Они свихнулись, и папа искал в пельменях мины, а мама была его скалкой. Федя ухаживал за своими родителями, как за детьми, пока не убил их. Потом он смог заниматься творчеством и изобретать...

Я уже напечатал с полрассказа, три страницы в «Ворде», я был уже силен и счастлив, почти как Федя Крышкин, когда в дверь постучали.

Двум гоповатым парням, на пару-тройку лет старше меня, было суждено спугнуть мою раненную в голову музу. Их приход дал мне право думать, что, если бы они не явились, я бы написал свой первый по-настоящему сильный рассказ.

Нет, Проказа нету.

Витя и Кот. Евгений.

Проказ будет скоро. Он в театре. Ну, у нас здесь в университете театр, он туда ходит. Участвует, в смысле – не смотрит, а участвует. Творческая натура.

Они зашли, сели. Я подошел к компьютеру, чтобы выключить свой шедевр, пока его не начали читать. Витя спросил:

– О, ты что-то печатаешь? Дай мне понабирать.

Я включил ему чистую страничку.

От этого Вити исходила огромная тяжелая угроза, хоть он был симпатичней и выглядел куда сообразительней Кота. Я сразу понял, что Витя не просто гоп, из числа тех, что докапываются на остановках. Он гоп в плане того, что у него может щелкнуть в голове, и всем фиеста. И плюс гопническое мышление налицо.

– А ты что, теперь здесь живешь? – спросил он.

– Да, я вписываюсь пока здесь. С батей поссорился, и из дома выгнали.

– Это ты дурак, что с батей поссорился, – неожиданно резко сказал Витя. – Отец всегда прав. Вообще всегда. Ты потом поймешь, что во всех случаях отец был прав. Батя может дать по морде, гнать, но он ПРАВ.

О?

Я не стал с ним спорить. Думаю, если бы ему не хотелось потыкать на клавиши, он бы еще долго говорил на эту тему. Но он спросил:

– Как печатать?

– Берешь и печатаешь.

Он начал искать буквы. Кот сказал:

– Пойдем.

Витя ответил:

– Отъебись, Кот. Дай я попечатаю.

Он, не сказать что очень быстро, но все-таки набрал:

«Андрей Проказов часто прогуливает лекции за что его надо отчислить без праа на восстановление».

Я подошел и поставил запятую после слова «лекции» и пропущенную букву в слово «права». Витя посмотрел на меня, но ничего не сказал.

Пришел Дрюча. Ребята начали о чем-то ему толковать. Надо было денег, кого-то выручить. Дрюча попросил меня сходить покурить. Я пошел в туалет и скурил там две сигареты.

Вышел из сортира и увидел Лиду. Она шла к Проказову.

– Привет.

– Привет, Женя.

Мы зашли. Дрюча сидел на кровати, Кот на стуле, Витя на уставшем кресле, которое стояло у нас рядом с компьютером. Проказов сразу встал и обнял Лиду, Витя смотрел на него. Я зашел и лег на одну кровать. Дрюча с Лидой сели на другую.

- Привет, - сказала Лида.
 - Это Лида, - сказал Дрюча, - это Витя, это Слава.
Витя смотрел на Дрючу и на Лиду.
 - Нет, - сказал Дрюча.
 - Но сильно надо.
 - Ну, нет. Правда.
 - Точно? - Витя смотрел на Лиду.
 - Точно.
 - Лид... - начал Витя неловко, но нагло.
 - Нет, - сказал Дрюча.
 - Да? - спросила Лида.
 - Нет. У. Нее. Нет. - сказал Дрюча.
 - Может, есть? - спросил Витя.
- Дрюча вздохнул.

Витя с Котом встали, попрощались и ушли. Дрюча опять вздохнул, глубже. К нему приходило много знакомых. У него много знакомых, он общается со многими людьми.

А рассказ про Федю Крышкина так и не был написан.

8

Проказов оставил нас пьянствовать, а сам пошел с Лидой в какую-то другую комнату смотреть телевизор, и Миши не было. На следующий вечер (или уже была ночь?) тут собралось народу человек десять. Музыка. Был вчерашний Витя, остальных я не знал - почти все историки. Я сюда зашел уже поддатый. Здесь мы сидели, пили водку по очереди из граненого стакана, много водки, и запивали ее джин-тоником. Парень со сломанным носом говорил:

- А мы не шутя бухаем. Вот, берем водку и с джином ее пьем.

У него вообще не было переносицы. Он трогал свой нос, и там, внутри, не было переносицы, ноздри были, а ее не было.

Я достал остатки всех штучек, которые привез из дома. Лечо, там, икра кабачковая. Пир.

Саша без переносицы был крепкий, слегка гнусавый парень, он говорил:

– Мы уже несколько дней бухаем. Вчера весело, блядина у меня отсасывала, а я уснул. Проснулся на полу, голый и в презервативе.

Друг Саши, модный парень, говорил:

– Да-а. Это я люблю. Это охеренная вещь, – говорил про кабачковую икру.

Саша учился второй раз на третьем курсе, друг его на четвертом учился.

Я решил заговорить с Витей.

– Что там у вас вчера случилось? – спросил я у него. Мне хотелось на всякий случай расположить его ко мне.

– Да нормально все.

– Нашли, как разобраться?

– Да.

Витя смотрел на всех так, будто он знает что-то такое, чего не знают другие.

Я вышел из триста тридцать пятой и зашел в Лидину комнату. Там были две девушки. Одна, Марина, была вредной стервой, но она один раз сварила мне картошки. Вторая в прошлом году училась со мной на потоке. Света. Я зашел пообщаться, по дороге подумал: зачем на Саше Без Переносицы был презерватив, когда девушка делала ему минет?

Разговаривал с Мариной и Светой. У меня начался сильный словесный понос. У меня иногда случается такое состояние, когда я внутри сильно пьян, а снаружи выгляжу просто вдохновенным. Я говорил барышням о том, насколько важно, чтобы люди любили друг друга, пил чай, говорил, что, когда любишь, все совсем по-другому. Секс по любви – совсем другое. По любви вы каждый раз не можете вдоволь заняться им, вы каждый раз делаете это, как последний раз,

как перед концом света, как по весне.

Потом я плавно перешел на разговор о писателях. Перебрал русских девятнадцатого века, перемыл им кости. Знаете, вот тоже хочется иметь большой талант, чтобы оправдывать существование, говорил. Блеснул эрудицией, рассказал о том, как Тургенев расталкивал на корабле женщин и детей с перепугу, чтобы залезть в спасательную шлюпку. Поговорил о зарубежных писателях двадцатого века. Нет, этих-то они не читали.

– Я вас еще не достал?

Они сидели на кровати, а я сидел на стуле.

– Нет, ты очень интересно говоришь, – сказала Света.

Опа. Надеюсь, удастся обеих, подумал я. Если не обеих, то Свету точно. К чертям, надо обеих. Тут в дверь постучались, что дало мне право думать, что, если бы в дверь не постучались, я бы занялся сексом с обеими. Я, что-то говоря, встал и открыл дверь, чувствуя себя как дома.

На пороге стояли двое. Тип, похожий на хорька, – мужик из УСБ, и мент. Оперативный дежурный, бя.

– Ты из какой комнаты? – спросил Хорек.

– Э-э...

– Тоже в триста тридцать пятой был?

– Да.

– Пошли.

Мы пошли к триста тридцать пятой. Здесь, в коридоре, была слышна музыка.

Хорек постучал, кто-то открыл.

Все, кто был в комнате, стали смотреть на меня. Общество, в коем явился я, не добавляло мне баллов. Хорек и мент стояли в дверях с каменными рожами. Мне почему-то казалось, что я должен найти проказовский пропуск в общагу, показать его Хорьку. Я начал искать пропуск на столе, под столом. Все остальные были неподвижны. Кто-то сказал:

– Бля-а.

Я искал пропуск Проказова, не очень понимая зачем, но все смотрели на меня, а так у меня было занятие.

Хорек сказал:

– Ну, все, давайте все вниз.

Все начали выходить из комнаты. Саша Без Переносицы спал в кресле. Я и Сашин модный друг пытались разбудить Сашу. Он, ничего не понимая, поднялся. Мы надели куртки и пошли на первый этаж, кроме двух человек, которые жили в общежитии, – они пошли к себе в комнату.

На первом этаже одна учебная аудитория есть, куда нас и завели, рассадили на стулья. Еще к нам подошел охранник с вахты. У всех нас проверяли карманы. Я по-быстренькому засунул свой студенческий, который был у меня в кармане штанов, в носок.

Они записывали имена и фамилии и кто с какого факультета, курса и группы, чтобы потом отправить докладные по деканатам. И отпускали. Когда спросил Хорек, как меня звать, я машинально ответил:

– Рома Молчанов.

– Где учишься?

– Я в школе еще учусь, в одиннадцатом классе.

– В школе? Не верится. А сколько лет тебе?

– Шестнадцать.

– Понятно. – Хорек повернулся к охраннику. – Пьяный он? – Потом опять ко мне:

– Ну-ка, вытяни руки. Ровно. Теперь присядь. Еще два раза, – опять повернулся к охраннику:

– Нет, не сильно пьяный.

Он не знал, что я пьяный – как дома.

Ха.

Мне позволили идти, я уже был близок к двери, но тут у меня выпал мой студенческий из штанины. Хорек посмотрел студенческий и сказал, тем самым лишив свою персону

любой симпатии с моей стороны на века:

– В школе, значит, учишься, Рома Молчанов... – Хотя в данных обстоятельствах, думаю, что бы он ни сказал, меня бы это не расположило к нему.

Хорек – худой, невысокий, в очках, пиджак как мешок, но он рожи корчит – аки крутой парень из кино.

Меня и Сашу Без Переносицы повели два мента в Центральное РУВД. Как раз пять минут ходьбы от общаги. Саша тоже пытался представиться иначе, вот нас обоих и решили отправить, чтобы отдувались за всех. Я был пристегнут наручниками к одному менту, Саша к другому. Тьфу ты, нет, я все-таки был пристегнут к Саше. Еще бегал Сашин модный друг рядом и тараторил:

– Саня мой друг, заберите меня тоже с ним, мне тоже надо.

– Иди домой. Поспи, – отвечал один из ментов.

– Но он мой друг.

– Иди домой. Тебя забирать не просили.

Мы шли. Холодно. Я как был в майке и штанах, накинул куртку, туфли обул и пошел. Без кофты, то есть – холодно. Снег шел.

Сашин друг все бегал вокруг и суетился.

– На хрен ты их привел? – спросил Саша у меня. – Можно же было как-то без них. – Он был сонный.

– Да я их не приводил. Я сидел у девчонок, они зашли и повели к вам.

– А? На хрен привел их?

– Скучно стало. Вот и привел.

Нас завели в отделение. Сашин друг грозился, если его не возьмут с нами (тоже мне, нашел, куда проситься), постоять всю ночь под дверью милиции.

– Да пожалуйста, – сказал мент.

Отобрали сигареты и заставили расшнуровывать обувь. Оформили, что надо. Про нас было сказано, что мы «устраивали дебош в общежитии» и «ругались матом

на оперативных дежурных УСБ университета». Нас завели в обезьянник. Камера была примерно полтора на два с половиной метра. Еще три мужика там были. И одна лавочка. Двое на этой узкой лавочке пытались спать, головами друг к другу, упираясь ногами в противоположные стены (у них получалось), один сидел на полу на заднице. Саша умудрился втиснуться между двумя на лавочке, я сидел на корточках, но и в таком положении быстро уснул. Проснувшись утром, начал болеть и волноваться. Было воскресенье, а судья по воскресеньям не работает. И еще теперь меня могут отчислить за нарушения внутреннего распорядка университета. Особенно если учесть, что у меня недавно уже была стычка с УСБ. И общагу мне не дадут, видимо, а я уже представлял, как я с Проказом и Мишей заживу счастливой жизнью. Ладно, тут появились два новеньких, они хорошо повеселились, подрались между собой, потом с ментами. Саша с фингалом и Макс. Двадцать три – двадцать пять лет обоим, штангисты. Как я узнал, с ними был еще Рома, но его увезли в больницу. Один драный опер здесь уже вывел Рому, дал ему по морде, потом вывел Макса, дал ему по морде, а у Саши этого был большой фингал – опер не стал его бить. А у Ромы челюсть стала свернутой, Рома сидел, ему было очень нехорошо, вот его и увезли в больницу.

– Бли-и-ин, – стонал Саша с Фингалом, – мой глаз. Охренели эти менты совсем. И коленка, моя коленка! Что-то с ней не так... Что они мне повредили? Как это называется? Мениск. Может, мне надо в больницу? И глаз, черт. Мой глаз. Как у меня тут?

– Сильно. Пряма гематома образовалась вокруг, – ответил кто-то.

Саша опять переключился на глаз:

– Вашу мать, ну менты. Мой глаз... Хорошо, хоть я еще им вижу. А то кто знает, что могло бы случиться. Обосраться

можно, это называется правоохранительные органы.

– Подожди, – говорил Макс, – а это не я ли тебе глаз подбил? А то я помню, кого-то я так, с правой, неплохо ударил, что тот отлетел?

– Это ты меня так?

– Ну, я не знаю. Я помню, что ноги аж подлетели выше тела, скорее всего, ты это и был.

– Макс, я херею, как ты мог?

– Извини... Хотя я не знаю, нет, скорее это был не ты...

– Тогда ладно.

– ...или пожалуй, что ты?

Они все пытались вспомнить: иногда приходили к выводу, что это Макс ударил Сашу, и тогда Саша с Фингалом обижался, иногда, что это менты, тогда Саша успокаивался.

– Вот у меня вечно это желание кому-нибудь пиздюлей навалить, – говорил Макс. – Выпью если, то все. Особенно мне нравится, когда бык здоровенный, бить его.

– Не знаю, – сказал Саша Без Переносицы, – у меня такого желания никогда не возникает.

Я то погружался в дрему, то очухивался. Сквозь эту дрему до меня донеслось:

– А мы все последнее время джин с водкой бухаем... Тут, позавчера блядина у меня отсасывала, а я так напился, что уснул. Проснулся в носках и презервативе...

Я опять хотел спросить, почему на нем был презерватив и какой вообще во всем смысл тогда, но опять забыл.

Потом Саше Б. П. принесли передачку: газировки, батон, колбасы. Мы все перекусили. Потом Саше С. Ф. принесли передачку: булку хлеба, лаваш и газировку. Мы все перекусили. Потом Максу принесли передачку: батон, пирожки и газировку. Так как делать больше было нечего, мы опять перекусили. Нам на шестерых выдавали две сигареты в час (один из вчерашних мужиков куда-то делся, а то бы нас было семь), а так как в моем кругу был

неприятный гнилозубый тип, я почти не курил. То есть старался покурить до него либо не курил. Потом пришел дежурный и сказал:

– Титов, на выход!

Саша Без Переносицы поднялся. Его выпустили. А я так и не спросил у него насчет презерватива.

Я около часа думал, что и меня выпустят, но по истечении часа до меня дошло, что за него вкинули денег, и настроение мое еще упало.

Ночью, правда, мы неплохо разговорились с Максом, остальные спали. Было холодно, мы засовывали руки в рукава, но все равно было холодно, мы вообще их засовывали внутрь маек, кофт и прижимали к телу, но все равно было холодно. Макс был тот еще типчик, много интересного рассказывал. Рассказывал, как в армии счел себя талантливым гипнотизером. О том, как собирался стать тибетским монахом. О том, какие погромы устраивал. Как наркоманил и как в итоге пришел к спорту. Я иногда умею слушать, и люди охотно мне о себе рассказывают. Он все рассказывал и рассказывал, я захотел использовать кое-что для своей писанины. Побольше бы таких людей, которые умеют так говорить: просто и интересно. Но тут у Макса разладилось с животом.

– Дежурный! – орал он. – Я уже не могу! Мне нужно в сортир!

– Заткнись! – орал кто-то из соседней камеры.

Наши даже и не просыпались. Дежурный не откликнулся.

– Сколько же мы съели мучного!

– Да, – подтвердил я, – довольно неприятно.

Макс ходил кругами, держался за живот, потом не выдержал, взял пакет из-под передачи и мучительно опорожнился в него. Бедняге пришлось подтираться этикеткой от газ-воды. Макс завязал пакетик, ручки завязал узлом, и выкинул его через прутья в коридор.

– Это еще что, – сказал он. – В армии мне один раз пришлось на скорости из машины через форточку срать.

– Везет тебе с этим.

– Желудок.

Утром на суд нас завели в большой зал. Народу было человек двадцать. Судьей по административным делам была женщина, и еще два мужика сидели рядом. Они по ходу этой канители переговаривались и иногда хихикали. Тетка называла фамилию, человек оправдывался, и его отпускали или (как правило, народ бичевато-алкашеватого вида) заставляли прибирать территорию этого чудесного здания. Еще двум при мне дали по пять суток. Очередь дошла до меня:

– Где вы учитесь? – спросила тетка.

– В университете на филологическом факультете, первый курс.

Я делал акцент на филологическом и первом, строил из себя девочку-целочку. Что я учусь второй раз на первом курсе, говорить я, конечно, не стал.

– А где Титов? С вами должен был быть Титов.

– Его вчера вывели и так и не завели, – отвечаю.

– Так... Вы знаете, почему вас сюда привели?

– Не вполне. То есть догадываюсь, как они это оформили... А я сидел в общаге у девушек, ел, задержался немного после одиннадцати, а у нас нельзя так... я уже уходить собирался...

– А у меня тут написано совсем другое.

– Это наше чудесное Управление служб безопасности. Им же надо оправдывать свое существование как-то...

Она посмотрела на меня. Я ей надоел. Мне надоело вот так стоять и оправдываться в этом зале, как в школе на классном часе. Мы были перед ней как глупые дети.

– Ладно, можете идти, – сказала она.

– Благодарю, – сказал я.

На улице уже был морозец, минус пятнадцать где-то.

Я бегом добежал до универа и направился в общагу. Кто-то со мной здоровался по дороге, но я шел быстрее, чтоб никто не подошел близко, от меня воняло. Я разбудил Дрючу, он открыл.

– О, Евгений, – сказал он, – а мы ходили к тебе, и нам сказали, что ты проведешь там пять суток. Я уже хотел занимать деньги – передачи тебе носить.

– Фигня это все, – сказал я. – Как у тебя? Тебя будут дрючить за это все?

– Наверное, – сказал он. – Знаешь, как они вас впалили?.. Тут кумар шел в коридор. Дыма до хрена... А они сами бухали в двадцать третьей. И еще кто-то ввалил, как ты выходил в тридцать девятую комнату... И еще, Евгений, от тебя ужасно воняет.

– О, спасибо, я в курсе, – сказал я и пошел в душ. То есть сначала нашел полотенце, потом пошел. Ну, неважно.

9

Я был один в комнате, зашел Витя, поздоровался и сказал мне:

– Ты что тогда этих ублюдков привел?

– Это они меня.

– То есть?

– То есть они, по словам Андрея, увидели, как в коридор валит дым из комнаты, а еще кто-то ввалил, что я был у девочек. Они выцепили меня и повели к вам.

– Ну-ну. – И он сел на кровать.

Затем зашел Миша и начал что-то искать.

И Тут Вошла Маша.

Она вошла, сердце мое забилося, мне нужно было, чтобы Витя с Мишей ушли, я начал волноваться, усадил ее. Хо-хо-хо, она зашла, зашла-зашла-зашла – так что можете съесть свои трусы. Только вот у меня не было определенного плана действий. Я спросил:

– Хочешь чая?

– Давай. Только я ненадолго. У меня скоро пара.

Я побежал набирать воды в чайник, вернулся, и Витя с Мишей ушли. Да-да-да! Я уселся и неловко, сбиваясь, стал читать Маше стихи. Она сидела, даже не сняв куртку, я предложил ей снять.

– Я, наверное, уже пойду, – сказала она.

– Нет, нет, подожди.

Я стал маленьким желтеньким. Маша!!! Маша!!! Я не знаю, как себя вести. Купите мне спальный мешок, и я там спрячусь.

– Можешь проводить меня до второго корпуса, – сказала Маша. Любовь моя красивая и трагичная с элементами панического страха и свирепой страсти.

Мы вышли, я закрыл комнату, но туда шел Миша, и я отдал ему ключ. Мы дошли до второго корпуса, по дороге я пытался начать фразу, пытался сказать что-нибудь, чем выразить то, что внутри, но слов не находилось. Я неловко поцеловал Машу в щеку. Пошел обратно в общагу, но дверь в триста тридцать пятую была заперта, я пошел в четыреста двадцать шестую, но там никого не было, и я пошел в универ, чтобы вообще куда-то пойти. Я ходил в тапочках из одного корпуса в другой, непонятно, зачем ходил, несчастный, и чувствовал потерянность и недоумение. Ходить в тапочках по универу после того, как к тебе была холодна любимая женщина, после того, как она сказала «можешь меня проводить», – занятие паскудное. Сам сейчас расплачусь. Но тогда, нет, не расплакался.

Мы в пятницу вечером остались с Мишей вдвоем. Дрюча уехал до понедельника, и Мишина Юля уехала до понедельника, кто только не уехал до понедельника. Мише пришли

на карточку деньги от родителей.

– Пойдем на ночь в компьютерный салон, – сказал он.

– А если там заняты все места?

– Не заняты.

– А если заняты все места, как я попаду обратно?

– Придумаем что-нибудь. – Он говорил таким беззаботным тоном, что я согласился пойти.

Мы ходили, все места были заняты. Мы купили пива и пришли обратно. Так как время было уже около девяти, переход из универа в общагу был закрыт. И мне нужно было пройти через охранника.

– Ну, и как я попаду обратно?

– Не знаю.

Я подумал, потом сказал:

– Иди пока, я придумал.

Он пошел, а я зашел в курилку: в курилку попадаешь, не проходя через охранника. В курилке одиноко и трагично сидела Марина, филфак, третий курс.

– Привет, – сказал я. – Ты мое спасение.

– Да?

– Да.

– Ну?

Я объяснил ей, что мне надо попасть внутрь и что, если пойду без куртки, будет лучше.

– Хорошо, – сказала она. Я удивился, что она так легко согласилась. Обычно у людей появляются (особенно у девушек) важные дела, боли или голодные родственники, если просишь даже о пустяке. Я снял куртку и хорошенько свернул ее. Она взяла мою куртку в руки и пошла к себе на четвертый. Я подождал пять минут и тоже пошел.

– А ты оставлял студенческий? – спросил у меня охранник.

– Нет. Я сейчас только куртку заберу и уйду.

– Ладно, иди.

Я пошел, уже был на лестнице, когда услышал:

– В какой комнате ты?!

И я решил подняться бегом. Зашел к Марине за курткой и пошел пить пиво с Мишей, но на душе был жуткий дискомфорт. Не все так просто.

– Не гони, – говорил Миша, – он поймет, что ты его наебал, подумает: ну и хрен, и все.

Мы пили пиво, пили и пили пиво и курили в темноте, на всякий случай. Миша рассказывал о том, как они сдружились с Проказовым, о том, как где-то на одной пьянке Проказ сказал, что все фигня, лишь посмотришь на небо, и они сдружились. Миша еще что-то говорил о том, что ему как-то не так, чего-то не того, и неизвестно, что с этим делать.

– Ты просто фуфрымуфрыжник, – сказал я. И удивился, что я придумал этот дебильный термин. Но мне хотелось говорить что-то, обобщить что-нибудь, показать, что я понятливый, и поэтому, когда он спросил, что это значит, я сказал:

– Такой же, как я, фуфрымуфрыжник, человек с огоньком в заднице, человек, который бегаёт у себя в голове из-за этого огонька.

Мы разговорились. Я прочитал ему два рассказа с компьютера: «Дайте автограф чувствительному юноше» и «Это тебе не подружек жены драть». Мне захотелось, я чувствовал себя тупо от этого желания почитать рассказы свои, и язык у меня немного заплетался, я уже опьянел, но я дочитал.

– Это у тебя религи, – сказал Миша. – Такое религи нехеровое. Тебе бы в этом же стиле создать какое-то пространство фантастическое, но в то же время, чтобы это было религи. У меня у самого есть задумка...

Тут он разошелся и начал рассказывать, какой замут он придумывает. Фэнтези с наворотами, со смешением мифологий.

– Проказ тоже пишет фэнтези. И Юля с Аней пишут фэнтези, – сказал он.

– О, – сказал я. Тут сложно было что-то добавить. Я читал проказовское фэнтези. Стихи Дрючины мне понравились. Они были простыми и сильными, хотя и написаны стандартным слогом, который, на мой взгляд, больше подходит для песен. У меня поверлибристей стихи, ладно. А про фэнтези просто скажу: читал. Может, у меня просто неправильное отношение к этому жанру. А?

– Это же настолько интересно – создавать, развивать идею.

– А Базан пишет роман в стихах, – сказал я и засмеялся.

Дурак, дурак, ты, Евгеша. Мне стало неловко, я подумал, что мне кажется, что у него (Базана) лучше с девушками. Поэтому я использую роман в стихах для себя как оружие. Оружие против чего? Против того, что у него лучше с девушками. И в любом случае – он меня победил, победил тем, что не думает обо мне наверняка сейчас. А я тут бегаю с этим романом в стихах, вижу его и думаю: ха-ха, роман, роман в стихах. Фу. Надо еще занести этому парню тридцатку.

– А насчет твоих, – сказал Миша. – У меня есть знакомый, который может их опубликовать в газете. Только если немного подправишь.

– Маты?

– Да, маты.

– Не получается у меня без матов. Я же не Федор Михайлыч.

В дверь постучали. Я ссыкливо вжал голову в плечи:

– Это менты.

– Не будем открывать, – сказал Миша.

Они сделали несколько трюней пальцами.

– Свои кто-то, наверное, открою. – Миша все-таки пошел открывать.

Я залез под покрывало. Какие-то два парня, Миша стоял

и говорил им остаться, но они сказали, что оставили на вахте студенческие и не останутся. Тогда я придумал кое-что и вылез из-под покрывала.

– Раз вы уходите, тогда давайте сделаем так: Миша даст вам денег, спустится в курилку, а вы сходите до ларька, купите пива и передадите Мише. А то у нас тут пиво подошло.

Они согласились.

– А, – сказал я Мише, – ты лучше возьми ключ, сам войдешь.

Я остался один, тихонько играла музыка, я покуривал, допивал остатки пива, пребывал, так сказать, в согласии с миром, то да се. И тут в дверь постучали.

Я замер и сделал большие глаза. Хрен вам: никого нет.

Тогда они сделали трень-трень, трррынь пальцами, как делали парни, заходившие сейчас. Может, это Миша, и он все-таки забыл ключ? Я подошел тихонечко к двери и посмотрел в замочную скважину. Увидел кусок ноги, который мне показался доброжелательным. Я открыл. За дверью стояли два мента.

– Здорово, – сказал один.

– Ох-ты-боже-мой, – сказал я.

Они зашли. Сволочи, даже не спросили позволения и прошли, мать их. Зашли, включили свет:

– Ни хрена себе, вы что, тут порядок не наведете?! – сказал первый. – Как тут жить?

– Это какими надо быть свиньями, – сказал второй. – И как тут накурено, это вообще.

– Показывай пропуск, – сказал первый.

– У меня нет пропуска, – сказал я. – Я уже собирался домой: время-то еще – двадцать минут двенадцатого.

– А где хозяин комнаты?

– Он пошел посрать.

– Ладно, не заливай. Небось тебе ключи оставили на выходные?

– Да нет же.

– Пойдем вниз.

Я не стал надевать свою куртку, потому что у меня в кармане там был студенческий и даже вроде паспорт. Я это помнил. Надел Мишину. Они проверили карманы, достали оттуда деньги, больше там ничего не было. Деньги дали мне обратно.

Потом опять я сидел в этой аудитории на первом этаже. Со мной остался один оперативный дежурный, бля. Здоровый и говнюк. Он сел на парту и начал играть ключами.

– Имя и фамилия, – сказал он.

Я устало и тупо смотрел на него.

– Имя и фамилия! – Таким голосом говорит, будто он мой хозяин или типа того. Мне это не понравилось.

– Что – имя и фамилия? – сказал я, подражая ему. Я уже ни фига не соображал.

– Ты вконец охуел, что ли? – Я его удивил.

– С хера ли? Я в чем-то провинился?

– Ты еще будешь материться на меня?

– Это я матерюсь разве?

Он встал:

– Имя и фамилия!

И, не знаю, как такое могло произойти, не знаю, насколько сильно может протупить человек. Я сказал:

– Рома Молчанов.

Всегда это долбаное имя выскакивает у меня изо рта, когда милиция спрашивает, как меня зовут. С десятого класса, с первого моего задержания, с пятнадцати лет, пятый раз за три года я назвался так.

Он усмехнулся и вышел.

Вернулся через пять минут, подошел, глядя на меня, как на идиота, вытянул руку в мою сторону, сказал:

– Ну, Рома Молчанов-Алехин, въебался ты по полной программе.

Я свел брови и вздохнул. Видно, Миша был не прав, и я был не прав, и охранник сегодняшний заимел на меня личную обиду за то, что я его наебал. Извините, что я ругаюсь, я хотел бы без матов, но это слишком сложно. Слово надурил тут не подойдет. А других с подобным значением не могу сейчас вспомнить. А насчет того, что персонажи матерятся, я не виноват.

Я ждал, что придет Миша, скажет, что я просто задержался, но уже собирался уходить, и меня отпустят. Но нет.

Говнюк принес мне бумагу и ручку, сам опять сел на стол:

– Пиши объяснительную на имя Попова, начальника УСБ.

– Зачем?

– Объясни причину, почему ты покурил в комнате, почему ты пил пиво в комнате, почему ты был один без хозяина комнаты в комнате после одиннадцати.

– Не хочу я писать ничего.

Он встал.

– Ладно, напишу. Но я отрицаю, что я пил и курил в комнате.

– Пиши про это тоже!

Я написал только о том, что я такой-то и такой-то сидел в общаге в неположенное время, потому что пришел помочь сделать хозяину комнаты домашнее задание, и мы уже почти закончили, когда он пошел в туалет, а меня увели.

– Напиши, почему ты курил и пил! – настаивал он и играл своими вонючими ключами.

– НЕ БУДУ!

Он подошел уж очень грозно.

Я написал, что не утерпел и скурил сигареточку без ведома хозяина комнаты, пока он был в сортире. И что за пять часов до настоящего момента выпил бутылку, ноль пять, пива. Все, на что хватило моего писательского таланта. Евгений: за скромную плату пишу объяснительные и любовные

записки. Звоните вечером.

– Хватит, пойдет, – сказал говнюк. У него даже не хватило ума заставить меня написать имя и фамилию «хозяина комнаты». Там, на бумаге он походил на привидение.

Догадываетесь, куда я попал дальше? Правильно, в Центральное РУВД. На этот раз меня привезли на машине, но, когда приехали, сразу мы не пошли внутрь. Мы сидели в «бобике» и курили.

– Господа, – говорил я ментам. – Давайте я куплю вам по пиву и поеду домой. А если подвезете, того гляди, и по три пива.

Менты только смеялись, а положительного ответа не давали. Я их все уговаривал:

– Ну, правда, мне совсем нечего делать в обезьяннике. Вы знаете, там грязно? К тому же мне пора домой. Уже две недели там не был. Ужасно.

– Так, все, хватит. Пойдем, – сказал один.

И повел меня. Я еще попробовал уломать его, но ему было все равно. Я сказал:

– Ну, и хрен на тебя.

Он зарядил мне в челюсть, завел внутрь и сдал другому менту, у которого был голос, как будто камни во рту у него были. Рядом сидел еще один, но почти сразу ушел.

– Что, баб трахал в общаге? – спросил Камнеед.

– Да нет.

– Значит, не трахал, потому и забрали? – и засмеялся. Увидел, что я не смеюсь, и стал смотреть на меня с неприязнью.

– Расшнуровывай обувь. Так... ты у нас как дебошир... С общаги на Васильева. Ввели вам эти ебанутые службы безопасности, ха. А у нас уже есть один! Вот я тебя к нему и подсажу, будете там вместе про дебоши хвалиться! – Он был очень рад своей затее.

Я начал расшнуровывать. Мне было грустно.

– Можно позвонить? – спрашиваю.

– Звони, только не долго, – он достал потрепанный телефон.

Я позвонил отцу. Вот наш разговор:

– Да?

– Здравствуйте.

– Здравствуй.

– У меня тут проблема небольшая.

– Да?

– Я тут в милицию попал.

– И что?

– Ты не мог бы помочь?

– Как?

– Подожди.

Я отложил трубку.

– Как мне не остаться здесь сегодня? – спросил у Камнеда.

– Никак.

– То есть никак? Мне ни в коем случае не стоит здесь оставаться!

– А может, можно и не оставаться...

Я сказал в трубку: через десять минут перезвоню.

– Пятьсот рублей, – сказал Камнед.

– Тебе на руки?

Он посмотрел недобро. Я заговорил, чтоб отвлечь его от этой недоброты, и полез в карман за деньгами.

– А у меня как раз есть, – говорю, – вот, сегодня деньги получил.

– За что получил?

– А я поэт-песенник, – зачем-то сморозил я. – Песни детские сочиняю.

– О, – обрадовался мент, – сейчас споешь!

– Иди ты!

– Или в камеру!

Я внимательно посмотрел на него выпученными глазами.

- Я серьезно, - сказал он.

- Вашу мать! - ответил я устало, и потом мученическим голосом спел один куплет:

В руке карандаш, на столе лист бумаги
Я знаю, сейчас получится нечто
Во мне много желанья и не меньше отваги
Я рисую танцующих человечков

- А дальше? - Вот тип попался. Бог ты мой, Машенька, моя Машенька, хорошо, что ты не видишь моего унижения. Ладно, я спел припев:

...Они живут в нарисованном мире
Они проходят километры и мили
И все танцуют, танцуют, танцуют
Их еще нарисую, рисую, рисую я

Этот текст я действительно продал. Еще в одиннадцатом классе.

Камнеед хлопал в ладоши. И смеялся как придурок.

- Можешь зашнуровывать, - сказал он.

- Может, триста рублей? - спросил я.

- Пятьсот. - И тут у него рожа стала хитрой. - Хотя, если еще что-нибудь споешь...

- Ладно, пятьсот. - Я его ненавидел.

Я взял телефон снова и опять позвонил отцу.

- Да?

- Тут у меня уже все нормально.

- Понятно.

- И я иду домой.

- Куда домой?

У меня екнуло внутри.

- Как куда? К вам.

– ...Хорошо, – ответил отец. Папа – так ведь тоже его можно бы было называть?

И я шел по морозу в минус двадцать. Шел без шапки, и было очень холодно. Все было глупо. И теперь меня обязательно могли отчислить. И я очень уж идиотом себя чувствовал, и еще надо Мише пятьсот отдать. И, наверное, с Машей ничего не выйдет, не понравились ей стихотворения или еще что-то. Или я не понравился. И теперь у Проказа будут из-за меня проблемы. Я шел и ругал себя. Часа три шел до дома через город ночью, но что-то все-таки было приятное в этой прогулке. Мороз меня пронизывал, небо было черное и звездное, казалось, я никогда не приду, я помру по дороге, у меня начался сушняк, но все равно что-то тут было хорошо. Интересно, что? Мне светили звезды и отчисление, я шел домой, матерился, ненавидел свой тупизм, группу «Рефлекс», передачу «Окна», Управление служб безопасности Кемеровского государственного университета, латынь, но мне хотелось домой, и я шел. Когда идешь так, сжимая кулаки, ощущая свою глупость, стараешься быть похожим на грецкий орех. Стараешься выставить это для себя со смешной стороны. Стараешься не дать этим мыслям, мыслям о том, как стоило бы поступить, лезть в голову. Они дразнят, ты с мазохизмом щекочешь ими свое тело, пытаешься перестать. И надо сильно отталкивать ногами асфальт и высоко держать подбородок, и тогда появляется определенное величие, и тем даже больше оно усиливается, чем глупее сложившаяся ситуация, в которую попал. И тогда прекращаешь внутренне ныть и уже не чувствуешь ни дискомфорта, ни холода.

Какой-то эпизод отжил, ладно.

2004, Кемерово

ТРЕТЬЯ ШТАНИНА

Мыло и вода вредят коже гораздо больше, чем грязь.
М. Оппенгейм. Энциклопедия мужского здоровья

Шикарная жизнь, книги, автобусы, времена года, университеты, но университет сгорел. На университет упал самолет, под университет подложили бомбу, он просто исчез с лица земли; поэтому книги, автобусы времена года, весна – вот какое время – март месяц, и, наконец, биржа труда.

Биржа труда – четырехэтажное кирпичное здание, открываешь стеклянную дверь, поднимаешься на второй этаж. На втором этаже много объявлений, а по средам за столами сидят люди с табличками, на которых написаны названия их компаний. Но к этим людям подходить как-то неловко. Легче смотреть объявления, а если при себе иметь ручку и блокнот, то можно даже записывать номера телефонов. А если хватит смелости, то потом звонить, устраиваться на работу, зарабатывать деньги, собственные деньги, и обустроить жизнь. Зеленым отмечены работы с зарплатой меньше трех тысяч рублей, а на другие и смотреть-то не стоит. Здесь небольшая заминка: как же обустроить жизнь на три тысячи рублей? – и следуем дальше. Есть еще кабинет, там стоят компьютеры, можно ввести свои данные в компьютер, мы ведь живем в начале XXI века, и компьютер тебе выдаст несколько вакансий по твоим запросам. Но это все неловко, странно как-то, биржа труда – место, где чувствуешь себя неудачником.

Биржа труда – это живое существо, которое смотрит на тебя, как на насекомое. Бирже труда нет дела до моих мыслей, до моих стихов, до яркого пламени, до пожара моей души, нет дела до работы моего интеллекта, поэтому в гробу

я видел ее в белых тапочках. По мне уж лучше пройти сто метров до пятой поликлиники, потом пройти мимо пятой поликлиники, перейти дорогу, а там уже в пятиэтажке на четвертом этаже живет Игорь. Прямо над кафе “Встреча”. Нужно крикнуть его, и он спустится. Либо скинет ключ от подъезда. Но сначала я два номера все-таки записал на бирже, не зря же ходил.

* * *

Мы сидели в комнате Игоря, пили водку, читали стихи и курили “Балканскую звезду”. Я, Игорь и Андрей Калинин – настоящие поэты, на мне еще была синтетическая кофта, которую я надел пару дней назад. Вообще-то я не ношу синтетики, но все остальное было у меня грязным, вот я и надел ее, – и теперь кофта пропиталась дымом и воняла, как способна вонять только китайская вещь. И вот мы пили, говорили, курили, читали стихи, на полу облеваный матрас, и после какой-то по счету бутылки сочиненное Андреем мне уже почти нравилось, несмотря на все его “перманентно таю” и всякие “je t’aime melancolie” в текстах, посвященных объектам неопределенного пола и возраста. Ведь состояние было такое – уже не пьянеешь, а только поддерживаешь себя, все время находясь на грани, мир из стекла, твой разум совершенно ясен, но стоит отступить на шаг – и все разобьется на кусочки, это как хождение по канату, такое происходит, только когда пьешь не первый день. А потом Игорю позвонила его девушка Таня, с которой они то ссорились, то мирились.

– Я на пять минут, – сказал Игорь и ушел на несколько часов.

Он ушел, а мы с Андреем все допили, и ясность развалилась, а осталось одно похмелье, и было ощущение, что оно никогда не пройдет, во всяком случае у меня, что это будет

“перманентное” похмелье и будет оно фоном дальнейшей жизни. И говорить нам теперь с Андреем было особо не о чем, слишком он уж был похож на гея, хотя и пил будь здоров, а во мне тогда уже начинали проявляться задатки го-мофоба. И когда ушел Игорь, его друг Андрей как бы перестал быть моим другом. Мы просто сидели – два случайных пассажира. Значит, мы сидели в комнате и боялись выйти. Потому что снаружи – мама Игоря, собака Игоря, дикая маленькая сучка, которая залает так тонко, и так противно, и так неостановимо, что скрежет в желудке и в душе начнется. Поэтому мы в итоге стали мочиться в пластиковые бутылки из-под лимонада, чтобы не смутить скрежетом свои желудки и души. А потом к нам постучалась мама Игоря и дала мне трубку.

– Да? – спросил я в трубку.

А это был мой приятель Костя Сперанский. Он мне сказал, что меня очень искала моя девушка, не могла найти и попросила его попытаться меня разыскать. (Костя был ее одноклассником.) Я сразу вспомнил, какой я негодяй, ведь у меня есть любимая, а я себе тут пью, забыв о ней. Сердце мое наполнилось чувством вины и нежностью. А Сперанский знай себе продолжал пересказ, что она очень рассержена на меня, не только за то, что я пью несколько дней подряд, а еще за что-то, чего она ему не сказала, но намекнула так, совсем недвусмысленно, что ничего хорошего меня за мои грешки перед нею не ждет. Я-то сразу понял, насчет чего она не погладит меня по голове. А насчет того, что на поэтическом вечере я напился и занимался с ее подружкой Анной Г. гадкими вещами, и, хотя и делали мы это всего-навсего руками, девушке моей это не должно бы по нраву прийтись.

– Только, пожалуйста, давай я сам расскажу об этом, – попросил я Анну Г. после этого срамного случая, провожая ее домой, элегантно предоставив ей возможность идти со мной под руку.

– Зачем? – спросила Анна Г. таким тоном, будто ни в коем случае нельзя никогда в жизни об этом никому говорить.

А сама разболтала вперед меня. Женщин надо срочно расстрелять, они сами делают гадости своим подругам, а потом, узнав, что ты, наивный, еще тешишься надеждой остаться хорошим и честным, успевают-таки придумать себе оправдание. Короче, зря я поделился с Анной Г. своим намерением скормить своей девушки кости скелета из моего (и ее, Анны Г.) шкафа. Так бы, может, все обошлось, я бы раскаялся, и все бы обошлось. Но Анна Г., будь она неладна, меня опередила, еще и до кучи изобразив (я уверен) жертву. Как бы там оно ни было, Сперанский сказал мне про мою девушку:

– Она сказала, будет ждать тебя в полшестого на Главпочтамте.

– Спасибо, до свидания, – сказал я Сперанскому.

И мы вербально разъединились.

– Ирина Витальевна, – позвал я маму Игоря, чуть приоткрыв дверь из комнаты.

– Гав-вя-вя-вя-вя, – раздалось в ответ.

– Ирина Витальевна, закройте, пожалуйста, Филечку, пока я выйду! – видимо, сначала, думали, что собака кобель.

– Мне срочно нужно идти!

– Это очень хорошо, что тебе нужно идти, – сказала мама Игоря. Видимо, ей вся эта поэтическая жизнь сына не улыбалась.

У меня было недостаточно мелочи на маршрутку, поэтому я взял еще у Андрея несколько последних монеток, хватило как раз – тютелька в тютельку, поэтому я попрощался с Андреем, привет говорю Игорю, попрощался с мамой Игоря и ушел. И противный лай Филечки, раздававшийся мне вслед из-за закрытой двери в зал, был недобрым напутствием, и вот он я, немного опоздавший, встречаюсь со своей девушкой возле Главпочтамта. Как раз начиналась в те

дни мартовская капель, все, казалось бы, располагает, чтобы думать только о хорошем, а моя девушка с ходу, без предварительной, так сказать, разминки, задает мне вопросы, которые и являются в тот же момент претензиями:

1. Почему она должна звонить моим друзьям, искать меня несколько дней, когда это я – кавалер – обязан заниматься такими вещами?

2. Должна ли она терпеть, когда ее парень ковыряется у других девушек черт знает где?

3. Почему я сам не соизволил ей об этом рассказать?

4. Какого же черта было делать это с ее подругой, неужели нельзя было найти себе бабу, которую бы она, моя девушка, не знала?

...Я думаю, были и пятый и шестой пункты, и еще претензии, но они все повторялись по многу раз, все шло по кругу, на каждом круге на все более высоких нотах, и я уже перестал все это дело воспринимать, потому что на седьмом круге смысл, что характерно, иссяк. И потому, что слезы заволкли мои глаза, был я несчастен и виноват. Виноват безмерно, лепетал я все оправдательное, что приходило в мою голову. Такие дела, но потом мы сели на лавочке, целовались и обнимались, как, наверное, приговоренные к смерти, поцелуи утопали в слезах. Горячие поцелуи, да вот только, говорит она мне, люблю я тебя, но не быть нам вместе. Здрасьте, приплыли. Не быть – это никуда не годится. А я говорю: все будет по-другому. Так мы просидели полтора часа, одни в целом мире, но уже нависает угроза разлуки, мелодрама, как мыльный пузырь, который все раздувается и никак не лопнет, и вот уже весь мир внутри этого пузыря, а я так и не уговорил ее быть со мной. Поэтому в конце концов я пошел, оплеванный и разбитый, в свою сторону, а она печальная, любящая, но деловито-бросившая, соответственно, в другую. Вот тут-то я вспомнил, что у меня нет денег на обратный проезд, догнал ее, попросил

восемь рублей. Мы еще обнялись, всплакнули, я даже чуть не рассказал ей, что она на самом деле у меня была первая (вообще-то вторая, но фактически первую я никогда и в расчет-то не брал), что соврал я ей про все былые подвиги, про одиннадцать своих девушек, что случай с Анной Г. был просто бредовой идеей апробировать новую. После этого случая убедился, что и не хочу-то никого, кроме моей, с этого момента, бывшей девушки. Но я не сказал, потому что мыльный пузырь все-таки лопнул. К слову сказать, я знаю, из-за чего лопаются мыльные пузыри – из-за гравитации. Сила притяжения заставляет стекать мыльную воду с верхнего полюса к нижнему полюсу – так они и лопаются, так лопнул и наш пузырь, и мы разошлись, после всего этого вечера, пустого разговора, и я оставил главное при себе. Сел я в маршрутку с этим бесполезным невысказанным главным – и был таков.

А все потому, что я бросил университет. Не надо было этого делать, так бы мы на переменках встречались с моей девушкой – поцелуйчик – и разбегались бы по занятиям. Мы бы видели друг друга, любили бы друг друга и были бы вместе еще ой как долго. И чтобы остаться в университете, всего-то нужно было лизнуть зад проректору по воспитательной части, человеку по фамилии Волчек, так сказала моя куратор.

– Иди на ковер к Волчеку, а лучше на всякий пожарный захвати своего отца, – так она мне сказала. Но зад я не стал лизать Волчеку, тем более и не подумал подрядить к этому занятию своего отца. И бросил. Дело было еще и в том, что я уже видел себя рабочим человеком, я мечтал наточить свой внутренний стержень, узнать людей такими, какие они есть в жизни. А сидя в аудитории, жизни не поешь, так думал я, поэтому, когда меня еще плюс бросила девушка, я страдал, как триста униженных, но где-то в душе я наслаждался, я ликовал появившейся возможности стать одиночкой, ведь

теперь я отвяжу тросы и отправлюсь в путешествие, из которого вернусь настоящим мужиком.

Так начиналась весна.

* * *

Вот я сижу перед телефоном, и у меня есть два варианта решить свою судьбу на ближайшее время. Два варианта – два номера. Два номера – два собеседования. Я записываюсь на оба собеседования в один день, хотя больше хочу устроиться охранником. Пусть платят всего две тысячи, неважно, главное, что у меня будет самая простая работа в мире, к тому же с графиком сутки через трое. И вот я еду на собеседование, пусть это находится в дальнем районе, сначала ехать на автобусе, потом еще ехать на троллейбусе, но зато мне придется работать сутки через трое. Я вылез на нужной остановке и ходил в течение часа, хорошо – с запасом приехал, тут все какие-то заводы, заводы, не мог найти нужный адрес. А когда нашел, подошел к вахте и говорю вахтеру с белыми волосами:

– Мне на собеседование.

Он посмотрел на меня недоверчиво.

– На какую вакансию? – спрашивает.

– Охранником, – говорю.

А он смотрит на меня и говорит:

– Уже не нужен. Иди домой.

– Мне записано, – говорю.

– Иди, – говорит, – домой. Ты слишком молодой.

– Мне записано, – говорю. Ох, и возмутился я. А он сидит, газету перелистывает, не обращает внимания. Я час искал это место, а какой-то беловолосый хрен, какой-то охранник-высочка счел себя вправе решать мою судьбу. Я сказал ему несколько ласковых слов, и он вытолкнул меня за дверь.

Еще утро. Я возвращаюсь обратно на остановку, чуть не

плача. Ладно, убью этого охранника, сожгу его белую шевелюру и буду продавать бытовую технику. Две четыреста плюс проценты. Семь дней через семь дней.

Сначала я стою на остановке с двумя гопниками. Ребята опасные с виду, на остановке больше никого нет, они чуть постарше меня, лет по двадцать им. Они стрельнули у меня по сигарете, ладно. А потом пришел троллейбус, я уселся, а гопники пожали друг другу руки, и один тоже поехал. И сел он зачем-то в троллейбусе рядом со мной, хотя было еще довольно много свободных мест. И я чувствую, тип этот так расселся, что претендует на мою половину, ноги свои расставляет так, что мою ногу пытается притеснить. А я себе сижу у окна, делаю вид, что ничего не происходит, но не даю его ноге взять верх и завоевать мою территорию. Так мы ведем невидимую борьбу. Минут через пять он повернулся ко мне и посмотрел мне в лицо. Я принял его взгляд, мне вообще-то неприятно смотреть незнакомым в лицо, но я выдержал эти три секунды его нахального взгляда, и он отвернулся. Я отвернулся к окну. И скоро он перестал давить. Эта маленькая победа порадовала меня после унижительного поражения вахтеру-высочке. Потом гопник вышел, и я тоже вышел через пару остановок. Два часа чалился в супермаркете и на улице, пока не пришло время для следующего собеседования.

Я заполнил анкету. Женщина, маленькая, с внимательным взглядом – она, прежде чем прочесть мою анкету, с две минуты смотрела мне в глаза. Ладно, думаю, может, это такая процедура нормальная, просто хочет понять, что я за человек, а как прочла, то тут же выписала себе на листочек какие-то цифры. Что-то сложила, что-то вычла.

– У вас способности к ясновидению, – говорит.

Я так понял, что это она выяснила при помощи формулы, в которую она поместила мои дату рождения, инициалы и, возможно, паспортные данные.

– Почему вы бросили институт?

Я объяснил ей, что собираюсь работать. Что мне нужно зарабатывать деньги, что если я буду восстанавливаться в институт, то только на заочное отделение. Но она как бы знала уже все обо мне благодаря формуле, женщина только и говорит:

– Да, так я и решила. Вы очень талантливый человек. Только не в учебе. У вас должны быть способности разбираться в людях.

Мне бы решить, что у нее с головой не все в порядке, но я всегда был падок на комплименты. Она сказала, что возьмет меня на работу. Примерно через неделю одна продавщица уйдет в декрет, и тогда мне позвонят.

– У нас точки в магазинах. Это преимущественно чайники. И некоторая другая бытовая техника.

На том и порешили. Я сначала пару дней проведу с продавщицей-напарницей, она мне объяснит, что к чему, и потом я буду работать. А там уж как мы договоримся, как поделим смены. Может, мы поделим три на три, а может, два на два или семь на семь, наше дело. Две четыреста будет у меня оклад, и драгоценные проценты получу, тут могу быть спокоен. Мы попрощались, довольные беседой, и теперь оставалось только ждать звонка, подождать, пока та продавщица, что на сносях, больше не сможет работать.

* * *

В тот день я ждал своего друга Мишу. Он очень хотел посмотреть на нашу машину, пострадавшую от аварии, пока папа не успел ее продать на запчасти. Восемь лет отъездил папа мой на машине, всего (или целых?) восемь лет накопил стажа к тому моменту, как права ему стали без надобности. За это время он несколько раз слегка царапал машину, чуть задевая за все возможные препятствия, которые ему

хватало ловкости найти где угодно, один раз слегка боднул автобус, и вот раз попал в аварию, в которой, слава богу, никто серьезно не пострадал, кроме нашей машины.

А машина моему папе досталась неожиданно восемь лет назад, и пришлось ему выучиться ее водить. А получилось так: он сдал свой ваучер (до сих пор не пойму, что это за штука такая?) в какую-то компанию наугад. А компания эта провела конкурс рекламных слоганов, так поощрив моего папу и всех остальных. Мой одаренный родитель написал частушку из пяти слов, и баста, оказался лучше всех по параметрам этой самой компании, уж не знаю, насколько объективным. Такой одаренный у меня папа, он и выиграл машину. И по телевизору даже показали ролик, как папа в новых спортивных штанах с зелеными лампасами (это было ближе к середине 90-х, а тогда одеваться со вкусом отцу – нищему журналисту – не позволяли ни финансовое положение, ни его собственные представления) не может правильно вставить ключ в замок дверцы новенькой вишневой машины “Оки”. Но за полгода до дня, который я собирался описать, произошел инцидент. Папа мой выезжал с нашей улицы на широкую дорогу, а там в него на огромной скорости въехала другая машина. Наша машина пролетела (по воздуху!) около четырнадцати метров. Капот ей снесло, но, слава богу, с отцом моим все осталось в порядке, кроме ушибов и сотрясения. И долго в судах выясняли, кто же был прав, а кто виноват. С одной стороны, отец выезжал на главную дорогу и должен был пропустить, прошу прощения, мудака на “Нисане”, а с другой стороны, этот, прошу прощения, мудака на “Нисане” ехал сто двадцать километров в час, а дорога выходила из-за поворота, и отец мог не успеть его заметить. Что и произошло. А там ведь были знаки: “переход”, “дети”.

Я-то, само собой, был на папиной стороне, но это не помогло ему выиграть дело в суде, и пришлось брать папе моему кредит, чтобы отдать триста двадцать тысяч рублей

за те скромные повреждения, нанесенные, так сказать, вражеской машине. А машина, видать, стоила не две копейки, потому она действительно почти не повредилась! Не знаю, умный ли человек их судил, но мне кажется, что если бы этот мудак, опять-таки прошу прощения, мудак на “Нисане” ехал на положенных шестидесяти, папа бы не отлетел на четырнадцать метров, а судьбе бы могло хватить разума, чтобы это понять...

...Однако вся эта история, это все не очень важно, просто Миша хотел после этого осмотреть машину своим опытным (его точка зрения) взором. Ждал я Мишу в тот день, чтобы это он и сделал. Он очень хотел, чтобы я велел отцу не продавать остатки машины нашей семьи на запчасти, а велел бы отдать машину в наше, мое и Миши, пользование. Потому как Миша:

– Я ее почию, – говорил.

Но я в этом сомневался. Говорить-то мы можем многое. А вот испражняться пирожками удастся не каждому. И вот в тот день я ждал Мишу – он учился в пяти минутах ходьбы от моего дома, – как тот придет во время часового обеденного перерыва. Жду, да заждался, решил сам пока посмотреть машину да прикинуть. Выхожу в палисадник, закуриваю, открываю гараж – вход в него прямо с нашего участка, обычная дверь, а ворота открываются только изнутри – такой гараж у нас. Стою я внутри, свечу фонарем (свет не работал), пробираясь через хлам, и, хлоп, выхватываю из тьмы бутылку вместительностью что-то около двенадцати (!) литров. Моя любознательность заставила меня сходить за кастрюлей, найти шланг и слить немного содержимого на пробу.

“Вино двенадцать-пятнадцать оборотов, – мысленно объявил я себе, эстетски смакуя из стального двухлитрового бокала с двумя пластмассовыми ручками, – из черноплодной рябины, выращенной не иначе как

в палисаднике кирпичного частного дома пригорода провинции К.”

И отправился в дом ждать Мишу, естественно, с полной кастрюлей. Миша пришел, откушал супа, отведал вина, и мы решили, что пойдем в гараж не сразу, а только когда выпьем всю слитую мной партию. Так мы в гараже убьем двух зайцев:

- 1) посмотрим машину,
- 2) сольем еще вина.

Когда мы пришли в гараж, открыли ворота, чтобы был свет, я занялся манипуляциями с бутылкой и шлангом, а Миша оглядел машину и вопреки моему неверию и вопреки самому здравому смыслу сказал:

– И чего это он говорит? Можно ее починить. Скажи отцу.

Я уверял его, что это не так.

– Посмотри, – говорю, – зачем тебе этот геморрой? Тут же от капота ничего не осталось.

Но с Мишей бесполезно спорить, а может, просто у папы ловко получилось замесить это вино.

– Нам надо только как-то оттолкать машину к яме, – сказал Миша.

Я сказал, что поговорю с отцом. Хотя Миша хотел сейчас же найти способ оттолкать машину к просмотровой яме,

– Всего-то сто или двести метров, вот же она, за общагой! – уж не знаю, как он все это себе представлял, может, ему казалось, что “Ока” такая легкая и мы сможем ее донести на руках? Передние колеса ведь были вмяты в крылья, крылья, в свою очередь, были вмяты в капот – докатить бы ее явно не получилось. Мы еще препирались, и мне удалось-таки переключить Мишино внимание на вино, убедив его тем, что поговорим об этом, когда протрезвеем. Мы выпили чуть больше половины содержимого этой волшебной бутылки, и наши с Мишей пути разошлись.

По рассказам очевидцев, Миша оказался опять у себя

в техникуме, где сначала чуть не отлупил двоих своих одноклассников, а потом уснул за верстаком. Преподаватель подошел к Мише, попытался его разбудить, но у Миши есть такая особенность: он может положить голову на стол и проспать от трех до восьми часов, и разбудить его будет невозможно. Так он и проспал две пары производственной – вроде так это называется у них – практики, после чего проснулся с головной болью и почти без всяких воспоминаний о минувшем дне. Ему велели больше не приходить в таком виде на занятия, на том его приключения закончились.

Мое же продолжение дня оказалось несколько более насыщенным. Собственно, около полутора часов выпали из моей памяти, но, если снова поверить очевидцам, получается, что я ходил по улице недалеко от Мишиного техникума все с этой же кастрюлей, аккуратно держа ее, как поднос, а в кастрюле уже стояла бутылка с вином. И вот я так изящно шел, спотыкался, но умудрялся упасть на свободную руку, а бутылку не уронить. Как будто у меня был так рассчитан центр тяжести, что сам я могу совсем не держаться на ногах, но бутылка должна всегда быть направлена вверх, четко перпендикулярно относительно земли. А когда я видел девушек, то протягивал грязную свободную руку вожацки к ним и пытался их догнать. Им же в свою очередь удавалось спастись от меня, ведь я был всего лишь Ванькой-встанькой, и скорость моя со всеми этими манипуляциями не превышала трех километров в час. Вот то, что известно о моем времяпрепровождении примерно с пятнадцати до шестнадцати тридцати.

Вечером, я помню, катался в автобусе и смотрел в окно. Я был сгустком страданий просто, я все думал, как было бы хорошо, если бы я был красивым настолько, что она бы не могла быть без меня, нежным, чтобы от моих рук по всему ее телу разбежались мурашки, сильным, чтобы она всегда была уверена во мне и завтрашнем дне. Я проехал

до конечной остановки, потом до середины пути, вышел у дома Игоря. У него тоже не было денег, в гости он меня не позвал – видимо, там ругался с матерью, мы поболтали, и я поехал домой.

И как только я зашел к себе в комнату, за мной зашел папа и закрыл за нами дверь. Я сел на кровать и вопросительно посмотрел на него.

– Что? – спрашиваю.

– Что? – спрашивает он.

Видимо, он узнал, что я слил вино, думаю. Да, сейчас будет один из тех разговоров, во время которых только и думаешь, чтобы скорее они закончились. А папа мне и говорит:

– Хорошо тебе живется: своровал вина, нажрался, изнасиловал кого-нибудь.

Последнее обвинение я сначала не мог понять. Я смотрел на него сначала непонимающе, но тут мое подсознание выручило, показав мне небольшой ролик, подкинув уйму информации, воспоминаний, и вот что я успел уяснить...

...Где-то в полпятого или на пятнадцать минут позже – потому что мачеха приходит в полшестого – я обнаружил свое тело у себя на кровати, видимо, я погулял после того, как мы выпили с Мишей, потом вернулся и вздремнул несколько минут, и ко мне вернулась способность записывать в памяти происходящее. У меня еще было полбутылки вина, которое я тут же выпил, потом пошел – помыл руки и что-то съел. Я шел из кухни и обратил внимание, что со своего пищевого института пришла моя сводная сестра. Я остановился около зала и смотрел на нее, думая о чем-то своем, мне кажется, я думал о своей девушке, бывшей девушке, потому что я постоянно о ней думал теперь, если только с кем-нибудь не разговаривал. А сводная сестра гладила простыни, видать, по поручению матери. Ее матери – моей мачехи. Сводная сестра повернулась на меня и вроде даже сказала:

– Привет.

Это меня очень удивило. Мы вообще-то с ней не разговаривали после одного случая. Ничего особенного, просто поругались года четыре назад и с тех пор больше не разговаривали. Родственных связей у нас не было никаких, человеком интересным я ее, как и она меня, не считал. Ну, это тогда было, четыре года назад. И еще была одна вещь, хотя я и старался не думать – считая это признаком своего слабумия – об этом: я ревновал, что отец мой относился к ней не хуже (а может, даже и лучше, ведь на чужого ребенка психовать не позволяла его интеллигентская сущность), чем ко мне. Мачеха, как я считал, напротив, меня любила меньше своих детей. Ну, и все эти сопли были где-то внутри у меня: то, что у меня нет матери, а у нее есть там где-то еще отец, а о ней еще мой отец заботится, все эти штучки четыре года назад и не дали мне с ней помириться.

А сама ссора была обычная, пустяковая, так было дело. Сводная сестра, ей, наверное, было семнадцать, а мне четырнадцать, сняла трубку как-то летом, когда звонил телефон, там попросили папу. Она сказала мне:

– Позови отца к телефону.

Я играл тогда в компьютер, а отец был на огороде, это было ближе к лету, в мае, что ли. А я и говорю:

– Ты взяла трубку – значит, должна идти.

А она:

– Это же твой отец, тебе легче сходить.

– Но ведь ты взяла трубку? Какая разница, чей отец? – спросил я.

Но она нагло ушла к себе в комнату. Я выругался на нее. Подождал секунд тридцать и пошел за папой. И как-то не сложилось помириться потом.

А теперь она гладила белье, спустя четыре года, и вдруг сказала мне:

– Привет, – и отвернулась обратно гладить белье.

Опрометчиво. Под действием вина я истолковал ее приветствие по-своему. Я подошел к ней и взял за зад. Она удивленно истерично хихикнула и отстранилась, как будто кто-то пошутил так нелепо, что ей самой стало за это стыдно. Вернее, я пошутил так нелепо. Тогда я еще попытался обнять ее и даже вроде поцеловал за ушко.

– Что ты делаешь? – спросила она.

– Ничего.

Не знаю, сказал ли я что-нибудь еще, вроде нет. Мое сознание смотрело из головы, но просто смотрело, участия не принимало. Разум отключился. Но сводная сестра, видать, увидела в моих глазах отсутствие мысли и испуганно, на повышенных нотах, еще раз осведомилась, только более резко, какого же черта мне надо? Ей как-то удалось меня отпихнуть, и я пошел к себе в комнату и около получаса просто сидел и смотрел в одну точку, как мне кажется. Вроде я услышал, как приходит мачеха, и побоялся, что они сейчас начнут со мной разбираться, поэтому взял свою любимую кастрюльку и бутылку, пошел в гараж, чтобы слить вина и уйти из дома. Чтобы жить у друзей теперь, но только сначала мне надо было еще немного выпить.

Так я стоял в гараже, сливал вино в темноте, только на этот раз без шланга, на этот раз я просто перевернул бутылку и выливал в кастрюлю, чтобы быстрее, и за этим-то занятием мачеха меня и застала. Она включила свет, оказалось, что он работал все-таки, и сказала:

– Ох ты, Господи, – и так брезгливо на меня смотрела. Я встал и, не обращая на нее ни малейшего внимания, направился к выходу. Она попыталась отобрать у меня кастрюлю, мы так стояли, тянули каждый на себя, бред какой-то это все напоминало, пока я не сказал:

– А-а-а, в жопу.

И вышел из гаража, оставив ее стоять в шоке с кастрюлей. А потом уже я катался в автобусе и думал, какой я несчастный...

...Так что моя сводная сестра, значит, решила-таки пере-
сказать мачехе этюд о моих грязных приставаниях возле
гладильной доски, а мачеха уже пересказала отцу этюд, пе-
ресказанный дочерью, плюс этюд, который у нас с мачехой
произошел в гараже, и отец знал все мои карты, когда ска-
зал:

– Хорошо тебе живется: своровал вина, нажрался, изнаси-
ловал кого-нибудь.

Он смотрел на меня, наверное, видно было по моему
лицу, как я прокручиваю этот замечательный документаль-
ный фильм о себе в голове. Он сказал мне, что я редкостное
говно, и предложил извиниться перед сводной сестрой и
перед мачехой.

– Вряд ли они хотят сейчас меня видеть, – предположил я.

Но он-то видел, что дело не только в этом.

– Ты еще и трус, – сказал папа и хлопнул дверью.

И наконец-то стало просторнее. А я откинулся на кроват-
ти, и мне было, с одной стороны, неприятно и одиноко, а с
другой стороны, я прошел еще один этап, стал еще ближе к
своей цели, я должен стать тверже металла. Все эти мысли
смешивались с воспоминаниями о сегодняшнем дне, с вос-
поминаниями о нашей разбитой машине, о том, как папа ее
выиграл. Я закрыл глаза и поместил свое сознание в темно-
ту легкого похмелья. Потом уснул. И теперь дома со мной
довольно долго никто не разговаривал. Даже еду себе я го-
товил отдельно, старался не появляться никому на глаза и
чаще бывать в гостях.

Мишину просьбу я так и не удовлетворил, и машину папа
продал на запчасти, может, через месяц или чуть позже.

А пока прошло уже почти две недели с моего собеседования,
но мне так и не позвонили. Плюнули на мои способности к

ясновидению и на мой талант разбираться в людях, а из анкеты в лучшем случае сделали фигурку оригами. Я подумывал в эти дни все чаще о том, чтобы уйти в армию, но в военкомат по ходу еще не дошла бумага из института, они до сих пор не явились по мою душу, а сам я не собирался содействовать системе. Если бы они приехали и поймали меня возле дома, тогда да, тогда – романтика. И когда безделье и осуждающие взгляды домашних вконец осточертели, меня осенило: я должен хотя бы недолго поработать грузчиком. Я должен зарабатывать деньги честным трудом, силой зарабатывать.

– Вы хотите на постоянную работу?

– Если есть возможность.

– Сначала мы можем взять на временную работу, без оформления. Если за три месяца вы проявите себя как ответственный работник, мы будем рассматривать вашу кандидатуру. Возможно, примем в штат.

– Что ж, это тоже меня устраивает.

– Временные рабочие получают пятнадцать рублей в час.

Пятнадцать умножить на восемь – равняется сто двадцать. Сто двадцать умножить на двадцать рабочих дней – получается две тысячи четыреста. На двадцать один рабочий день – две тысячи пятьсот двадцать. Почти то же самое, что и чайники продавать, только без процентов.

– Это примерно две тысячи пятьсот в месяц.

– Да, я так и посчитал. Меня это устраивает.

– Плюс мы предоставляем возможность переработок.

– Я непременно ей воспользуюсь.

Забегая вперед, скажу, что я не воспользовался этой возможностью ни разу.

– Когда вы готовы приступить к работе?

– В любой день. Завтра.

– Тогда завтра в восемь. Не опаздывайте. А сейчас можете спуститься на склад и посмотреть ваше будущее рабочее место.

Это было самое начало апреля. Я вышел с территории и решил пройтись пешком, к тому же день был солнечный и приятный. Нужно разобраться, теперь у меня есть какая-никакая работа, я достойный человек и полезный для общества человек. Человек подневольный и лишенный возможности спать, сколько влезет, обремененный обязанностями и необходимостью общаться с сослуживцами. Когда я шел по дороге, а я шел по левой стороне, как порядочный пешеход, на правой стороне остановилась машина. Оттуда кто-то замахал руками. Я был один, один стоял здесь, на дороге, так что, видимо, мне махали. Потом дверца открылась, и меня позвали:

– Иди сюда, подвезем!

Это оказалась та самая женщина из отдела кадров, с которой я разговаривал несколько минут назад.

– Привет, – сказал водитель, видимо, ее муж.

Тут в машине она была не такая серьезная, как у себя в кабинете. Она спросила, живу ли я на Металлплощадке, я сказал, что да, и она сказала, что они едут за каким-то человеком, который тоже живет там. Они меня довели до самого моего дома, им это было почти по пути. И женщина напомнила мне весело:

– Завтра в восемь на “Талинке”, не проспите.

Потом я заметил, что все, кто работали на “Талинке”, произносили это слово, делая ударение на “а”, но все мирные граждане, потреблявшие эту газводу и минералку, делали ударение на “и”. И в рекламе говорилось с ударением на “и”. Эта “Талинка”, в общем, находилась довольно близко к моему дому, и все временные грузчики жили в моем пригороде, большинство из них даже раньше учились в той же школе, что и я, только классов на пять-шесть старше. Один из них даже был сыном моей учительницы по литературе, но его уволили за хамство и пьянство через два дня после моего прихода.

Так что вот он я, самый молодой временный грузчик на заводе по производству безалкогольных напитков. На мне старые кроссовки и джинсы с заплаткой, рваная толстовка и тряпичные перчатки. Я ни с кем не разговариваю, хотя здороваюсь со всеми. Я сплю все свободное время, потому что ночами я читаю книги – оттачиваю свой ум. Но только приезжает машина, как я вскакиваю и с такими же отличными ребятами, как я, нагружаю фуру упаковками газводы. Полтора литра в бутылке, шесть бутылок в упаковке. В каждую руку по упаковке, и оттаскиваешь к концу фуры. Потом фура наполняется газводой, газвода отправляется в область. А я сплю, сидя в нашей подсобке для временных, пока другие играют в карты.

– Он ленивец, – сказал про меня один парень, когда я спал так третий день подряд, – он все время спит.

Это было самое добродушное высказывание.

– Нет. Он лохмачес, – сказал про меня другой парень, не столь добрый, тоже новенький. Я уже успел обрасти к тому времени. Все обрадовались этому погонялу.

– Только лучше залупачес, – сразу заметил прозорливый парень в оспинах.

– Да тролль он самый настоящий, – сказал про меня парень, лет двадцати трех, похожий на гоблина, Андрей. Его называли Дрюпа. Я его сразу невзлюбил. Когда он назвал меня троллем, я приоткрыл глаз и запомнил его, я запечатлел его таким, какой он был, длинным, жилистым гоблином, вот человек, который теперь никогда не вызовет во мне симпатии.

Работать грузчиком мне даже понравилось. Только слишком много я думал о своей бывшей девушке, пока грузил газировку в “КАМАЗы”. В первую же мою пятницу был аванс, я выпил пару бутылок пива сразу после работы, помылся дома и поехал прогуляться в центре города. Конечно, ноги тут же привели меня напрямиком к ее дому. Просто

дружеский визит, сказал я, пойдём гулять.

– Сейчас выйду, – сказала. Вроде даже была рада.

Мы выпили с ней в баре пива, за себя она платила сама. Но и выпила всего кружку, я хотел ее угостить – но она не соглашалась. А я ей рассказал, что теперь работаю грузчиком. А потом схватил ее за руку и стал уговаривать вернуться ко мне. Она отвечала уклончиво, мы вышли на улицу. Я купил бутылку мартини, аванс мой – четыреста восемьдесят рублей – на этом уже закончился. И помню, как я стоял на лавочке, зло смотрел на нее и говорил:

– Нравится тебе мартини? Нравятся тебе напитки мажоров?

Отпивал его из горлышка и говорил:

– Посмотри сюда. Я – грузчик, запомни это.

Это я так ее наказывал за то, что она мне говорила, что мартини – любимый ее напиток. Моя пролетарская душа протестовала, я был рабочим человеком с рабочими руками и не хотел прощать даже той, которую любил, любви к мартини. Ей это все было не очень весело и интересно, и моя бывшая девушка ушла. Уже из дома я звонил ей, чтобы извиниться за свое поведение, но она чего-то не очень хотела со мной говорить.

А понедельник был уже последним днем моей работы. Такая ирония судьбы, в воскресенье папа соизволил со мной заговорить, спросил, неужели я нашел работу, поинтересовался, сколько я буду получать, и все такое. Казалось, лед только начал таять, а следующий рабочий день был последним рабочим днем.

Начинался-то день нормально. Только сначала разгружали тяжелые баллоны. Мы со вторым новеньким парнем залезли в кузов и стали подавать баллоны вниз. Тут один баллон падает, краник, видать, поворачивается, и газ выходит наружу. Внимание: в трех метрах курящий человек, нет, только не это, ведь я слишком молод, слишком мало было

женщин в моей жизни, слишком мало опыта, не было денег, не народил детей, и сейчас все взлетит на воздух! Тот парень, что был со мной в кузове, сразу прилег за баллонами, а это и был тот, что назвал меня лохмачесом. Перепугался он так, что забыл маму родную, хотя строил из себя крутого. Только за баллонами-то что толку прятаться? Они же и будут сейчас взрываться. Я-то просто замер, ожидая гибели, бежать некуда. Но взрыва не произошло, просто один из тех ребят, что внизу принимали, крутанул краник, и газ перестал выходить. Парень этот сказал:

– Вы чего там обосрались? Это же пена для газировки!

Видимо, углекислый газ, он не горит. Так день начинался, нормально. Выпили в обеденный перерыв. Отдохнули. А потом понаехали машины, которые надо было загружать. Обычно, если приезжает две или три машины, большинство грузчиков залазят по два-три человека в фургон, а один остается собирать поддоны, это был я на этот раз. То есть человек на погрузчике подъехал, поднял поддон в фургон, грузчики в фургоне разгрузили, а я взял поддон, отнес в угол и жду, когда освободится следующий поддон. И вот я закурил, жду, а Дрюпа, тот, что похож на гоблина, заорал мне:

– Троль, возьми поддон!

А я не реагирую. Стою себе, курю, думаю: раз ты скотина такая невежливая, сам оттаскивай. А он опять:

– Троль, ты чего стоишь?!

Я не выдержал и крикнул ему в сердцах:

– Ты сам гоблин!

И до кучи послал его обратно в женское лоно, используя самое непристойное слово из всех, которые мне известны.

Он выпрыгнул из фургона и сам оттащил поддон. А потом, когда машины были загружены, Дрюпа подошел ко мне в подсобке и сказал:

– Ты что, тролль, ты зачем мне хамишь?

И смотрит на меня зло. Он открутил крышку от бракованной бутылки (мы тут целый день пили газировку из бракованных бутылок), глотнул и говорит, чтобы я так больше не делал. Он, наверное, был посильнее меня, но в тот момент я считал себя правым. Поэтому когда он мне сказал, что вобьет мне в глотку крышку, если я еще буду хамить, я ответил:

– Давай вбей.

И пошел на него. Вбивай, говорю. Он не ждал этого от меня. Дрюпа усмехнулся, удивленно так, мне показалось – слегка испуганно, что я пошел в атаку. Смешок этот был для меня признаком его поражения. Ну, ты и борзый, говорил его смешок, но я-то чувствовал его нерешительность. И я кинулся на него, и мы стали бороться, и я даже успел его ударить головой пару раз о стену из рядов пластиковых бутылок до того, как нас разняли.

– Разберетесь после работы, – сказал кто-то из грузчиков.

– Ничего себе тролль, – сказал Дрюпа.

Оставшееся время я с неприятным чувством ждал конца дня, подобного чувства у меня не было со школы. Я понимал, что в любом случае морально все временные грузчики будут на стороне Дрюпы. Однако никакой драки не произошло. Ограничилось только тем, что меня на остановке отчитали, дескать, личные отношения есть личные отношения, а коль стоишь на поддонах, так убирай их. Однако на следующий день я проснулся и вместо того, чтобы пойти на работу, поехал в город и целый день гулял. Пришлось заехать на работу сначала, потому что я забыл там паспорт в робе. Я планировал опередить всех остальных, потому я приехал за полчаса до начала смены. Нет, чтобы уволиться в открытую, еще бы получил, может, за понедельник расчет, но я не настолько мелочен, чтобы преодолеть свой страх перед необходимостью просить что-то у начальства, в том

числе расчетных. Зашел в раздевалку, взял паспорт. А роба, бог с ней, думаю, пусть остается здесь. Иду обратно, а мне навстречу идет уже вся бригада временных – они все обычно (и я, как правило, с ними) прибывали на работу на двести пятом автобусе, отъезжавшем в семь часов тридцать пять минут с нашей остановки.

– Ты куда, лохмачес?

– А, по делам, скажите, что я на полчаса задержусь, – сказал я.

И вышел за территорию человеком свободным. Тунеядцем вышел за территорию “Талинки”, можно сделать ударения на “и”, потому как теперь я к этой дыре по производству отравы отношения не имею. Приятное ощущение.

А никого из временных грузчиков потом в штат так и не перевели, я справлялся. Хотя некоторые проработали там и больше года, а может, кто-то и до сих пор вкалывает. Максимум подняли оплату до двадцати пяти рублей в час, но в штат точно не перевели.

* * *

Миша подстриг меня машинкой, и я теперь выглядел – гопник гопником. Теперь, работай я грузчиком, никому бы и в голову не пришло называть меня лохмачесом. Но я уже не работал грузчиком. Я смел все волосы веником в совок, выкинул их в помойку, помылся у него и вышел, свеженький и лысенький, к нему в комнату, смотреть, как он занимается делами. Миша взялся продавать план, дела у него шли плохо, потому что бизнесмен он был хреновый. Давал в долг, скуривал товар свой с друзьями. Не знаю, долги его росли – а прибыли никакой ему это все не приносило, но он правде в глаза не смотрел и был полон оптимизма. Ладно, сейчас я наблюдал, как он разделявает здоровенный ком – и меня это завораживало.

Вот он руками раскатал план в колбаску.

Вот он стал нарезать небольшие кубики, чтобы они весили примерно по грамму каждый.

– Ты их делай поменьше, – говорил я, – чтобы нам больше осталось.

Миша поднимал указательный палец вверх и говорил:

– Не учи отца.

Потом он нагревал нож зажигалкой и расплющивал эти кубики. Кубики становились плоскими квадратиками, Миша заворачивал их в фольгу. И вот они, аккуратные красивые порции по грамму или чуть-чуть меньше грамма. Чтобы самому барыге осталось покурить и его друзьям тоже немного перепало. Кто-то заходил к нему, Миша выходил в карман, общался, возвращался, бросал себе в ящик стола деньги – сто или сто двадцать рублей, что ли, за грамм плана (дневная выручка временного грузчика на “Талинке”). Естественно, его родителей дома не было. Мишин папа, майор ФСБ, не одобрил бы этого бизнеса. Потом Мише кто-то позвонил, он поговорил по мобильнику (уже тогда у него был мобильник) и сказал:

– Твоя девушка. Сейчас тоже заедет.

– Уже не моя.

Я удивился, что она теперь берет план у Миши. По мне – это неправильно, когда моя девушка уже перестает общаться со мной, но продолжает общаться с моим другом. К тому же я всегда осуждал ее любовь курить план, и курить траву, и пыль курить, и вообще курить наркотики. Она же ненавидела, что я много пью.

– Сейчас она возьмет, тогда уже можно будет позволить немного пива выпить сегодня, – сказал Миша. Рад был сегодняшнему ходу дел.

– Мне кажется, она еще и у тебя в долг попросит.

Так оно и было, она приехала с подружкой и попросила Мишу продать ей за сто. Миша не смог ей отказать. А я же

вышел покурить в карман и сказал:

– Привет.

И стараюсь не смотреть на нее. Вот она стоит со своей глупой подругой, чужая мне. И говорит, как будто совсем хочет убить все святое, втоптать все самое главное в землю, говорит:

– Привет. Все бухаешь? – и смотрит на меня, как будто все ей понятно, все ясно, видит меня, как облупленного. Очень обидно она это сказала, черт ее дери. Ничего-то ты не знаешь, думаю, зачем так говорить со мной.

Вот такая подлая женщина. Всех женщин убить срочно. Неужели это она за мою невинную выходку с мартини обиделась и решила со мной как с врагом лютым? Да что ты знаешь обо мне, думаю. Смотрю на нее, и вот неужели ничего этого не было, неужели я обманут и забыт? Черт бы вас побрал.

– А ты все куришь? – ответил я вопросом на вопрос, как сами знаете, кто. Вот и весь диалог.

Она узнала у Миши, что там и как, когда и что именно у него еще будет (что-то там из Чуйской долины – услышал я), и уехала вместе с подругой. По мне все одно, мой совет всем любителям: выезжайте каждый сентябрь на природу, в места, где растет много конопли – а такие места еще не перевелись, – и работайте руками самостоятельно. Один рабочий день – и натрете себе на целый год. Но, возможно, это я – человек неискушенный и не вижу разницы между сибирским планом и планом (прессованной пылью?) из Чуйской долины или откуда-нибудь оттуда. Мне все одно, я одинаково равнодушен, химка это, трава или пыль, по мне так эффект один – отупляющий. Моя девушка бывшая обязательно бы объяснила мне, в чем разница, но мне неинтересно.

Потом мы с Мишей покурили – лишние обрезки, его подарок мне. Я хоть и не был поклонником этого дела и в

жизни бы не стал искать деньги, чтобы дунуть, как суетят на это некоторые гопники, но и отказываться тоже не в моих традициях. Мы покурили и поехали по Мишиным делам. Сели в Мишин оранжевый “Москвич”, лет “Москвичу” было больше, чем нам обоим, вместе взятым, и поехали в центр. Миша куда-то вышел, “уладил” какие-то дела. И мы просто проехали по городу. Хорошо было просто курить сигареты и смотреть в окно, уже темнело. Любая самая глупая песня способна расшевелить эрогенные зоны в душе, когда ты едешь в машине по вечернему городу. Я спросил у Миши, считает ли он мою девушку красивой. Миша подумал немного и сказал:

– Нет. Не считаю.

А я сказал:

– А я считаю.

Он сказал, что она симпатичная, ладно, но до красивой ей не хватает того, незнамо чего. Потом мы вернулись, выпили по два пива в машине, и по домам.

Они все-таки заехали за мной на своем “бобике” с брезентовой крышей. Там одним из пассажиров был мой одноклассник, и еще два парня, не знаю, кто такие. Видел, конечно, не в городе-миллионере живем, а в поселке маленьком, но не знаком лично.

То есть нет, было не так. Сначала зашла женщина из военно-учетного стола. А она была мамой моего другого одноклассника, я же говорю, все родственники и знакомые в нашей дыре, все друг друга знают. И она, Кучина Ирина Владимировна, постучала в окно, в окно моей комнаты. Я как раз был в полупроснутом состоянии, в размышлении, поддаться ли уговорам утренней эрекции. В общем, она постучала, тук-тук-тук, позвала меня по

имени. Я открыл шторы, и она сказала:

– Собирайся, поехали в военкомат.

Эрекция у меня прошла, я собрался, залез в “бобик”, четвертым на заднее сиденье. Спереди сидели Кучина и водитель. Мы поболтали с одноклассником. Что-то шутили стандартное по поводу галифе и кирзочей и тут приехали.

На первый день у меня не получилось дойти до хирурга. Я прошел почти всех врачей, у меня остались дела только у хирурга и невролога. До хирурга была здоровая очередь. Я ее прошел всю, целую очередь парней в одних трусах, но перед кабинетом была толкучка, как обычно, и оказалось, что я забыл сыграть в эту ненавистную мне игру: “Кто последний?” – “Я последний!” – “Я за тобой”. Я-то как раз собирался откосить по хирургу, блажь пропала идти в армию. Рассудок вернулся, и я хотел откосить. И желательно собрать все эти двести направлений за один день, чтобы потом спокойно себе разъезжать по больницам и прикидываться больным, пока не найдется статья. Но, как я уже говорил, очередь я отстоял, но, оказывается, вхолостую. Какой-то маленький гном начал качать права насчет того, что я не сказал, что я – в очереди.

– Куда ты, – говорю, – щемисься?

– Ты не занял, – говорит, – я занял. А он после меня. Так что иди в конец очереди.

– Я стою тут полдня.

Отстраняю его, говорю ему: утомонись, я сейчас пойду, потому что я простоял тут чуть ли не со Второй мировой. А он свое:

– Ты не занял очередь. После него я. А потом он идет. А ты иди и занимай очередь.

Что же будет с этим подлецом в старости, подумал. Дай бог тебе самой жестокой дедовщины, какая бывает в жизни, подумал я. И тем не менее я не хотел спорить, я сказал ему:

– Ладно, гном ты чертов.

Сходил пока к неврологу. Она мне выдала направление на обследование – лежать две недели в неврологическом отделении, потому что я рассказал, что у меня головные боли, когда я завязываю ботинки. Это была правда: я довольно много пил лет с тринадцати и три раза у меня было сотрясение. Я решил пока не пользоваться этим направлением, чтобы воспользоваться им, если не выйдет получить ограничения годности по плоскостопию и сколиозу. Окулист, терапевт, лор меня уже проверили. Одноклассник уже умотал. А мне нужно было побывать у хирурга, но входить в одну очередь дважды было выше моих сил. Я разрабатывал план, чтобы отомстить гному. Я его ненавидел, обычно злость проходит быстрее, но этот гном был противный, как мозоль. Поэтому я оделся и вышел на улицу. Выходили, выходили другие призывники, в основном моего возраста, но были и постарше. Плохо, что один военкомат на весь район, на все прилегающие к городу пригороды и деревни, так у нас устроено. Но, с другой стороны, хорошо тем, что из деревень люди не так сильно стараются откосить. А большинство идет служить. Поэтому отношение не такое, как в городских военкоматах, нет недобора, план они выполняют и поэтому не хватают тебя среди бела дня и не отправляют с ходу к черту на рога. И с нами обращаются вежливо. Ладно, я ждал, курил перед военкоматом, пока этот маленький гном не закончил внутри свои дела и не вышел. А как он вышел, я встал ему навстречу. Он встал в дверях – как в штаны наделал. И зашел обратно. Я еще его покараулил, потом зашел внутрь, смотрю, а он стоит в коридоре, читает плакаты про разные виды службы. Ох, жук. Делает вид, что не замечает меня, трус. Я подошел, встал рядом с ним, тоже делаю вид, что читаю, а потом сказал ему, что он трус и говна кусок. Так и сказал:

– Гном, трус ты и говна кусок, – как в кино, так же пошло, но в то же время хорошо получилось, эффектно.

Но он ничего не ответил. У меня стало легче на душе, я вышел из здания районного военкомата и направился к автобусной остановке. Иногда думаю, что я один из тех психов, которые случайно могут сломать шею непослушному ребенку, тряся его за плечо. Или я мог бы догнать человека, наступившего случайно мне на ногу, и толкнуть его под автобус. Нужно быть спокойней.

* * *

Хирург оказался здоровенным мужиком с одышкой. Он осмотрел мои стопы, прощупал мне позвоночник и сказал:

– Не пойдешь в армию.

И выписал мне направления на рентген. Это заняло два дня, я съездил облучиться в сельской больнице, снимки проявили, я забрал снимки и опять явился к хирургу. Теперь я всегда играл по правилам, спрашивал, кто последний.

Однако оказалось, что мои ноги и спина плохи, но не достаточно, чтобы я был негоден. Хирург закончил уже со мной, написал категорию “А”, но тут я вспомнил еще об одном козыре. У меня в паху появлялся странный бугорок иногда, если я напрягался. Я подозревал, что это грыжа, но этот бугорок никогда мне не мешал, я жил с ним лет, наверное, с одиннадцати. И всегда забывал справиться у врачей, что это такое. Нет, в детстве я это никому не показывал, потому что думал, что это из-за онанизма, и, считая себя чуть ли не изобретателем этого низкого занятия, скрывал наличие бугорка из соображений конспирации. А потом просто привык к этому бугорку и перестал обращать на него внимание, почти даже не вспоминал о нем, а просто машинально заталкивал обратно.

– Посмотрите, я совсем забыл. У меня, видимо, грыжа или что-то в этом роде.

Я напряг руки, живот и зад и показал, как у меня вздувает-

ся этот бугорок. Хирург на меня, как на идиота, посмотрел.

– Грыжа, конечно, – говорит. – И давно это у тебя?

– Лет, наверное, с одиннадцати или немного раньше, – я пожал плечами.

– А сейчас тебе сколько?

– Восемнадцать.

Хирург с воинским званием произвел у себя в уме необходимые подсчеты, вычел одиннадцать из восемнадцати, я полагаю, и сказал:

– Это же не шутки. Ее может защемить. Даже умереть от этого можно.

А потом для убедительности, чтобы я действительно понял, что это не шутки, добавил:

– Или не сможешь больше... – ну, понятно, чего не смогу. Только это он уже от себя сочинил, думаю. Но на всякий случай я согласился на операцию, это давало лишний месяц отсрочки.

Я взял направление и пошел, заодно мне удалось прихватить само свое личное дело, чтобы почитать его дома на досуге. Просто взял его под мышку, когда уходил из военкомата. Наверное, за такие дела могут дать условный срок или пятизначный штраф. Я придумал одну лазейку. Выкинуть все эти снимки, на которых отражена моя годность, выкинуть прилагающуюся бумагу (хирург просто вложил ее, даже не вклеил), сказать, что, “видимо, утеряны”. И когда меня повторно направят на рентген, попросить своего сводного брата, порядочного семьянина и работника бензоколонки, чтобы он сфотографировался вместо меня. У него нога плоская, как парта, и давно уже не актуальна проблема военкомата в его жизни. Ладно.

Теперь что касается грыжи. Меня раньше никогда не оперировали. А грыжа моя находилась прямо впритык к члену. Может, поэтому я и никогда не обращался к врачу, а семь лет просто заталкивал обратно этот бугорок,

вдавливал его обратно и шел дальше по жизни. Боялся врачебного промаха, который раз и навсегда лишил бы меня возможности совокупляться. В больницу я взял с собой распечатку “Истории одной смерти, о которой знали заранее” Маркеса (прочел эту повесть, пока еще ехал в автобусе) и “Избранное” Хемингуэя. В избранном не было моего любимого на тот момент хемингуэевского романа “Прощай, оружие!”, зато была речь “Писатель и война”, – я прочел ее и не понял, зачем ее поставили в сборник; потом перечитал “И восходит солнце” вечером перед операцией. Полуглухой дед (тоже паховая грыжа), который лежал со мной в палате, спал, поэтому я читал на диванчике в больничном коридоре. Дочитал уже после двенадцати, закрыл книгу. Я сочувствовал главному герою. И боялся, что врачи случайно отрежут мне хрен.

Был такой случай у меня в детстве. Мы прыгали с горки в сугроб. Залазишь на металлическую горку (она стояла у нас во дворе начальной школы), только не скатываешься вниз, а разворачиваешься и прыгаешь в сугроб. И вот подошла моя очередь. Я смотрю и вижу: из-под снега торчит заборчик. Думаю, только бы на него не попасть, а то можно спину сломать. Сиганул, и прямо на него спиной. Я умудрился отклониться на метр от траектории, чтобы упасть на этот долбаный забор. Я лежал на снегу и колючих досках забора и плакал, потому что было очень больно и очень обидно. Один из тех случаев, когда срабатывает закон Мерфи.

Я дочитал Хемингуэя в больничном коридоре, и на этот раз книга значила для меня больше. Это была пророческая книга. Я понял, что могу снова упасть на забор.

Еще вспомнил, как одному моему приятелю делали операцию в детстве. Что-то с мочевым пузырем у него было. И случайно порезали пенис, он показывал – у него шрам. Говорит, что ничего, работает, девушке его даже нравится, но если бы перестал работать? Что делать, если у тебя не

останется секса? Что я буду делать? Писать книги? Зачем тебе писать книги, если у тебя не работает хрен? Что это будут за книги? Мемуары человека без члена? Воспоминания о тех славных временах, когда я работал грузчиком с грыжей, но зато с работающей штуковиной?

– Проснись, парень, – утром меня растолкала женщина. Она прямо в палату закатила эти носилки с колесиками, как там они называются? Не знаю, есть ли у них вообще название. Она еще сказала:

– Раздевайся.

На мне и так были только трусы, поэтому я спросил:

– Совсем?

– Нужно голым.

Я снял трусы, залез на шаткую конструкцию, накрылся простыней и поехал в операционную, боясь упасть.

– Как дела? – спросил у меня мой врач, человек с такими же венистыми руками, как у меня. Я негромко сказал ему, чтобы женщина-помощница не услышала:

– Я забыл посрать.

– Ничего страшного, – сказал он. И бровью не повел. И начал все приготовления.

– А наркоз это не выявит?

Врач беззаботно махнул рукой и велел мне перебираться на операционный стол. Руки, ноги мне связали. А потом женщина приставила маску к лицу. Мне показалось, что я задыхаюсь. Я всегда боялся умереть от удушья, вообще я перепугался, как разума лишился, стал мотать головой и материть их. Тогда врач схватил мою голову, а его помощница привинтила какой-то ужасный металлический удерживатель, так что я уже не мог повернуться. И произошла маленькая смерть. А через секунду я уже проснулся и увидел бабушку. Я сказал ей одно матерное слово, потому что моя душа еще не покинула операционную и боролась с обидчиками, пытающимися задушить меня. Слава богу, бабушка не

поняла посылка. Потом до меня дошло, что уже меня не душили и что операция прошла. Я потрогал сразу свою задницу, чтобы убедиться в том, что я не опростался. Потом потрогал член, чтобы убедиться в том, что его случайно не отрезали, а потом уже поздоровался с бабушкой. Она мне привезла поесть, но есть я пока не стал. Потому что напрягаться я теперь не мог, и на горизонте уже маячил мой самый первый в жизни запор. Однако вечером есть захотелось, и я все умял.

Утро. Я забылся, встал и пошел к умывальнику чистить зубы. В те времена я еще не был ипохондриком и параноиком, но зубы чистил всегда сразу, как вставал, и каждый раз после еды. Раза четыре-пять в день. Дед-сосед еще спал. Я прошел путь до умывальника, взял зубную щетку и только тогда почувствовал боль. Я сел на пол возле умывальника и вспомнил, что мне сделали операцию. Через несколько минут зашла медсестра, увидела меня на полу и помогла добраться до кровати. Пришел врач и сказал, что больше ни в коем случае не вставать еще двое суток и мочиться в утку.

– А когда я смогу сходить в туалет? – спросил я. Меня это очень беспокоило.

– Ничего страшного. Послезавтра сможешь сходить.

Я посчитал. С момента последней моей дефекации прошло уже приблизительно сорок часов. Следующая случится не раньше, чем через сорок часов. Итого – восемьдесят часов без дела, которое я в течение восемнадцати лет привык проделывать каждые двадцать четыре часа, а то и значительно чаще. Я взялся дочитывать книгу Хема, но все эти мысли постоянно отвлекали от текста. Мне даже не хватало сил выпустить газы, а все то, что я съел за последние два дня, до сих пор было во мне.

И еще в этот день подбросили нового пассажира. Привели второго деда. Он тоже был глуховат, как и первый, только отличался от первого деда тем, что ему только что прооперировали аж две грыжи – у него была двусторонняя

паховая грыжа. И тем еще отличался, что коверкал глаголы. Например, говорил “понимашь” вместо “понимаешь” и “понимат” вместо “понимает”. Таким был второй дед.

А потом была ночь, в которую было очень одиноко.

Ночью деды, объединив силы против меня, устроили мне маленький ад. Поначалу я не мог заснуть, потому что не мог найти удобное положение. Эта ужасная кровать с натянутой сеткой хороша, только если вы ребенок и хотите на ней попрыгать. А еще, как я уже сказал, и деды давали мне жизни. Если бы я успел заснуть – я бы избежал этого, но я не успел. Сначала раздался оглушительный храп Односторонней грыжи. Это не помешало, однако, заснуть Двусторонней грыже (в этом прелесть глуховатости), поэтому скоро Двусторонняя грыжа заснул и добавил к храпу свои стоны. Снилось ему нечто неприятное, а я должен был слушать. И когда мое настроение вылилось в уверенность, что причина всех моих бед по жизни – эти деды, я начал жалкие попытки крикнуть на них матом, чтобы они хоть на время прекратили свою симфонию. Они не слышали, я кидал тапками, но промахивался, тапка было всего два, и они тут же закончились, а сил не хватало, чтобы мой голос звучал громко. И спина болит из-за сетки. Я скинул матрас на пол, свалился на него, но на полу было еще хуже, деды не переставали храпеть и стонать у меня в голове, стонать и храпеть, да еще и дуло со всех щелей. Обратно на кровать я залезть не могу, закинул матрас на место, а сам не могу. Так я просидел час, или два, или три задом на голом полу. А потом как-то у меня получилось все-таки, и я залез и так невероятно устал, что сразу заснул.

...И проснулся под разговор о политике. Второй дед что-то рассказывал первому. А первый на все отвечал:

– Вся власть в руках у чиновников!

Они друг друга не слышали. Второй что-то втолковывал про Сталина. О том, что раньше жилось лучше, что зря

Сталина ругают. А у первого на все был ответ:

– Вся власть в руках у чиновников!

Тогда я вылез из-под одеяла и сказал:

– Хрен в руках у чиновника, храпуны чертовы!

Первый дед посмотрел на меня непонимающими глазами и повторил свое заклинание.

Весь день мне пучило живот. Зато когда зашел врач справиться о наших делах и я ему пожаловался на кровать, он прислал мне специального человека, который принес “щит” из досок. Я перелез на стул, а специальный человек стянул постель, подложил “щит”, заправил постель, и теперь лежать было жестко, но удобно.

А назавтра был новый день, который уже сулил мне поспать. И еще в этот день еду разносила молодая и симпатичная девушка. Они работали два на два. То есть два дня была немолодая и некрасивая, а теперь два дня будет молодая и красивая. Раздатчица принесла нам завтрак, я отказался от всего, кроме чая, и успел сказать ей пару комплиментов. Потом выпил чай. И наконец встал.

Туалет был ужасен. Ни вам стульчака, ни сияющей чистоты. К тому же там не работал слив – на бочке лежал ковшик для этого дела. И еще плохо стекала вода, ее было слишком много, а это всегда чревато омерзительными брызгами. Я еще был недостаточно силен, чтобы забраться на унитаз на корточки, поэтому мне пришлось зависнуть над унитазом. Удерживая зад на весу, как над пропастью, руками держась за раковину и бачок, я тужился довольно долго, но первый раз ничего не получилось. Мне пришлось отдохнуть пару часов и повторить попытку. На второй раз получилось, но я не успел вовремя убрать зад, потому что еще передвигался, как калека, все время кряхтел и стонал, и часть омерзительных брызг настигла меня, прохладно полоснув по булкам, заставив скривить рожу и подавить рвотные позывы.

Я, признаться, догадался только с третьего раза бросить

на воду кусок туалетной бумаги, чтобы дерьмо падало без брызг.

И еще только через два года узнал, что это широко распространенная техника, когда унитаз переполнен, и называется этот метод “запуск десанта”.

* * *

Приехала сестра. Уж конечно, не сводная сестра – у меня еще есть родная старшая сестра.

– Привет, лось, – сказала она. Это она меня всегда так называет, потому что я самый высокий у нас в семье. Во мне всего сто восемьдесят один или сто восемьдесят два, но все остальные у нас не больше ста семидесяти. Ладно, неважно, мы поболтали, нам особо не о чем разговаривать обычно.

– Ну, как тут?

– Нормально, у тебя как?

– Нормально.

– Как твой прекрасный муж?

– Объелся груш. Как всегда.

– Как Рома?

Это ее сын.

– Нормально все. А что у вас с папой? Что он тобой не доволен?

– Да так. Споры у нас были.

Я не стал ей рассказывать, о том, что я насильник и виновный вор. Сестра мне дала немного денег, папа все-таки передал через нее, и уехала, потому что ее внизу ждал Макс в машине. Муж.

Зато немного позже приехали две мои подруги – Света и Юля. Света училась со мной раньше на потоке, а Юля была ее безумной подругой. Я со Светой одно время чуть было не начал встречаться, а с Юлей как-то чуть было не переспал. Но я был не особо решителен, а потом начал встречаться

со своей любимой. И вот они заходят. Они были в белых халатах и бахилах, их выдают посетителям, а я лежал на кровати. Ко второму деду как раз пришли родственники. Сидят вокруг его постели, поэтому я слегка смутился, когда Юля сказала:

– Медсестер вызывали? – и так встала в этом белом халате над моей кроватью, как будто это все экспозиция в порнографическом фильме.

Я смутился, вскочил, поцеловал каждую в щечку и повел их поскорее в курилку.

Они меня порадовали тем, что купили выпить. А еще Света купила книжки, которые я заказывал. “Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?” и “Истории обыкновенного безумия”. Я по телефону продиктовал ей список из того, что хотел бы прочитать, и велел выбрать любые две, которые ей попадутся. В мягкой обложке, шестьдесят рублей каждая, чтобы я смог вернуть ей деньги.

Курилка располагалась на черной лестнице, которой никто не пользовался именно как лестницей. Можно было подняться на этаж выше, так там даже и больных не было. Поэтому так мы и сидели, поднялись. И теперь спокойно себе выпивали: я водку с соком (мне купили “детскую” бутылочку ноль двадцать пять), а Света с Юлей коктейли из банок. И слушали, как этажом ниже пациент рассказывал веселую и печальную историю о том, как его лечили от алкоголизма, но так и не вылечили. Нам со Светой было весело, а Юля сидела надутая. Потом встала, подошла к окну и сказала:

– Я вижу лошадку в поле.

Мы посмотрели со Светой в окно, и там действительно было что-то вроде поля, засыпанного грязным снегом, и что-то вроде лошадки посреди поля, только неживое. А потом я дал им денег, которые передал мне папа через сестру, и они сходили еще за алкоголем. На этот раз я получил

взрослую бутылку – ноль пять и еще сока, а они снова ограничились коктейлями из банок. Договорились, что Свете за книги я отдам как-нибудь в другой раз. Мы хорошо выпили, а около восьми Света и Юля уехали.

У меня еще были и водка, и апельсиновый сок, и я не знал, что делать. Я отнес это добро к себе в палату, дедам я не стал предлагать, они меня не интересовали как собутельники. Поэтому я патрулировал до курилки и обратно, думая, пить ли одному, или же кому предложить выпить со мной. Я наткнулся на молодую раздатчицу в итоге и спросил:

– Ты выпьешь со мной?

– А есть? – спросила она.

И было похоже, что она не прочь. Неужели так просто? Со мной выпьет молодая и симпатичная девушка из персонала, ей даже и двадцати не было. А там кто знает?

– Водка с апельсиновым соком.

Она сказала, что будет занята еще минут двадцать: уборка, там, прочая ерунда, не знаю, чем она занимается. И если я дождусь, встретимся в курилке.

– Конечно. Я пойду в курилку, только буду этажом выше.

Я ее ждал и думал о сексе с ней. С одной стороны, я любил свою бывшую девушку. Но, с другой стороны, она же меня бросила. Ладно, раздатчица пришла, ее звали Наташа. Она рассказала о себе. Наташа училась в медицинском колледже и успевала еще работать здесь. Ей тоже было восемнадцать. Я ее поцеловал, и она ответила. Я положил ей руку между ног, и она сказала:

– Что ты делаешь?

– Ничего, – ответил я.

И теперь попытался что-то сделать. Прямо там начал помогать ее возле подоконника. Но, видно, я к этому еще не был готов. Я еще не успел и штаны-то снять, просто терся об нее промежностью, и мне вдруг стало так больно, как будто мошонку мне отрывают. Мой шов будто бы начал

расходиться, и все возбуждение тут же прошло. Я застонал, Наташа усадила меня на лестницу и сказала:

– Сам виноват.

Мы покурили, она меня отвела до палаты, на том и распрощались. Деды уже спали, я доковылял до кровати, разделся и лег. Я думал о Наташе, и думал о Свете, и думал о том, как Юля сказала:

– Я вижу лошадку в поле.

И ловил себя на мысли, что с удовольствием бы поцеловал Юлю в тот момент. Я опять возбуждился. Что же это значит? Если я люблю одну девушку, я не должен хотеть секса с другими или, по крайней мере, должен сдерживать в себе это. А ведь были моменты, когда я очень хотел и Свету поцеловать. Я понимаю, что это неправильно, и в то же время не понимаю. Я подумал, что я всего лишь младенец. Когда-то видел фотографию, на которой был изображен младенец, только с членом взрослого человека. Не помню, как называется эта болезнь. Только я тогда подумал, что этому младенцу нужны будут ползунки с тремя штанинами. А сейчас я ощущал себя тем младенцем. Мозги, сознание, беспомощность, только шняга, как у взрослого, а так ничего не изменилось за восемнадцать с половиной лет. Я мечтал стать цельным человеком, понять, чего я хочу в жизни. Я мечтал замереть над бездной, как над унитазом, полным мерзкой жижи. Удерживать равновесие над бездной, стоя на натянутом канате, жонглировать круглыми кубиками и квадратными шариками. Вся вселенная замрет, а мои стихи будут взрывами небывалой силы. Все это превратилось в кашу в моей голове, я свалился с каната в зловонную жижу, и снилась мне всякая ерунда.

Мы разминулись с отцом, когда я выписывался, и опять поругались. Он-то думал, что мне надо помочь с вещами, и поехал за мной в больницу в тот день, когда меня выписали. А я в это время уже благополучно напивался с Мишей. Только вот не соизволил никого предупредить. Но зато на следующий день лежу я на диване, подходит мачеха и начинает орать на меня. Что не получится у меня вот так просто лежать на диване. Я выслушал ее внимательно и ничего не ответил. Только тут зазвонил телефон, а это – меня. Мне звонят и предлагают выйти на работу. Продавать чайники. Я уже и забыл-то об их существовании.

– Конечно, выйду, – говорю я.

А потом говорю мачехе:

– К тому же я уже нашел работу.

Одна продавщица ушла в декрет, но вторая тоже уже была беременной. Кто-то о них обеих, видно, позаботился. И вот я явился на точку, и беременная Настя стала мне рассказывать, что к чему. Там, помимо чайников, было еще много чего: всякие брелоки, чехлы для сотовых телефонов и прочая муть. И даже одна микроволновка на верхней полке. Она мне объясняла, как показывать чайники, как пользоваться кассой. А потом она оставила меня одного и ушла на час куда-то. Целый час я сидел и смотрел на посетительниц. Уже стало тепло, и девушки начали оголять ноги. Я сидел в этом своем стеклянном аквариуме со страшной эрекцией посреди торгового центра. И тут подошла молодая китаянка и говорит:

– Я хочу такой, только зеленый.

Я смотрю не нее, и мне неловко встать, я сижу на стуле и тянусь за чайником, потому что, если я встану, эта красивая китаянка увидит мою эрекцию.

– Ой, тут только голубой.

Я дал ей чайник, и она стала его разглядывать. Потом говорит:

– Ладно, давайте голубой.

Я, все так же сидя, поставил чайник на прилавок, взял из-под прилавка ведро, в котором была вода, налил в чайник и включил его. Вода быстро закипела, я вылил ее обратно в ведро, вытер чайник полотенцем, положил его в коробку, но не смог пробить чек.

– Простите, – говорю, – я первый день. И я не умею обращаться с кассовым аппаратом.

Она удивленно смотрела на меня. Я еще пощелкал аппарат и по ходу совсем вывел его из строя. Китайка что-то сказала на китайском языке и ушла без чайника. Я посмотрел ей вслед, мечтая о том, как бы все могло у нас сложиться, если бы я был чуть расторопнее. Настя вернулась и спросила, как у меня дела.

– Я обосрался, – ответил я.

Она мне еще пять раз объяснила, как пользоваться кассовым аппаратом, и тогда я все понял. А потом пришла еще одна девушка, мы повесили табличку “Учет”. И стали всё считать. У меня мозг плавился. Мы складывали все цены от всего имеющегося товара, чтобы в результате получить определенную сумму. Два часа считали, а потом получили не ту сумму, которую должны были получить. Тогда они решили прерваться на обед, а потом опять все пересчитать. Беременная Настя и вторая девушка ушли куда-то обедать, а я вышел на улицу и теперь стоял возле торгового центра. Курил, мне-то идти было некуда. И тут меня окликнул какой-то чел.

– Привет, – говорит.

– Привет, – сказал я.

Это оказался один местный поэт – Иосиф Куралов, еще он ведет литературную мастерскую, в которую ходят одни молоденькие девочки. Куралов стрельнул у меня сигарету.

Такой серьезный с виду мужик лет сорока пяти. Я слышал про него, что он зашитый алкаш. Он сказал:

– Я прочел твои стихи, и они мне понравились.

– Где прочли?

– В книге, которую выпустил Ибрагимов.

Ибрагимов – это другой поэт, который ведет другую мастерскую – при университете, из которого я недавно отбыл. Там не только молодые девушки. Но это не важно.

– Что еще за книга? – спросил я у Куралова.

Оказалось, что вышла книга, в которую этот самый Ибрагимов собрал всех, кто как-то связан с нашим университетом. Ибрагимов отбирал не по качеству стихов и отбирал не только студентов, а также персонал, преподавателей или, там, работников. У любой университетской технички был шанс стать автором кирпича “Поэты университета”.

– На фоне остальных ты хорошо смотришься, – сказал Куралов и предложил мне выпить с ним пива.

– Да я на работу устроился. У меня обед скоро закончится.

Хотя пива хотелось. Куралов расспросил меня о работе, а потом как ни в чем не бывало:

– Ну что, пойдём?

– Куда?

– Пиво пить.

Я кинул прощальный взгляд на торговый центр и пошел с Кураловым. Только пришлось разговаривать о поэзии. А мне, признаться, неловко от этих разговоров про стихи. Он с виду серьезный мужчина, не похож на поэта, а мы сидим с ним в палатке, пьем пиво – это хорошо, – но он тут давай мне зачитывать. О вине, о женщинах.

На следующий день мне позвонила мой работодатель. Пыталась выяснить, куда я пропал. Но я сделал вид, что это не я с ней говорю, а меня нет дома. И больше она не звонила. Проблема моя заключалась только в том, что я оставил у

нее в офисе паспорт. Она взяла, чтобы сделать ксерокопию с моего паспорта, и теперь я стеснялся прийти и забрать его. Думал даже заявить о пропаже и сделать новый. Забрал его только через месяц. Пришел к ней в офис, нашел ее. А когда она спросила, куда я пропал, то я сочинил историю о том, как меня ограбили на улице и я провел три недели в больнице.

* * *

А пока паспорт мне и не был нужен. Миша свел меня с одним своим клиентом, и тот предложил мне поработать с ним за двести рублей в день. Его звали Славой, он был сварщиком и бывшим наркоманом. То есть раньше принимал тяжелые наркотики, а сейчас только курил и был теперь, как я уже сказал, Мишиным клиентом. За три года до этого я уже работал помощником сварщика. И того сварщика тоже звали Славой. Вот ведь в чем штука.

Нам предстояло поменять трубы в подвале железнодорожного вокзала.

В первый день мы приехали, зря просидели два часа, а трубы так и не привезли. Слава угостил меня пивом, и я вернулся домой.

На второй день мы приехали, зря просидели три часа, а трубы опять не привезли. Слава угостил меня пивом, извинился, что зря отнимает мое время, и я вернулся домой.

На третий день мы начали работать в девять утра и закончили в одиннадцать вечера.

С утра до обеда я растаскивал по подвалу трубы с мужиком похожим на обезьяну. Ему, казалось, это даже в кайф. Он тащил их, как будто они были сделаны из картона. Я обливался потом. Там было очень тесно, и вход в подвал был только с одной стороны. Поэтому поначалу трубы приходилось тащить почти двести метров через

весь подвал. Сверху капала сортирная жижа, было тесно, освещение плохое, сыро, и тут я начал вспоминать о том, как хорошо было в универе. Сидел бы в уютной аудитории – такие предательские мысли. Дотаскиваю эту трубу, думал я, возвращаюсь, сажусь в маршрутку, и больше вы меня не видели. Но мы брали следующую трубу и опять тащили ее в конец.

– Что ты такой хилый? – спрашивал у меня человек-обезьяна.

– Какой уж есть.

Ему было удобнее. У него были кирзовые сапоги и в несколько раз больше силы, чем у меня. Однако к обеду это закончилось. Славе жена, или теща, или хрен знает кто положили на обед лапши и тушенки. Мы поели, протянули кабель и начали варить. То есть я держал трубы, а Слава орудовал. Только кабель был хреновый, изоляция была хреновая, а ноги уже промокли, мы все были в грязи и, боюсь, даже отчасти в моче, и нас постоянно било током. Еще у Славы была шутка. Например, я сяду на трубу отдохнуть, закурю, а он – жаж! – в трубу держакотом от сварки. Разряд мне в задницу. Я с перепуга соскакиваю, а он себе хохочет. Такие шутки меня раздражали. Но еще больше раздражало, когда он делал неправильно, и нам приходилось переделывать. Под конец первого дня я уже был так издерган, что хотел дать Славе по роже. Но потом я ехал в маршрутке домой, и в кармане у меня лежали две сотни. Я с нетерпением ждал выходных и уже видел в мыслях, как буду тратить заработанное.

И после третьего рабочего дня я сидел перед телевизором. Я старался не заснуть, потому что, когда работаешь больше двенадцати часов в день, каждая минута безделья кажется драгоценной. А если заснуть – сразу проснешься, и опять на работу. Так вот, около полуночи мне позвонил Костя Сперанский и сказал, что мою бывшую девушку собираются

отчислять из института. Он ведь, если я забыл сказать, учился с ней в одной группе.

– Ты бы повлиял на нее, – сказал он.

Я тут же перезвонил ей самой и сказал:

– Что за дела? Почему тебе хотят отчислить?

Она сказала, что должна сдать два материала по журналистике. Репортаж и интервью.

– И в чем проблема?

– Не могу.

– Что значит не можешь?

– Нет, – говорит, – вдохновения.

Я сказал ей, что, если она такая дура, я за нее напишу. Был четверг, и я велел приехать ко мне в субботу. Она не поверила, что я смогу хорошо написать. Но я сказал:

– Не забывай, что я поэт и писатель.

И она согласилась. Но предупредила:

– Я приезжаю, мы пишем, что нужно, и все.

– И все, – согласился я.

Я плохо спал и плохо работал на следующий день, потому что ждал предстоящей встречи со своей бывшей, но до сих пор горячо любимой девушкой. Нам нужно было все доделать со Славой в пятницу, поэтому мы торчали в этом подвале до половины двенадцатого. Меня опять било током, и я вспоминал речь Хемингуэя “Писатель и война”. И думал о том, что я ничем не хуже Хема, потому что для кого-то школа жизни – это война, а для меня – разряд в задницу, что я как настоящий мужчина работаю по двенадцать-четырнадцать часов в день и скоро стану настоящим писателем.

И на следующий, после тяжелой трудовой недели, день я был награжден приездом возлюбленной. Она села на стул возле компьютера и стала рассказывать. Рассказывала, в чем вся соль, когда ты пишешь репортаж, и в чем вся соль, когда ты пишешь интервью. Только я не слушал, а смотрел ей

между ног и смотрел, как краешек трусиков выглядывает из штанов.

- Куда ты смотришь?
- На трусы.
- Ты слушай, а не смотри.

Но я схватил ее, стал целовать, и она задала этот вечный глупый вопрос:

- Что ты делаешь?
- Ничего, – ответил я, как отвечал уже не раз.

И я слышал, как за окном в палисаднике отец шутит о чем-то с мачехой. Слышал еще какие-то звуки с улицы, когда все это произошло. А потом все закончилось, хотя лучше бы никогда не заканчивалось, и мы с моей то ли бывшей, то ли нынешней девушкой шли к остановке. И я спросил:

- Мы снова теперь вместе?
- Не знаю.

И она спросила:

- А как же мои материалы?

Я посадил ее на автобус и за ночь написал репортаж и интервью. Репортаж был с выдуманного мной фестиваля рэпперов. Я выдумал одиннадцать групп, которые читали рэп. Среди них была группа “Маршрут 104”, которая зачитывала:

Человек с большим животом
Общается только со своим котом.

И была группа “Последний поворот”, которую тревожили более философские вопросы:

За карточным столом поддатый бог длиннобородый
Вдумчиво сидел, сатана месил колоду
И как-то ненароком, по привычке, сплутовал.
Создатель, ясно дело, наши души проиграл

И другие группы. Еще девять. Потом я дал оценку хип-хопу, поразмышлял о рэпе в целом и был таков.

А потом написал интервью, которым горжусь по сей день. Я выдумал человека, звали его Антон Нестеров, который коллекционировал левые ботинки. У меня у самого есть такая проблема: левые остаются целыми, а правые рвутся. И я написал про Антона Нестерова, который выкидывает рваные правые ботинки, а левые оставляет в коллекции. Он скопил пятьдесят три башмака за пять лет.

В воскресенье мы с моей (теперь снова моей) девушкой съездили в общагу универа, собрали там обуви у всех моих знакомых, расставили ее на подоконнике и сделали фотографии.

Моя девушка сдала мои работы, и поэтому ее отчислили не тогда, а на полгода позже. Но через полгода она снова уже не была моей девушкой.

* * *

Утром я стоял в ванной, чистил зубы, когда во входную дверь постучались. И тут же, не дождавшись ответа, в коридор зашла Кучина.

Ирина Владимировна Кучина из военно-учетного стола. Отсрочка-то моя закончилась. Я стою и смотрю на нее, из ванны в коридор смотрю, удивленно, с зубной щеткой во рту.

– Собирайся, – говорит она, – поедем в военкомат.

Я стою и смотрю на нее. Потом вытащил зубную щетку изо рта и сказал:

– Вы таким тоном это говорите, как будто на блядки меня зовете.

– Давай. Мы тебя ждем снаружи.

Я прополоскал рот. Она собиралась выйти из дома, но я сказал:

– Подождите. Мне нужно на работу сегодня. Я могу сам приехать завтра или послезавтра.

– Так и приедешь?

– Приеду.

Она не то чтобы поверила.

– Подождите, – сказал я. Вынес ей из своей комнаты личное дело. Я давно уже убрал оттуда все лишнее.

– Вот, – говорю, – только это возьмите. Оно, наверное, должно там лежать, в военкомате, я случайно с собой взял.

Она посмотрела на меня подозрительно.

– А чего это ты его домой утащил?

– Да забыл отдать.

– Забыл отдать?

Еще посмотрела и пошла. Только в дверях сказала:

– Я тебя предупредила. В следующий раз я заходить не буду. Если не приедешь – пеняй на себя.

– Приеду на днях, – говорю.

Она вышла.

Только теперь я на всякий случай перед тем, как пойти работать, по утрам выглядывал в окно. И не удивился, когда в одно прекрасное утро меня снова ждал “бобик” с брезентовой крышей за оградой. Вот они сидели в машине за оградой, место с видом на мое крыльцо.

Я взял обувь и пошел на кухню. Выкинул ботинки в форточку, встал на подоконник, пролез в форточку сам, спрыгнул с карниза и оказался со стороны огорода. Обулся и огородами пошел на остановку.

Пусть себе ждут. А я пойду другим путем. Встретимся осенью, ребята. Пусть хирург забудет мое лицо к тому времени. У меня еще две небитые карты – плоские, как парта, ноги моего сводного брата и направление в неврологическое отделение. А утреннее солнце светило, хорошо было, еще пара дней, и весна закончится, начнется лето. Я шел к остановке, мне было хорошо, солнце светило для меня, я

шел на работу и с каждой секундой становился взрослее, и на этом хотелось бы закончить всю эту историю.

Только добавлю маленький постскрипtum. С тех пор прошло несколько лет, и вот что я могу еще сказать напоследок о себе и тех, о ком рассказывал:

1. О себе. Вскоре меня опять бросила моя девушка, и еще через пару месяцев я даже ее разлюбил. И после я еще не раз оставался без девушки и без работы и поступал еще в два института. В последнем задержался дальше первого курса и сейчас учусь. А схему с ногами моего сводного брата оказалось провернуть легче легкого.

2. О Мише. Миша бросил все свои грязные дела, к настоящему моменту стал Специалистом По Безопасности в соевой компании. Он самый первый из моих друзей женился, и родили они с женой месяц назад сына-богатыря.

3. О папе. Мой папа и моя мачеха живут теперь без меня и без сводной сестры, потому что мы уже выросли и свалили. Я вижу с ним, когда он приезжает в командировку в Москву. Я не скажу, что очень его понимаю, но зато мне кажется, мой папа стал-таки самым счастливым человеком из всех, кого я знаю. Несмотря ни на что. И я надеюсь, что генетически, ну хотя бы в теории, у меня тоже есть такая возможность.

А об остальных пока больше ничего не хочу рассказывать.

по впечатлениям от весны 2003-го и весны 2004-го
записано в августе 2007-го

Книги издательства «Ил-music» как правило можно купить в магазинах:

- «Фаланстер», «Ходасевич», «Циолковский» (Москва);
- «Все свободны», «Факел», «Марки и закладки» (Санкт-Петербург);
- «Смена» (Казань).

По почте вы можете заказать книги через сообщество реп-группы «макулатура» на «вконтакте»:

- <https://vk.com/makulaturabrat>

ТРЕТЬЯ ШТАНИНА
Е. Алехин, 2004, 2007,2008
Ил-music, 2017

редактор – Анастасия Козакевич
фото – Мария Норден
макет обложки – Вова Седых
верстка – Chonyatsky